

II-10.
D. 137.

О П

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО

ПАНТЕОНЪ

9669
74405

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.
Составилъ П. Корсаковъ.

1843.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. СУНАЧАРСКАГО
ТЕАТРА ДРАМЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ РАЗСЛАТО

ИИ

ПАНОТОНЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1843
года, января 15 дня.

Ценсоръ *И. Корсаковъ.*

1843.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА

РЕПЕРТУАРЪ

ПАНТЕОНЪ.

ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ, РУССКАГО И ИНОСТРАН-
НЫХЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. БРАТЯ КУПЦЫ ИЛИ ИГРА СЧАСТІЯ, драма. <i>Перев. П. Г. Ободовскаго.</i>	1
II. ДОМЪ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНѢ, водевилъ <i>П. А. Каратышина.</i>	92
III. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА» (Гете) <i>перев. И. П. Бочарова.</i>	120
IV. ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВЪ. Гете и Графиня Штольбергъ. (Окончаніе).	134
V. КВИТЬ. СЛУЧАЙ. <i>Н. В. Кукольника.</i>	155
VI. ПРЕДСМЕРТНЫЯ ПРИЗНАНІЯ. Изъ «Записокъ медика».	171
VII. СТИХОТВОРЕНІЯ. Эллада, <i>В. Р. Зотова.</i> —Къ красавицѣ, нюхающей табакъ.	203
VIII. ПРАВЫ. Прегніе и нынѣшніе художники.	206
IX. СМЕСЬ. Первообразъ Шекспирова «Цимбелина».—Статистика парижскихъ театровъ въ 1842 году.—Два Фальстафа.—Новая драматическая премія и новый драматическій альманахъ.—Критикъ и актеръ.—Новая Сандрильона въ натурѣ.—Черта изъ жизни Ал. Дюма.—Толстые французскіе гениі.—Анекдоты и мелочи.	215
X. ХРОНИКА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ. (<i>Январь</i>). Парижскіе театры.—(Le bonheur sous la main, вод.; Le capitaine Charlotta, вод.; Linda di Chamouni, опера; La part du diable оп.; Une femme à la mode, ком.; Madeleine, мелодр.; Mademoiselle de la Faille, др.; Mademoiselle de Bois-Robert, вод.; Eloi l'innocent, вод.; Dom Pasqual, оп.; Molière à Chambord, ком.; Les dettes criardes, вод.; L'huissier amoureux, вод.) Вѣнскіе театры [Ein weißes Blatt, др.]—Разныя извѣстія.	231
XI. ФЕЛЬЕТОНЪ. (<i>В. С. Межовича</i>).	
XII. АФИШКА.	

КЪ СЕЙ КНИЖКѢ ПРИЛАГАЕТСЯ ПОРТРЕТЪ Г-ЖИ ГРАНЬ.

БРАТЯ КУПЦЫ

ПЛН

ИГРА СЧАСТІЯ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

Представлена въ 1-й разъ на Александринскомъ Театрѣ,
7-го января 1842.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Генрихъ VI, Король Англійскій. . . . . Г. Максимовъ 2-й.
Томасъ Фостеръ, Лондонскій торговецъ. . . . . Г. Сосницкій.
Кальпурнія, жена его. . . . . Г-жа Бормотова
Робертъ, сынъ его отъ перваго брака. . . . . Г. Смирновъ 2-й.
Стефанъ Фостеръ, младшій братъ его. . . . . Г. Каратыгинъ 1-й.
Вальтеръ Браунъ, торговецъ. . . . . Г. Третьяковъ.
Миссъ Долли, его дочь. . . . . Г-жа Сорокина.
Эрминія Клифордъ, богатая молодая вдова. . . . . Г-жа Дюръ.
Сиръ Джоржъ Клингшорнъ) женихъ Миссъ Г. Марковецкій.
Сиръ Иннокентій Ламъ) Долли Браунъ Г. Драчъ.
Ричардъ, бухгалтеръ Томаса Фостера. . . . . Г. Васильевъ 2-й.
Джонъ, слуга Эрминіи. . . . . Г. Фальевъ.
Гинтонъ) . . . . . Г. Сергеевъ.
Кларкъ) записные гуляки. . . . . Г. Горшковъ.
Вильсонъ) . . . . . Г. Толгеновъ 3-й.
Толстый господинъ. . . . . Г. Фоминъ.
Толстая госпожа. . . . . Г-жа Штофертъ.
Поселякъ. . . . . Г-жа Карпинская.
Старый солдатъ. . . . . Г. Сосновской.
Нотариусъ. . . . . Г. Вороновъ.
Тюремщикъ. . . . . Г. Левлевъ.
Полицейскій служитель. . . . . Г. Чайскій.
Слуга Брауна. . . . . Г. Антоковский.
Слуга въ Тавернѣ. . . . . Г. Асенковъ.
Лордъ-меръ, шерифы, дамы и кавалеры, граждане и граждане,
музыканты и народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Богато-убранная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эрминія, Джонъ, *старый ея слуга*. Эрминія *выходитъ изъ боковой двери*, Джонъ *стоитъ передъ нею въ ожиданіи*.

Эрминія.

Придетъ ли стряпчій?

Джонъ.

Онъ сейчасъ придетъ..

Онъ спрашивалъ меня, зачѣмъ его вы звали;

Пододержался я, ни слова не сказалъ.

Эрминія.

Но что-бы ты сказалъ?

Джонъ.

Свои догадки.

Эрминія.

Право!

Какія-бъ напримѣръ?...

Джонъ.

Вы вздумали писать

Духовную....

Эрминія.

Забавно! развѣ я

Сбираюсь умирать....

Джонъ.

Такъ кажется.

Эрминія.

Глупецъ!

Джонъ.

Поймите: въ васъ вдова Эрминія умретъ —

И явится замужней леди.

Эрминія.

Мило!

Такъ, я хочу писать свой брачный договоръ.

Да, ты умно сравнилъ его съ духовной!

Духовная ведетъ съ собою вѣчный миръ,
А брачный договоръ войну и несогласье.

джонъ.

Судя по вашему цвѣтущему лицу,
Вы, кажется, склонны болѣ
Къ раздорамъ и войнѣ, чѣмъ къ миру.

эрминия.

Пустомеля!

Оставь меня.

джонъ, уходя.

Она причудница большая!

Пожалуй, за-мужъ выйдетъ за меня!

ЯВЛЕНІЕ II.

эрминия, у окна.

Какъ вѣчно-ясное мнѣ надоѣло небо!
Ни облачка не плаваетъ по немъ;
Вотъ сущій прѣсный день, какъ жизнь моя.
Кто хочетъ счастье чье на-вѣки отравить,
Тому лишь дай миллионы во владѣнье....
Вотъ выглянулъ опять должникъ тотъ изъ тюрьмы,
Просунулъ голову сквозь узкую рѣшетку;
Онъ на меня глядитъ; — прекрасныя черты,
И мужественный видъ, помрачены унышемъ;
Быть-можетъ, онъ моей завидуетъ судьбѣ:
Въ палатахъ я живу, а онъ въ темницѣ душной —
Глупецъ, несчастіемъ ты бѣдность считаешь.....
Въ богатствѣ счастья нѣтъ — тому примѣромъ я.

Смотритъ въ тюрьму.

Другое личико мелькнуло за рѣшеткой —
Какой-то юноша, быть-можетъ, сынъ его.
Какъ веселъ онъ! должникъ въ восторгѣ скачетъ —
Ребенкомъ сталъ....

На улицу раздается голосъ Стефана Фостера.

«Вивать! свободенъ Фостеръ!»

Какъ, это Фостеръ? Да, о немъ слыхала я.
Молвъ не вѣрила, что онъ безпутный малой,
Теперь на дѣлѣ убѣдилась въ томъ,

Ну, вотъ выходитъ онъ. — Дай Богъ, чтобъ никогда
Въ тюрьму не заглянулъ! — Не лицемѣрка-ль я?
Желаю одного, а говорю другое.

Мнѣ-бы хотѣлося, чтобъ заперли его
Подолѣе въ тюрьму.... Кругомъ толпа народа
Зѣваетъ на него: ихъ удивляетъ то,
Что, бѣдный человѣкъ, — и радоваться смѣетъ!
Забыться дай ему, докучливая чернь,
И онъ своей свободою прискуचितъ:
Такой же будетъ онъ брызгой — какъ ты, какъ я!

ЯВЛЕНІЕ III.

Джонъ, Эрминія и Стряпчій.

джонъ.

Стряпчій пршелъ, сударыня.

эрминія, *дѣлаетъ знакъ, чтобъ
онъ вошелъ его.*

Чу! ворота скрипятъ, онъ выбѣгаетъ первый....

Онъ юношу оставилъ позади,

Какъ-будто въ юношу теперь самъ превратился.

Онъ весъ — восторгъ и счастье! о грусть,

Лишь ты одна вдыхаешь эти чувства!

стряпчій.

Вы приказали мнѣ придти, миледи

эрминія.

Извольте сѣсть. —

стряпчій, *подаетъ стулъ Эрми-
ній, потомъ беретъ для
себя, садятся.*

эрминія.

Извѣстно вамъ, — что я причудлива, странна,

Но не по склонностямъ, повѣрьте мнѣ, сердечнымъ,

А по судьбѣ моей — которой нѣтъ примѣра —

Не удивитесь — когда я вамъ скажу —

Предъ вами женщина, которая до-нынѣ

Еще не знаетъ, что такое грусть.

стряпчій.

Но вы заботу, страхъ, потери испытали?

Ни мало.

Эрминия.

Стряпчий.

Странно.

Эрминия.

Такъ — по хорошо-ли?

Стряпчий.

Сомнѣнья нѣтъ.

Эрминия.

Вотъ такъ-то люди судятъ

Лишь по наружности о счастья другихъ....

Что я богата....

Стряпчий.

Вамъ за то и честь и слава.

А есть у васъ родители, миледи?

Эрминия.

Я ихъ лишилась въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ,

Когда и чувствовать еще я не могла

Потери ихъ.

Стряпчий.

А вашъ супругъ?

Эрминия.

Я вышла

За старика, онъ мнѣ навязанъ былъ

Родительской духовной. — Хилый, дряхлый,

Въ день свадьбы слегъ въ постель и богъ не вставалъ,

Меня единственной наследницей назначивъ.

Имѣнья своего.

Стряпчий.

Къ тому-же преобладаю.

Эрминия.

Милльоновъ.

Стряпчий.

Чудный бракъ, завидный бракъ —

Вы очень-счастливы.

Эрминия.

Такъ кажется.

Стряпчий.

Ужель

Вамъ постоянство счастья надобно?

Эрминия.

Смертельно! — горечь я судьбы узнать хочу,
И потому васъ пригласила.

Стряпчий.

Горечь?

И потому меня?

Эрминия.

Вы мнѣ ее доставьте.

Стряпчий.

Охотно! я васъ въ тяжбу завлеку,
Запутаю — мы выиграемъ оба.
Досада вамъ достанется на часть,
А мнѣ — имѣніе.

Эрминия.

Нѣтъ, вы изъ-за меня

Затянете въ бѣду другихъ и разорите,
Какъ водится у вашей братьи, — а на-счетъ
Другихъ я не хочу себѣ купить досаду.
Нѣтъ-ли другаго средства? —

Стряпчий.

Я на васъ

Сатиру напишу, оклеветшу, позоромъ
Покрою васъ.

Эрминия.

Оставьте честь въ покоѣ.

Она, какъ золото, досель была чиста!
Дай Богъ, чтобъ на-всегда такой она осталась.
Нѣтъ-ли другаго средства?

Стряпчий.

Есть одно:

Извольте выдти за-мужъ

Эрминия.

Это, такъ.

Вы на слѣды моихъ напали мыслей.

Стряпчий.

Досаду, грусть, раздоры и заботы
Вы можете въ супружествѣ найти;
Противнаго тому у насъ всѣ ищутъ въ бракахъ,

А большей частью достается всѣмъ
Лишь то, чего желаете вы, леди.

Эрминия.

Я за-мужъ выхожу, — вѣришь нѣтъ расчета
Узнать несчастье.

Стряпчий.

Нашли-ль вы жениха?

Лишь прикажите: вы—восточный деспотъ,
И явятся на зовъ вашъ женихи.
Гражданскіе чиновники, какъ мухи....

Эрминия.

На свѣчку налетать и крылья обожгутъ.

Стряпчий.

Военные, всѣхъ возрастовъ и чина,
Герои всѣ.....

Эрминия.

Не моего романа.

Стряпчий.

Кого-жъ посватать вамъ.

Эрминия.

Не ваше дѣло сватать:

Контрактъ пишете, лишь оставьте мѣсто
Для имени того, кого я выберу.

Стряпчий.

Преудивительно, непостижимо, странно!
Такого казуса не видано у насъ.

Извольте, я контрактъ вамъ приготовлю.

Эрминия.

Сегодня? Вамъ я щедро заплачу.

Стряпчий.

Умъ и перо къ услугамъ вашимъ, леди.
Покорнѣйшій слуга. *Раскланивается.*

Эрминия.

Чуръ не бранить меня:

За странности не назовите глупой.

Стряпчий.

Между богатыми, миледи, глупыхъ нѣтъ.

Раскланивается и уходитъ.

Эрминия уходитъ въ свою комнату.

Комната въ домѣ Томаса Фостера въ Лондонѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ и ВАЛТЕРЪ БРАУНЪ, въ разговоръ между собою, РИЧАРДЪ, занимается письменными дѣлами за столомъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Въ Дувръ прибыли всѣ наши корабли; Подуетъ имъ лишь вѣтерокъ попутный — Дни чрезъ два, какъ-разъ, къ намъ прилетятъ.

БРАУНЪ.

Съ богатой прибылью.

ТОМАСЪ.

Убили много мы .....

На этотъ грузъ! И то сказать, иначе И сдѣлать я не могъ: для мелочныхъ торговъ Я не рожденъ съ моимъ умомъ высокимъ

БРАУНЪ.

Притомъ у васъ и средства есть на это.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Второй мой бракъ мнѣ выгоды принесъ: Кабы не бракъ второй — не поднялся бы я; Теперь-же, вамъ ни въ чемъ не уступая, Могу пресмѣло посягать и я На важный санъ шерифа и лордъ-мера.

БРАУНЪ.

Фортуна любить васъ, и потому Охотно я вступаю съ вами въ долю. Торговый нашъ союзъ, вы видите, цвѣтетъ. Пускай и дружба наша не увянетъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Аминь, аминь.

Они берутъ другъ друга за руку.

БРАУНЪ.

Въ порядкѣ ли балансъ?

РИЧАРДЪ.

До шиллинга, сударь.

БРАУНЪ.

Подайте.

Беретъ бумагу, разсматриваетъ и прячетъ за-пазуху.

Ну, мой другъ,

До васъ есть у меня еще одно дѣлишко.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Что вамъ угодно — можете сказать,

Лишь о негодномъ братѣ ни полслова.

БРАУНЪ.

О немъ-то и хотѣлъ я намекнуть.

ФОСТЕРЪ.

О расточителѣ, мотишкѣ, побродягѣ?..
И слышать не хочу, — прошу не продолжать!

БРАУНЪ.

Вѣдь онъ вашъ братъ, и многимъ васъ моложе;

Подъ сердцемъ съ вами онъ лежалъ однимъ,—

Единокровный братъ — и онъ въ тюрьмѣ томится!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

И по-дѣломъ ему, запрятанъ хорошо.

Пусть тамъ долги свои считаетъ, отъ-бездѣля,

И сколько за него я денегъ заплатилъ.

БРАУНЪ.

Средь голыхъ стѣнъ...

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Средь крѣпкихъ, толстыхъ стѣнъ.

Онъ его лишь удержатъ умѣютъ

Отъ жизни удалой, безпутной, отъ игры;

Фамилы нашей тамъ онъ не позорить.

БРАУНЪ.

Умилосердитесь надъ нимъ!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Да, кстати,

къ *Ричарду*.

Гдѣ сынъ?

РИЧАРДЪ.

Онъ вышелъ утромъ рано.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Куда?

РИЧАРДЪ.

Хотѣлъ онъ дядю навѣстить.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Въ тюрьмѣ? Какъ дороги отлучки эти мнѣ!
Мои деньги онъ искушаетъ дядю.

БРАУНЪ.

Вѣдь онъ вашъ братъ: за это-бы отцу
Не стоило и гнѣваться на сына.

ТОМАСЪ.

Не гнѣваться?... Нѣтъ, мало!... Отъ него
Я отрекусь, лишу отцовскаго наслѣдства,
Когда отъ дяди не отстанетъ онъ; —
Я имя брата вычеркну изъ сердца...
Когда-же сыну мало и того —
Изъ сердца вычеркну я даже имя сына.

БРАУНЪ.

Спроситесь съ сердцемъ, что оно вамъ скажетъ?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

А то-же самое, что говоритъ языкъ.
А вотъ моя жена: она вамъ поразкажетъ
О всѣхъ проказахъ брата, и тогда
Пройдетъ у васъ охота и усердье
Стефана защищать, — спросите-ка ее.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и г-жа Фостеръ.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Ахъ, Господи, найду-ль когда покой?

увидя Брауна.

А, здравствуйте.... вы здѣсь? ужели васъ не давить
И самый воздухъ въ домѣ нашемъ? Мужъ,
Мы заколованы, — у насъ живетъ нечистый,
И мучить насъ раздорами всякъ часъ.

ТОМАСЪ.

Что? что съ тобой, жена? — Помилуй Богъ!

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Ужъ нечего сказать, мы сносимъ терпѣливо,
 Какъ наши денежки летать изъ сундуковъ.
 А изъ чего же сносимъ? изъ пустаго, —
 Изъ нѣжности родительской! — охъ! охъ!

ТОМАСЪ.

Намекъ на сына.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

И къ кому онъ летать?

Къ бездѣльнику, отъявленному моту!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, Брауну.

Намекъ на брата.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Ну, какой ты мужъ?

Богатое мое приданое на то-ли

Я принесла тебѣ, чтобъ содержать воровъ,

Уплачивать долги безпутныхъ, бездомовныхъ? —

Твоя жена отъ гнѣва слезы льетъ,

А милый твой сыночекъ въ глаза ей скалитъ зубы,

А ты, примѣрный мужъ, ты — въ домъ господинъ —

И пикнуть за жену передъ сынкомъ не смѣешь!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Не общалъ-ли я тебѣ его прогнать

Изъ дома моего, лишитъ его наслѣдства,

Когда въ мой домъ онъ брата приведетъ?

Чего-же отъ меня, скажи, еще ты хочешь?

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Чтобъ слово ты свое, мнѣ данное, сдержалъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Сдержу его! — Теперь же мы спокойны

На-счетъ Стефана: онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Когда свой домъ тюрьмой ты называешь, —

Да, для меня твой домъ тюрьмою сталъ:

Тюремщики—твоя безпутная роденька.

ТОМАСЪ.

Ты бредишь! — За долги сидитъ Стефанъ въ тюрьмѣ.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

На бархатномъ моемъ старинномъ креслѣ,
 Какъ герцога, развалясь и ноги протянувъ
 По пестрому ковру, сидитъ въ моей гостиной,
 А Робертъ передъ нимъ.... Вотъ я вхожу въ покои...
 Увидя ихъ, какъ вкопаная стала!
 А братецъ твой и сынъ — ну въ хохотъ: «Что взяла,
 Сказалъ онъ подбочась: «Я снова на свободѣ,
 Какъ ласточка — по милости его».
 Онъ указалъ на Роберта — и оба
 Вдругъ покатались со-смѣху.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Какъ? Стефанъ
 Въ моемъ дому? возможно-ли?

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Свободенъ,
 И выкупленъ на наши деньги онъ!
 Ты выкупъ примиши къ другимъ его уплатамъ...
 Любезный братецъ къ намъ пожаловалъ опять!
 Премилая родня! родней могу похвастать...

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Когда-же такъ — я докажу на дѣлѣ,
 Что въ домѣ я хозяинъ!... — Нѣтъ, жена,
 Ты шутишь, быть не можетъ чтобъ они...

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Отсохни мой языкъ, когда я лгу тебѣ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *Ричарду*.

Ихъ позови сюда, чтобъ шли сюда сей-часъ-же!
 Теперь раздѣляюсь я съ ними не шутя.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ, *вдругъ ласково*.

За то люблю, мой добрый, нѣжный мужъ.

БРАУНЪ.

Подумайте, мой другъ.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ, *очень-утихо*.

Еще есть время, — послѣ,
 Почтеннѣйшій, теперь позвольте намъ устроить
 Домашнія дѣла.

БРАУНЪ.

Сказать мнѣ дайте слово...

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Ахъ, Богъ мой!—послѣ, скажете, сударь,
Лишь съ этой челядью раздѣлаться намъ дайте.

ЯВЛЕНИЕ VI.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, РОБЕРТЪ и проч.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Безстыдный! такъ-то ты приказъ мой исполняешь?
Не думаешь-ли ты найти во мнѣ отца,
Который дастъ себя на помочахъ водить?
Ошибся ты въ своемъ расчетѣ дерзкомъ.
А ты —

СТЕФАНЪ.

Что я?

ТОМАСЪ.

Ты не въ тюрьмѣ?

СТЕФАНЪ.

Какъ видишь.

ТОМАСЪ.

А я предполагалъ, что ты въ тюрьмѣ сидишь.

СТЕФАНЪ.

Предполагаемъ мы — а Богъ располагаетъ.

ТОМАСЪ.

Тамъ хорошо ты спрятанъ былъ.

СТЕФАНЪ.

Ты правъ,

Украсть меня оттуда было трудно;

Тюремщикъ подъ замкомъ меня берегъ:

Чужой мнѣ цѣну зналъ — а братъ родной не знаетъ.

ТОМАСЪ.

Какъ вышелъ ты оттуда, удивляюсь!

СТЕФАНЪ.

Да также какъ вошелъ—чрезъ ворота.

ТОМАСЪ, Роберту.

Ты выкупилъ его; неблагодарный сынъ?

РОБЕРТЬ.

Я сдѣлалъ то, что мнѣ внушало сердце.)

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Какъ дерзокъ онъ!

БРАУНЪ.

Его вы раздражили.

ТОМАСЪ.

Ты мнѣ принадлежишь и тѣломъ, и душой,

Всего себя ты посвящать обязанъ

На пользу мнѣ; вся кровь въ тебѣ—моя,

И чувствовать ты долженъ по приказу

Родителя....

РОБЕРТЬ.

А чья же въ дялѣ кровь?

Не ваша—ли? не братъ—ли вамъ мой дядя?

ФОСТЕРЪ.

Онъ мнѣ не братъ! о немъ я слышать не хочу.

СТЕФАНЪ.

Оставь его, — скорѣй ты размягчишь камень,

Чѣмъ сердце братнее разжалобишь словами.

Съ кубышкой золота теряешь время ты.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Вѣдь чести Фостера языкъ не вреденъ злой.

Какъ камень отъ скалы гранитной

Змѣиный ядъ отскочить отъ нея.

СТЕФАНЪ.

Отъ яда вашего гранитъ позеленѣтъ!..

Яхидна... я хотѣлъ «Кальпурнія» сказать.

РОБЕРТЬ.

Оставьте, дялюшка.

ТОМАСЪ, въ ярости.

Когда ты поручился

За этого мерзавца, — съ глазъ долой!

Ползи въ тюрьму за нимъ — и вой съ нимъ за одно,

Грызи тамъ черствый хлѣбъ, мочи его слезами,

И голодомъ своимъ выплачивай долги!

БРАУНЪ.

Прошу васъ, Фостеръ, другъ, смягчитесь,

СТЕФАНЪ.

На эту братскую отцовскую любовь
Я пасквиль сочиню и буду каждый день
Пѣть подъ окномъ твоимъ, жестокосердый скряга.

ТОМАСЪ.

Пой Лазаремъ: «Подайте, Бога-ради,
На хлѣбъ насущный нищему».

СТЕФАНЪ.

Съ сумой

Къ тебѣ ходить по праздникамъ я буду;
Когда изъ церкви ты въ толпѣ кушцовъ идешь,
Я подойду къ тебѣ—скажу: «Здорово, братецъ»—
И хлѣба черстваго кусокъ тебѣ подамъ,
И громко закричу: «Смотрите, добры люди,
Вотъ брата до чего роднаго онъ довелъ!»

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Съ церковной паперти тебя дубьемъ проводятъ.

РОБЕРТЬ.

Ахъ дядюшка, не слушайте, онъ въ гнѣвѣ.

ТОМАСЪ.

Прочь изъ дому, и ни ногой сюда!
Вась конюхи мои собаками затравятъ.

СТЕФАНЪ.

Такъ оставайся же, продажная душа!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *сыну.*

А ты, упрямецъ, если не отстанешь
Отъ сволочи безпутной, игроковъ,
Когда ты связи съ нимъ на-вѣки не прервешь,
Не смѣй мнѣ на глаза являться,—не отецъ я!
Тебя знать не хочу, пѣть мѣста для тебя
Въ моемъ дому, ни въ сердцѣ, ни въ духовной.

СТЕФАНЪ.

О гордый лордъ съ аршиномъ и вѣсами,
О нѣжный сынъ родителей моихъ!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ беретъ за руку жену
и съ нею уходитъ. Браунъ хочетъ за
ними слѣдовать, но оборачивается въ
дверяхъ къ Роберту и говоритъ.

БРАТНЬ.

Еще надежда есть съ отцомъ васъ примирить.
 Видайтесь съ дочерью моею, какъ прежде,
 Мой домъ открытъ для васъ, но помните, что я
 Лишь за наслѣдника отцовскаго имѣнья
 Отдамъ свою единственную дочь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СТЕФАНЪ и РОБЕРТЬ.

РОБЕРТЬ *стоитъ печально, сложивъ
 руки и вздыхаетъ.*

СТЕФАНЪ.

И по дѣломъ тебѣ, за чѣмъ меня ты любишь?
 Вотъ видишь, Робертъ, ни жестокость брата,
 Ни то, что первый я въ столицѣ негодяй,
 Ничто меня не трогаетъ, ты видишь....
 А тронула меня лишь за живое—
 Печаль твоя, мой Робертъ... Я не плачу,
 Смѣюсь, смотри, не унываю я.

РОБЕРТЬ.

Не плачьте дядюшка, не злобенъ мой отецъ;
 Одумается онъ.

СТЕФАНЪ.

Его я, Робертъ, знаю.

Онъ въ словѣ твердъ, тебя лишитъ наслѣдства,
 Но ты спокоенъ будь, въ нуждѣ не будешь ты,
 Не будешь, право!

РОБЕРТЬ.

Вы лишь о себѣ заботьтесь:
 Самимъ вамъ не-чѣмъ жить.

СТЕФАНЪ.

Постой, блеснула мысль

Счастливая! — она удастся; — bravo!
 Мы обезпечены, — разбогатѣли мы —
 Мы заживемъ съ тобой какъ короли, какъ Крезы!

РОБЕРТЬ, *уныло улыбается.*

СТЕФАНЪ.

Не смѣйся надо мной. — Вѣдь счастье, ты знаешь,
Слетаетъ къ тѣмъ скорѣе, кто стоитъ
Надъ пропастью: — такую мысль, мой другъ,
Внушила мнѣ, фортуна. — Всѣмъ бѣдамъ конецъ!
А если у тебя деньжонки?

РОБЕРТЬ.

Есть, такъ что́-же?

СТЕФАНЪ.

Хоть сорокъ шиллинговъ.

РОБЕРТЬ, *вынимаетъ кошелекъ.*

Последніе они.

Извольте, дялюшка, но что́ хотите дѣлать?

Вѣдь съ этой малостью намъ въ Крезы не попасть.

СТЕФАНЪ.

Фортуна выведетъ насъ въ Крезы, ты увидишь;
Озолотитъ тебя — иду въ игорной домъ!

РОБЕРТЬ.

Опять? — Ахъ, дялюшка!

СТЕФАНЪ.

Прошу, не беспокойся.

Тамъ счастье ждетъ меня — я промаха не дамъ.

Онъ бѣжитъ.

РОБЕРТЬ.

Останьтесь, дялюшка, — останьтесь, ради-Бога!

Убѣгаетъ въ-слѣдъ за нимъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Площадь; на правой сторонѣ находится таверна, у дверей
разставлены столики. — По лѣвой прекрасный домъ Г. Брау-
на. — Задняя декорация представляетъ часть публичнаго са-
да, котораго рѣшетчатые ворота открыты; мимо сада идетъ
улица.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ и гуляки Гинтонъ, Кларкъ и Вильсонъ,
сидятъ за столомъ и пьютъ. — Слуга изъ таверны

СТЕФАНЪ.

Ну, что́ и толковать о женщинахъ! друзья

Кн. II — 3.

Я въ сѣти ихъ еще не попадался!

Указывая на Кларка.

Въ его лѣта, ихъ проводилъ порядкомъ,

И проскользнуть умѣлъ въ тончайшую ихъ сѣть,

Все оттого—что въ нихъ я не влюблялся....

Любилъ одну изъ женъ, и вѣрилъ ей всегда:

Она души моей кумиръ, моя богиня....

всѣ.

Кто, кто она?

Стефанъ.

Фортуна.

всѣ.

Ха, ха, ха!

Вотъ одолжилъ, нашелъ въ кого влюбиться!

Въ измѣнницу—фортуну!... Вѣдь она

Непостояннѣе, измѣнчивѣе женщинъ!

Стефанъ.

Я все—таки въ нее безъ памяти влюбленъ:

Она меня на правый путь поставитъ,

Сдастся мнѣ.... Да что намъ здѣсь сидѣть?

Всего вина въ тавернѣ намъ не вышить!

Возьмемтесь—ка за кости.

Гинтонъ.

Видно ты

Въ тюремѣ кладъ отыскалъ — деньжонки завелися.

Стефанъ.

Въ тюремѣ или въ аду, вамъ, братцы дѣла нѣтъ.

Слушь.

Эй!... но сперва хочу оружье видѣть,

Которымъ мы сражаться будемъ здѣсь.

Гдѣ ваши кошельки? мнѣ въ вашемъ честномъ словѣ

Поживы нѣтъ, — гдѣ ваши кошельки?

Всѣ вынимаютъ кошельки.

Вильсонъ.

Экъ пасть свою разинулъ, какъ акула, —

Вѣдь подавиться есть чѣмъ, посмотри.

Стефанъ.

Теперь узналъ число я вашихъ предковъ;

Мы всё здѣсь рыцари, породю равны,
И на турниръ вступаю съ вами смѣло.

Всѣ хохочутъ.

СТЕФАНЪ.

Слуга! — ну, шевелись, улитка, черепаха!

СЛУГА.

Чего прикажете?

СТЕФАНЪ.

Намъ номеръ отведи.

СЛУГА.

Всѣ заняты, отъ чердака до низу.

СТЕФАНЪ.

Такъ принеси намъ кости и бокаль.

Ну, братцы, я теперь опять въ своей стихіи;

Есть деньги, кости есть, и есть съ кѣмъ поиграть —

Я обыграю васъ.

СЛУГА, приноситъ кости и бокаль,
ставитъ на столъ, и уходитъ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, трясетъ кости въ
бокаль.

Шесть! это что? тѣу пропасть, проигралъ!

Потерей началъ кто, тотъ выигрышемъ кончить.

Вынимаетъ деньги изъ своего кошелька и кладетъ на столъ.

Бери.

ГИНТОНЪ, кладетъ деньги.

Хвастунъ, ну, выѣзжай!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Весь банкъ!

ГИНТОНЪ, бросаетъ.

Чудесно! Онъ заребаетъ деньги Стефана.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Весь адъ противъ меня! пять, двѣ шестыхъ.

Еще мечите разъ и я васъ разорю.

Бросаетъ деньги, страсть выражается у него въ чертахъ и въ тѣлодвиженіяхъ.

Что медлите, скорѣй мечите.

ГИНТОНЪ, мечетъ,

Ба, чудесно!

Вотъ три шестыхъ. Забираетъ деньги Стефана.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Да вы въ союзъ съ сатоной.

Въ ужасъ страсти.

Клянуся честью, я васъ доканаю,

Я ставлю все, что въ кошелькѣ — мечите.

ГИНТОНЪ, долбо трясетъ бокалъ.

Ну, выходите-же. Мечетъ. Тамъ двѣ шестыхъ и съ третью.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Здѣсь тайна кроется, ужъ нѣтъ ли тутъ обмана?

Онъ осматриваетъ кости.

Искаріотъ, вѣдь кости-то не тѣ,

Что намъ принесъ слуга, — играли вы фальшиво,

Бездѣльники! Я раскрою вамъ лбы,

Когда назадъ не отдадите денегъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежние, Робертъ, который въ намъреніи идти въ домъ Брауна, хочетъ стучаться въ дверь, но, услышавъ шумъ, останавливается, прислушивается, видитъ своего дядю, ужасается.

ГИНТОНЪ.

Умѣрьте гнѣвъ

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Назадъ отдай мнѣ деньги

ГИНТОНЪ.

Прочь, неотвязчивый, не накликай дуэли.

КЛАРКЪ И ВУЛЬСОНЪ.

Тебя проучимъ мы!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, хватаетъ стулъ.

Бездѣльники, гдѣ деньги?

ВСѢ ТРОЕ.

Эй, шпаги на-голо!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ идетъ на нихъ со стуломъ въ рукахъ, они нападаютъ на него со шпагами, онъ отражаетъ стуломъ удары.

ЯВЛЕНИЕ III.

Эрминия, въ покрываль, сопровождаемая Джономъ, у котораго въ руку большая трость; съ другой стороны г-жа Фостеръ; тулящія въ саду останавливаются и смотрятъ на драку. Прегние. Робертъ вынимаетъ свою шпагу, и бросается между дерущимися.

На одного васъ трое!

Онъ бьетъ ихъ шпагой.

Разбойники лишь нападаютъ такъ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Вотъ такъ, люблю, люблю, ай да племянникъ!

На лѣвый флангъ, къ карманамъ заходи:

У нихъ запрятаны въ карманахъ наши деньги.

РОБЕРТЪ, отплететъ ихъ.

Прочь, подлецы!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Держи! отдайте деньги, деньги!

Онъ бросаетъ ихъ во слѣдъ стуломъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Г-жа Фостеръ выходитъ изъ сада. Прегние.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Ай да приятели, озорники! такъ вотъ.

Застала васъ за чѣмъ, — прекрасно, безподобно!

РОБЕРТЪ.

Ахъ, матушка, за-чѣмъ сюда пришли?

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Въ умѣ-ли ты! съ чего ты это взялъ?

Да если бъ и была, тебя бы задушила

Я въ самый часъ рожденья твоего,

Когда бъ предвидѣла, что будешь негодлемъ!

Все кончено межъ нами навсегда,

Дверь дома нашего мы для тебя захлопнемъ....

Пойду все расскажу отцу — уже тебя!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Ксантиппа, если ты осмѣлишься чернить

Его передъ отцомъ, совѣтую тебѣ
 Со мною встрѣчи избѣгать! — вѣдь я пускаю стулья
 Въ-слѣдъ игрокамъ фальшивымъ; берегись,
 Чтобъ и тебѣ стола на долю не досталось.

РОБЕРТЪ.

Умѣрьте гнѣвъ!

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Еще грозить мнѣ смѣетъ?

Еще ты не въ тюрьмѣ?

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Прочь, нестрая змѣя!

Ты можешь поступать со мною грубо

Лишь у себя, я здѣсь въ тавернѣ — дома

Онъ хватаетъ другой стулъ.

Здѣсь правомъ пользуюсь хозяина, и съ честью

Гостей незваныхъ провожаю я....

РОБЕРТЪ.

Побойтесь Бога!

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Слыхано-ли дѣло,

Чтобъ поступали такъ на улицѣ со мною!

Ужъ я спою о васъ такую пѣсню,

И о тебѣ, безпутный сынъ, — вы здѣсь,

Эрминія, свидѣтельница вы —

И я на васъ сошлюсь, вы подтвердите сами,

Гдѣ я застала этого дружка.

Она въ бѣшенствѣ убѣгаетъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ, безъ г-жи Фостеръ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ обращается къ Эрми-
 нии.

Свидѣтельница вы чего? что подтвердите?

ЭРМИНІЯ.

Что вы....

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Рѣчь не о мнѣ: каковъ бы ни былъ я —

Вамъ дѣла нѣтъ.... злословьте, какъ хотите —

Вѣдь женщинамъ другого дѣла нѣтъ,
Отрадиѣ, какъ осуждать другихъ.

Но этого невиннаго, который
Изъ-за меня — отца, наследство потерялъ,
Котораго я самъ усыновляю,
Прошу не трогать, чести не марать

Эрминия.
Я какъ могу, ему полезной буду.

Стефанъ.
Прекрасно сказано; за это васъ люблю.
И чтобъ вы ни были, миледи, признаюсь —

Предъ чувствами такими я готовъ
Благоговѣть, а не предъ тѣмъ болваномъ,

Показывая на Джона
Въ шелку и галунахъ, который служить вамъ
Пустою вывѣской и сана и богатства, —
Прошу не гнѣваться....

Эрминия.
Вы изъ числа мужчинъ,

Которымъ женщина всегда простить охотно
И слово смѣлое, особенно такая,

Которой нравится все странное, все, все,
Что внѣ границъ обыкновенной жизни.

Когда вамъ время есть, останьтесь на мигъ
Наединѣ со мной поговорить.

Стефанъ Фостеръ.
Охотно.

*Эрминия, Роберту, стоявшему въ
улыбнѣ.*

Не огорчайтесь такъ, любезный Робертъ —
Вѣдь гнѣвъ родительской есть громовой ударъ

Предъ восхожденьемъ благодатнымъ солнца:
Быть-можетъ, облака еще я разгону,

Которыя скопились надъ вами.
Робертъ.

Благодарю васъ, леди, но страшусь,
Чтобъ для меня отца не затворилось сердце,

Какъ дверь его жилища; васъ прошу,
Останьтесь при своемъ похвальномъ обѣщаньи —

Разжалобить отца, какъ остаюся я
При обѣщаніи любить роднаго дядю.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Скажи — отца, сердечный, вѣрный другъ!
Онъ жметъ ему руку, отираетъ слезу и прижимаетъ
къ груди.

Чего-бъ ни стоило, тебя я осчастливлю,
Ну, погоди-же, вѣдь не ровень часть.
Фортуна можетъ мнѣ привѣтно улыбнуться,
А дай-ка съ честнымъ мнѣ сразиться игрокомъ
Не устоитъ — повѣрь мнѣ, обыграю.

Жметъ Роберту руку.

РОБЕРТЪ почитательно кланяется
Эрминіи, уходитъ, стучитъ въ
дверь Браунова дома, дверь отво-
рется, онъ входитъ въ нее.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эрминія, Стефанъ, Джонъ по-одаль.

ЭРМИНІЯ.

Мы безъ свидѣтелей: — я знаю, вы
Здѣсь первый мотъ.

СТЕФАНЪ.

Чтожь далѣе.

ЭРМИНІЯ.

Гуляка

И вѣтренникъ, какихъ въ столицѣ нѣтъ
И не было.

СТЕФАНЪ.

Вы мастерица, вижу,

Портреты рисовать.

ЭРМИНІЯ.

Короче, Фостеръ,

Въ своемъ вы родѣ здѣсь единственный у насъ,
И даже тѣмъ себя снискали славу.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Пожалуй, вы въ меня вдохнете гордость.

Эрминия. Подумали-ли вы, куда такая жизнь вас влечет? Ведетъ васъ?

— СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ. А куда и всѣ идутъ — въ могилу.

Эрминия. О, прежде чѣмъ въ могилу?

СТЕФАНЪ, *поспѣшно смутясь.*

Не могу

Опредѣлить точнѣе; вѣроятно, Обратный путь я долженъ предпринять Въ страну, откуда выбрался сего-дня.

Эрминия.

Въ тюрьму?

СТЕФАНЪ.

Какъ тутъ попали вы.

Эрминия.

А климатъ той страны вамъ нравится?

СТЕФАНЪ.

Несносенъ!

Эрминия.

А все-таки туда вы рветесь, Фостеръ!

СТЕФАНЪ.

У всякаго своя судьба, миледи;

А мнѣ такъ кажется, что за ногу мою

Привязана невидимая нить —

Конецъ ея въ рукѣ тюремщика: — потянетъ

И съ воли я, опять какъ тутъ въ тюрьмѣ.

Оно смѣшно, а вѣрно, право вѣрно.

Эрминия.

Вы утѣшаетесь надеждою.

СТЕФАНЪ.

А чѣмъ-же

Безъ денегъ я утѣшиться могу?

Эрминия.

Ну, какъ-же мнѣ не пожалѣть васъ, Фостеръ,

Что вы съ такимъ умою, съ такимъ прекраснымъ серд-

И съ благородною наружностью, могли
Такъ обѣднать? да вы въ томъ сами виноваты....

СТЕФАНЪ.

А чѣмъ-же вы прикажете мнѣ быть —
Носильщикомъ и скороходомъ, что-ли?
Спины своей еще я не сгибалъ.

Ни предъ людьми, ни подъ мѣшками, деди:

Я джентльменъ! Взгляните-ка на руки,

Вы можете-ль меня по нимъ назвать

Простолюдиномъ? а? похожъ-ли я лицомъ

На ницаго, хотя моя одежда

И поистаскана, по милости тюрьмы?

Ну, чтожъ, вѣдь я не первый, не послѣдній....

Какъ джентльменъ, туда я съ честью вошелъ

Какъ джентльменъ, оттуда вышелъ съ честью.

Эрминия.

И полноте, сомнѣнія въ томъ нѣтъ.

Вѣдь у меня въ умѣ со всѣмъ другое;

До-нынѣ лишь въ игрѣ вы испытали счастье,

Нельзя ли испытать на чемъ другомъ?

СТЕФАНЪ, съ любопытствомъ приближаясь.

На чемъ-бы, напримѣръ

Эрминия.

Женитьбой.

СТЕФАНЪ дѣлаетъ горькую гримасу
и отскакиваетъ отъ нея.

УФ!

Эрминия.

Когда-бъ вы о своей нуждѣ поговорили

Съ богатой женщиной, вотъ напримѣръ, вдовой.

СТЕФАНЪ.

Чтобъ изъ тюрьмы попасть въ рабочій домъ —

И каждый Божій день за каждый шиллингъ

Терзаться, мучиться отъ прихотей ея,

Плясать по дудкѣ жениной, — спасибо!

Когда придется мнѣ жениться,—я хочу

Быть господиномъ, мужемъ въ полной силѣ —

А не покорѣйшимъ слугою своей жены.

ЭРМИНИЯ.

А есть вдова, которая желает
Такого точно муженька—какъ вы....

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Какъ я?

ЭРМИНИЯ.

Вѣдь вы добры.

СТЕФАНЪ.

Да, къ самому себѣ!

Ни въ чемъ себѣ я отказать не въ силахъ.

ЭРМИНИЯ.

И полноте себя чернить, — я знаю,
Вы женщину умѣете любить.

СТЕФАНЪ.

Не прочь;—не откажусь, меня на это станеть.

ЭРМИНИЯ.

Короче, я невѣсту вамъ нашла.

Да, вы одной вдовѣ богатой приглянулись, —

И болѣе, — она давно въ васъ влюблена....

Женитесь на ней, ей въ вѣрности клянитесь.

Богатство въ тягость ей, а вы, женясь,

Старайтесь облегчить то бремя. Что-жь?—на это

Какой отвѣтъ?

СТЕФАНЪ.

Постойте-ка, меня

Вы озадачили,—опомнитесь мнѣ дайте.

Жениться, въ вѣрности поклясться, мужемъ быть,

Все это не легко; послѣднее условие

Всего пріятнѣе — и золото ся

Въ окованномъ ларцѣ не залежится....

Но этимъ я вѣдь огорчу ее?

ЭРМИНИЯ.

Того-то ей и хочется давно.

Вѣдь горести она съ рожденія не знала.

СТЕФАНЪ.

Ей горестъ хочется на дѣлѣ испытать?

Послушайте, миледи, мнѣ сдается

Что та вдова, такъ — не въ своемъ умѣ.

Эрминия.

Противнаго о ней другіе мнѣнія.

Стефанъ.

Ужъ не ровесница—ль она Маюссанлу,

Иль помоложе — годикомъ его?

А съ виду на кого похожа, на Медузу?

Эрминия.

Сирь Фостерь, мнѣ судить объ этомъ трудно.

Стефанъ.

Вамъ хочется, чтобъ я заочно согласился

На этотъ бракъ? Вѣдь это все равно,

Что покупать въ мѣшкѣ живаго поросенка....

Любовь свою такъ не могу отдать!

Когда понравится мнѣ странная невѣста, —

И весь ея;—за то она моя,

Со всѣмъ своимъ имѣніемъ огромнымъ;

А если-же причудница вдова

Похожа на Кальпурнію—невѣстку —

Увольте вы меня отъ золотой пшени.

Эрминия.

Хвалить ея не буду, и не смѣю;

Вы повидаетесь съ невѣстой, Сирь Стефанъ,

Потомъ рѣшитесь.

Стефанъ.

Охотно, и клянуся

Моей душой и тощимъ кошелькомъ,

Что буду справедливъ въ рѣшеніи моемъ, —

Вотъ вамъ рука моя.

Эрминия, подаетъ свою.

Вотъ и моя.

Стефанъ, ильжно.

Какъ нухъ.

Бѣла, чѣжна, — когда-бъ у той невѣсты.

Эрминия, указывая на лакел.

Ну, полноте; идите же за нимъ, онъ купитъ вамъ

Одѣньтесь прилично, а что будетъ ильни

Потомъ, узнаете....

СТЕФАНЪ. 31

Теперь кто не повѣритъ,

Что и фортуна и амуръ — слѣщцы?

Хохочетъ.

Эрминия, Джону.

Джонъ, проводи Сиръ Фостера.

Джонъ.

Куда?

Эрминия.

Куда уже приказано, — ты понялъ!

Джонъ, тихо. Этого, миледи, этого? Съ нами крестная сила! дайте ему шиллингъ опохмѣлиться. — Вы его дурачите.

Эрминия. Молчи и повинуйся.

Джонъ, тихо. Она околдована!

Эрминия. Сиръ Фостеръ, до свиданія. Уходитъ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ. Благодарю васъ, таинственная сваха, добрая миледи. Ну, скороходъ, — куда-же намъ идти?

Джонъ, съ досадою. Въ домъ сумасшедшихъ, кажется.

СТЕФАНЪ. Послушай, чучело, веди меня куда вѣрно, да не дѣлай кислой рожи. Постараюсь, чтобъ приказанія твоей госпожи имѣли на тебя надлежащее впечатлѣнїе.

Джонъ. Вы?

СТЕФАНЪ. Я! Онъ искусно вырываетъ у него трость изъ руки и размахиваетъ надъ нимъ. Вверхъ посмотри, на концѣ этой трости виситъ надъ тобою громовая туча, бездѣльникъ. Шляпу долой, имѣй ко мнѣ уваженіе, а не то молнія разразится надъ тобою!..

Джонъ снимаетъ шляпу. Господи, спаси меня!

СТЕФАНЪ. Слуга, куда идти?

Джонъ. Въ лучшей модный магазинъ.

СТЕФАНЪ. Надѣнь шляпу Отдаетъ ему трость. Вотъ твоя трость. Иди за мной: я джетельменъ, а ты слуга — не гримасничай — я тебя проучу?..

Онъ гордо идетъ впередъ, Джонъ, качая головою, слѣдуетъ за нимъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Зага въ домъ Брауна.

Браунъ, Сирь Джоржъ и Сирь Ламмъ.

БРАУНЪ.

Да, господа, дочь принуждать не буду.
Отъ выбора ея зависить жребій вашъ.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Клянуся честью рыцарской моей,
Понравится я долженъ ей, повѣрьте.

СИРЬ ЛАММЪ.

О милосердое и праведное небо!

Суровы, рыцарь, вы и строги, черезъ-чуръ
Съ красавицей, а я такъ лишь вздыхаю,
Молчу, и даже, признаюсь, предъ вами трепещу.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Вы подъ ударами поплянете моими,
Въ день вашей свадьбы — соня!

СИРЬ ЛАММЪ.

Вѣдь и я

Какъ вы, — я джентльмень.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Молчите!

БРАУНЪ.

Прошу васъ ссоръ не начинайте здѣсь.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Я только дружески съ нимъ говорю — не ссорюсь.

СИРЬ ЛАММЪ.

Нѣтъ, онъ не золь, хотя храбръ на словахъ,
И мечъ всегда наружу, но повѣрьте —
Лишь покажи ему дубину — онъ запрячетъ
И мечъ въ ножны, и спрячется отъ васъ.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Что ямлете, вы, заяцъ! Попытайтесь

СИРЬ ЛАММЪ.

О милосердое и праведное небо!
Я, терпѣливѣйшій, умнѣйшій джентльмень,
Свяжуся съ вами?

СИРЪ ДЖОРЖЪ, руку на мечь.

Я сей-часъ задѣю.

БРАУНЪ.

За-чѣмъ шумѣть! Снискать любовь старайтесь

Невѣсты вашей: оба вы равны,

Богаты вы,—до знатности нѣтъ дѣла,—

А Робертъ Фостеръ не уступитъ вамъ

Ни въ чемъ: онъ и богатъ, и молодъ, и любезенъ.

Извольте дочь мою отъ Роберта отбить.

Она въ саду и Робертъ Фостеръ тамъ. Уходитъ.

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Ну, такъ и быть, еще я попытаюсь:

Перчатку брошу Роберту въ лицо,

И мимоходомъ васъ я по носу задѣну —

Меня поймете вы, — что вызываю васъ. Уходитъ.

СИРЪ ЛАММЪ.

Возьмите-же меня съ собою, рыцарь Джоржъ

СИРЪ ДЖОРЖЪ: —

Бѣгите — да языкъ держите за зубами.

СИРЪ ЛАММЪ.

Держать языкъ я долженъ за зубами.

О милосердное и праведное небо! Оба уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

РОБЕРТЪ и Долли, изъ другой двери.

РОБЕРТЪ.

Мое присутствіе не въ тягость вамъ, скажите?

Ахъ, жизнь моя была досель зима:

Явились вы, какъ вѣсное свѣтло,

И прояснилось небо надо мной....

Вотъ такъ и плакалъ бы я отъ избытка чувства—

Неизъяснимо счастье мое!

ДОЛЛИ.

Такихъ восторженныхъ не зная выраженій,

Я просто вамъ скажу, что мнѣ

Приятно слышать васъ... довольны ли вы этимъ?

РОБЕРТЬ.

Доволенъ ли? еще ты спрашиваешь, Долли!

Жить безъ тебя я долѣ не могу!

Ты мнѣ нужна — какъ воздухъ для дыханья,
Какъ солнце Божіе, какъ свѣтъ для глазъ моихъ.

ДОЛЛИ.

Но встаньте, встаньте, это не прилично,

Войдетъ отецъ мой.... что тогда—и я

Отъ страха и стыда краснѣю....

Хоть изъ любви ко мнѣ.

РОБЕРТЬ.

Не встану!
Безъ твоего прощенья,

ДОЛЛИ.

Какъ вы пламенны и быстры!

Мнѣ разсердиться слѣдуетъ на васъ.

Даетъ ему руку.

РОБЕРТЬ.

Рука возлюбленной! — блаженная минута!

Цѣлуетъ ее пламенно.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и БРАТНЬ.

ДОЛЛИ.

Вы слова своего не держите, — не встали....

Вамъ руку я дала помочь вамъ встать,

За то возьму назадъ — возьму ее на-вѣки.

РОБЕРТЬ.

И съ нею жизнь мою!

ДОЛЛИ.

Ведите такъ себя,

Чтобъ вамъ при батюшкѣ могла ее отдать.

Удержите ли вы ее?

РОБЕРТЬ.

До гроба, Долли!

ДОЛЛИ.

Подумаю еще.

БРАТНЬ.

Чего тутъ думать?

РОБЕРТЬ *встаетъ, вовсе не смутясь, долли въ страхи.*

БРАУНЪ.

Изъ жениховъ твоихъ его ты избираешь,

Не такъ-ли, дочь?—Я выборъ твой хвалю.

А вамъ скажу я откровенно, Робертъ, —

Дочь Брауна, богатаго куща,

Не можетъ быть женой отринутаго сына.

Родитель вашъ ко мнѣ придетъ сейчасъ;

Когда признастъ въ васъ наследника и сына, —

И дочь моя за вами!

РОБЕРТЬ.

Онъ признастъ.

Я вымолю себѣ прощеніе его,

Я на колѣняхъ выплачу наследство:

Цѣной его мнѣ Долли — жизнь моя!

Я для нея стерплю и стыдъ, и униженье.

БРАУНЪ.

Совѣтъ мой — спрячьтесь отъ него, и дайте

Сперва мнѣ попытаться, а потомъ

И васъ я вызову.

РОБЕРТЬ.

О благородный другъ!

Въ рукахъ у васъ всѣхъ дѣей моихъ блаженство.

долли, цѣлуя руку.

О добрый батюшка! умиложите ихъ. *Уходятъ.*

ЯВЛЕНІЕ X.

БРАУНЪ, одинъ.

Не можетъ быть! .. единственнаго сына

Онъ для чужихъ наследства не лишитъ.

Устрою дѣло я, ихъ примирю — и Робертъ

Достоинъ будетъ дочери моей.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Томасъ Фостеръ и его жена, изъ среднихъ дверей, Ричардъ
остается въ глубинѣ сцены, Браунъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Я вамъ несу веселое извѣстье:

Вѣдь наши корабли, на полныхъ парусахъ,
 Изъ Дувра тронулись, подулъ попутный вѣтеръ,
 Лишь сутки—посмотри—и пушекъ громъ
 Завистниковъ встревожитъ нашихъ вѣстью
 О радостномъ прибытїи ихъ сюда.
 Намъ улыбается барышъ, барышъ огромный;
 Но какъ великъ — нельзя заранѣе сказать.

БРАУНЪ.

А я такъ, признаюсь, не вѣрю барышамъ,
 Не обольщаюся надеждами пустыми,
 И вѣрю лишь тому, что у меня въ ларцѣ....
 Вѣдь счастье измѣчиво, какъ море:
 И къ цѣли, кажется, ну такъ и мчитъ тебя,
 Анъ поглядишь—ударить объ утесы,
 И гдѣ тогда твои надежды и мечты?
 Я-бъ и теперь свою часть груза продалъ,
 И не видавъ его, со всѣми барышами,
 Когда-бъ какой купецъ нашелся для нея,
 И отсчиталъ наличныхъ мнѣ деньги.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, хитро.

А что, когдабъ купецъ такой нашелся?...
 А что, и впрямъ, затѣю-ка игру,
 И на авось впервые положуся,
 Какъ игроки.—Я вашъ скупаю грузъ
 И барыши.

БРАУНЪ.

Охотно.

ТОМАСЪ.

А за сколько
 Вы продадите вашу долю?

БРАУНЪ.

Задавайте.

ФОСТЕРЪ.

Да тысячь—двадцать фунтовъ стерлинговъ я дамъ.

БРАУНЪ.

Согласенъ.

ТОМАСЪ.

Рѣшено.

БРАУНЪ.

И скръплено!

ТОМАСЪ, *Ричарду.*

Ричардъ,

Ты наняши намъ эту нашу сдѣлку.

Ричардъ уходитъ.

БРАУНЪ.

Намъ посылаетъ Богъ и вътерокъ попутный,

И преуспѣянье въ торговлѣ: потому

Не прогнѣвимъ его ни злобой, ни мщеньемъ.

Не такъ-ли?

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Мщеньемъ и злобой? Боже мой!

Способна-ли къ такимъ я чувствамъ недостойнымъ?

Добрѣйшая душа, я лишь могу

Преслѣдовать порокъ, я врагъ лишь безпорядка,

И Богу тѣмъ могу навѣрно угодить.

БРАУНЪ.

Не осуждайте—да...

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Семейныя дѣла

Оставь мой другъ,—безъ нихъ довольно дѣла.

БРАУНЪ.

Дѣйствительно, хотѣлъ я съ вами толковать

О важномъ для меня домашнемъ дѣлѣ,—

Совѣта вашего просить у васъ.... когда-же

Не нравится предметъ....

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Предметъ предмету розь—

Послушаемъ охотно.... говорите.

БРАУНЪ.

Три жениха у дочери моей;

А волю выбора я Долли предоставилъ....

Ей по-сердцу пришелъ одинъ изъ жениховъ;

Хотѣлось-бы мнѣ знать о немъ и ваше мнѣнье.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Такъ въ чемъ-же дѣло стало, мистеръ Браунъ?

Я выскажу вамъ мнѣнье о немъ.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Во имя Божіе, пиркомъ да и за свадьбу.

БРАУНЪ.

Я снисхожденья вашего прошу....

Взгляните на него съ любовью безпристрастной; —
Дадите-ль слово мнѣ?

ТОМАСЪ.

Охотно—въ этомъ дѣлѣ

Я посторонній.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Я расплачусь съ умиленія,

На счастье глядя молодой четы....

БРАУНЪ.

Ну, такъ и быть—я вамъ представлю зятя.

И вы рѣшите выборъ мой.... чу, шумъ....

Они идутъ сюда—и право очень—кстати.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ, РОБЕРТЪ и ДОЛЛИ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

БРАУНЪ, указавъ на дочь и Роберта.

Вотъ дочь моя, и вотъ ся женихъ.

Его вы знаете.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ *съ отчаяніи вскаки-
ваетъ со стула и схва-
тывается руками за
голову.*

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Я?... я его не знаю,

Онъ намъ чужой, его я никогда не зналъ!

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Что дѣлаете вы въ такомъ почтенномъ домѣ?

Идите къ дядюшкѣ,—въ тавернѣ мѣсто вамъ,

Межъ игроковъ, буйновъ и безпутныхъ.

Мы съ вами, кажется, на-вѣки разошлись.

РОБЕРТЪ *хочетъ говорить.*

ТОМАСЪ.

Вѣдь милостыню самъ взялся просить твой дядя

Для милаго племянника; изволь

Настаивать на томъ, онъ по міру сбереть
Тебѣ поболѣе отцовскаго наслѣдства.
Прочь съ глазъ моихъ! иди въ игрецкій домъ
Изъ завѣщанія тебя я вычеркнулъ на-вѣки,
Дверь дома моего захопнулъ навсегда

Г-жа Фостеръ *Долли*.

Подумайте, на что рѣшились, миссъ?
Вѣдь онъ погибшій сынъ, васъ на-чисто обкрадетъ,
Все дяюшкѣ въ таверну передастъ....

РОБЕРТЬ.

Ахъ батюшка и матушка....

ТОМАСЪ.

Прочь, прочь!

Тебѣ я не отецъ, отецъ твой нищій-дядя!

Г-жа Фостеръ *Брауну*.

Вы въ воду мутную не бросите свой перлъ!
Опомнитесь, вѣдь онъ не то что нищій,—
И нищета не грѣхъ, какъ Богъ-святъ я не лгу —
Но онъ отъявленный бездѣльникъ, тунеядецъ,
Изъ шайки онъ воровъ!

БРАУНЪ.

И полноте....

Г-жа Фостеръ *Роберту, который съ
умоляющимъ видомъ подходитъ.*

Прочь, извергъ!

Не подходи—меня убьетъ ударъ....

Я умираю....

ТОМАСЪ, *поддерживая жену.*

Прочь ты, слышишь ли? прочь, прочь!

РОБЕРТЬ и ДОЛЛИ *обнимаютъ его колѣна.*

Умилосердитесь—меня такъ не черните....

Невиненъ я... вы въ заблуждены...

ТОМАСЪ.

Я?

Я въ заблужденіи.

Г-жа Фостеръ *изъ обморока.*

Видь, онъ отца умѣе!

ТОМАСЪ.
Умиѣ! Проклятъ ты отнынѣ и на-вѣкъ!

РОБЕРТЬ.
Ахъ, батюшка... Господь судья межъ нами.
Падаетъ къ ногамъ отцу.

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Богато-убранная комната въ домѣ Эрминія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эрминія, теперь жена Стефана Фостера, Джонъ.

Эрминія, въ прекрасномъ утрен-
немъ платьѣ.

Меня бранятъ, что я рѣшительна, скоро,
Что я причудлива и даже безразсудна....
Что-бъ ни было—теперь я Фостера жена,
И въ выборѣ своемъ не каюся ни мало. Звонитъ.
Джонъ входитъ.

Гдѣ мужъ мой?

Джонъ.

Онъ, сударыня, въ конторѣ;
Зарылся по-уши въ бумагахъ. Я осмѣлюсь
Вамъ доложить....

Эрминія.
Что, что-такое, Джонъ?

Джонъ.

О вашихъ денешкахъ вздыхаю я и плачу....
Еще сегодня въ крѣпкихъ сундукахъ,
Сердечныя лежатъ они уютно,
А завтра полетятъ они, какъ голубки,
И разлетятся всѣ по лондонскимъ тавернамъ....

— ЭРМИНИЯ. —
 Какъ смѣешь ты съ такимъ неуваженьемъ
 О господинѣ говорить своемъ —
 О мужѣ госпожи твоей?... а что до денегъ?...
 Онѣ ему теперь принадлежатъ;
 Онъ можетъ съ ними поступать какъ хочетъ:
 Никто не запретитъ ему — ни я сама.

— ДЖОНЪ.
 Одумайтесь, миледи... вотъ и баринъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе, Стефанъ Фостеръ, великолѣпно-одѣтый, съ кипюю бумагою въ рукѣ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, цѣлуя жену.

Ну, вотъ я и съ тобой, мой ангелъ благодатный!
 Въ предѣлы райскіе меня умчала ты...
 Я обновленъ душой, какъ кающійся грѣшникъ...
 Безъ угрызеній совѣсти, смотрю
 Тебѣ въ глаза, открытые, какъ небо.
 Я мужъ твой! сладкимъ сномъ мнѣ кажется блаженство...
 Не вѣрится, чтобъ я тобою обладалъ,
 Прекраснѣйшей изъ всѣхъ прекрасныхъ женщинъ,
 Достойнѣйшей порфиры и вѣнца.

ЭРМИНИЯ, цѣлуя его.

Ну, какъ же правится тебѣ мое хозяйство,
 И хорошо-ли здѣсь тебѣ?

— СТЕФАНЪ.
 Какъ рыбѣ

Въ водѣ рѣчной, когда она въ жары
 Лежала на пескѣ, заброшенная бурей,
 И билась о песокъ, — такъ точно мнѣ
 Привольно тамъ нырять и плавать,
 По кладовой, средь кованыхъ зарцовъ!
 Куда я ни взгляну — вездѣ я деньги вижу:
 Тамъ улыбается мнѣ толстый суверень,
 Кронталеры манять и шурятъ глазки,
 Червонцы просятся изъ тѣсныхъ кошельковъ,

А шиллинги — расхожая монета —
 Вотъ—такъ и прыгаютъ въ открытыхъ сундукахъ...
 Да, какъ—же за одно мнѣ съ ними не смѣяться?
 Раздолье мнѣ въ обширной кладовой!
 Я какъ журавль хожу, глазами пожирая,
 Трясннное владѣніе мое.

Эрминия.

И тамъ съ тобой гуляютъ двѣ гѣнны—
 Я говорю о картахъ и костяхъ...
 Чудовища тѣ жадны, ненасытны,
 Но все имъ кладовой моей не поглотить!...

Стефанъ.

Не говори того: ихъ пасть какъ у Харибды: —
 Лишь положи, проглотить все за—разъ.

Джонъ.

Ахъ, Господи, не говорилъ—ли я?

Эрминия.

Все, что ни видѣлъ ты, мой другъ, лишь малость
 Въ сравненіи съ другимъ имѣніемъ моимъ:
 Съ моими замками, полями и лѣсами,
 Съ брильянтами—костей и картъ я не боюсь,
 И жадные они себѣ притупятъ зубы.

Стефанъ Фостеръ.

Пустое все! предъ страстію къ игрѣ
 Имѣніе твое бездѣлица, довѣрь мнѣ:
 Поморщится фортуна игроку,
 И замки полетятъ—лѣсовъ, какъ не бывало!...

Джонъ. Часъ—отъ—часу не легче, —я отойду, не остану—
 ся служить.

Эрминия.

Пусть обѣдняемъ мы, —за-то у насъ есть руки
 Трудиться будемъ мы и снова наживать;
 Для мужа милаго на все, на все готова,
 И ты безъ ропота раздѣлишь все со мной.
 Жену свою, которую ты любишь, —
 Ты не заставишь изнывать въ нуждѣ: —
 А я на опытѣ узнаю жизни горечь
 И счастье райское—тобой любимой быть.

Иди мой другъ, располагай имѣньемъ,
Играй, проигрывай, на все согласна я;
Въ глазахъ моихъ упрёка ты не встрѣтишь,
И не услышишь ропота изъ устъ.

джонъ. Ну, слыхано ли это! сама уговариваетъ его пуститься въ игру?—теперь-то пойдётъ потѣха!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ *улыбается.*

Пуститься мнѣ въ игру?—да, я за это стою,
Сидѣть всю жизнь въ смиренномъ дому.

Эрминія.

Возможно-ли!

СТЕФАНЪ.

Я, мужъ Эрминіи прекрасной,
Женатый джентлеменъ, пойду въ игрецкій домъ,
Пойду играть—пфуй!...

Эрминія.

Да вѣдь ты сказалъ,

Что все имѣніе мое взлетитъ на воздухъ.

СТЕФАНЪ.

Могло-бъ взлетѣть, мой другъ, когда-бъ оно досталось
Безумцу,—а вѣдь я еще въ своемъ умѣ:

Какъ нечего проигрывать мнѣ было,

Тогда игралъ я—грѣшный человѣкъ;

Когда-жъ сокровища мнѣ дало Провидѣнье,

И больше чѣмъ сокровище—тебя,

Перлъ пола женскаго, такъ захочу-ли

Тебя моимъ безпутствомъ огорчать?

Напротивъ, я тебя отъ всѣхъ заботъ избавлю,

Всѣ хлопоты, дѣла, беру я на себя,

Въ владѣніяхъ твоихъ введу порядокъ стройный,

Сокровища твои учетверю,

Гордиться буду тѣмъ, когда въ народѣ скажутъ:

Въ Стефанѣ Фостерѣ ошиблись мы ужасно,

Честнѣйшій человѣкъ во всей столицѣ Фостеръ,

Мы всѣ его понять, постигнуть не могли,

Его узнала лишь, достойно оцѣнила,

Эрминія, свѣтило нашихъ женъ....

Эрминія, *обнимая его.*

Я горести хотѣла испытать,

И обрѣла въ тебѣ небесное блаженство....
 И признаю, тебя люблю я и за то
 Вдвойнѣ, что ты меня отъ горестей избавилъ.
 Какъ прихотлива счастья игра!
 Мнѣ на роду написано, я вижу:
 За расточителя я за-мужъ выхожу,
 Съ нимъ думаю испытывать судьбину,
 И мужа образецъ въ повѣсѣ нахожу.
 Стези твои, Господь, непостижимы....

Джонъ.

Ушамъ не вѣрю я—гдѣ разумъ мой?
 Стефанъ, оборотаясь къ Джону.

Твой разумъ?

Пусть на него найдетъ столбнякъ, тебя-жь
 Разшевелю сей часъ. Чтѣ, дармоѣдъ, стоишь!
 Въ контору, внизъ, таскай тюки съ товаромъ.
 Дворецкаго, конюшихъ, поваровъ
 Сзову къ себѣ, всему составлю опись,
 И на ноги всю челядь подниму.—
 Ну, шевелись живѣе, черепаха,
 Вишь жиромъ запыля—я жиръ съ тебя спущу
 Вотъ этимъ камышемъ!... Въ контору, за работу!

Джонъ въ страхъ уходитъ.

Дружески къ жень.

Ты одобряешь ли меня, мой милый другъ?
 Эрминия.

Ты въ домъ царь.
 Стефанъ Фостеръ.

А ты моя царица.

И жизни цѣль—твое лишь счастье.
 Эрминия.

Боже!

Всю чашу радости излилъ ты на меня....

ЯВЛЕНИЕ III.

Прежние и Джонъ.

Джонъ входитъ.

Сяръ Робертъ Фостеръ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Робертъ! — мой племянникъ.
Ты счастьемъ, такъ мнѣ голову вскружила,
Что даже и его я позабылъ.

Принять его, надѣюсь, ты согласишься?

Эрминия.

Что за вопросъ!...

СТЕФАНЪ.

Зови его, зови.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Стефанъ Фостеръ, Эрминия, Робертъ блѣдный, робко, останавливается въ дверяхъ. Стефанъ Фостеръ беретъ его за руку и ведетъ на авансцену.

Ты наконецъ надумался, спѣсивый,
Пришелъ ко мнѣ... но вотъ моя жена. Эрминия.
Прошу любить его и жаловать; племянникъ,
Возьми же тетку за руку, — цѣлуй.

Отъ радости ходитъ около нихъ.

Она тебѣ не мачиха—вотъ этакъ.

Робертъ робко подходитъ къ Эрминии, она приветливо подаетъ ему руку, которую онъ цѣлуетъ.

Эрминия.

Я рада вамъ, сердечно рада вамъ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я ношу фамилию вашу,

Себя счастливѣйшей считаю на землѣ,

Желаю вамъ того-же.... Къ-сожалѣнью

Противное мнѣ видѣ вашъ говоритъ. Робертъ рыдаетъ.

Вы плачете — еще не примирились

Вы съ вашимъ батюшкой?

СТЕФАНЪ.

Ну, полно, милый мой,

Оправься; видно ты опять отцомъ обиженъ.

РОБЕРТЬ.

Зачѣмъ я не лежу теперь на днѣ морскомъ?
Тамъ скрытъ бы я свой срамъ и униженье!

СТЕФАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь! какое униженье?
И что за срамъ? Родители твои —

РОБЕРТЬ.

Ихъ нѣтъ у Роберта!... Въ присутствіи невѣсты
Я обезчещенъ, проклятъ, исключенъ
Изъ ихъ духовной....

СТЕФАНЪ.

Велика бѣда!

Я знаю братца Томаса — хорошъ онъ!
И бѣса въ юбкѣ также знаю я.
Надъ ними смѣйся ты....

РОБЕРТЬ.

Такъ говорите вы,

Чье счастье упрочено любовью?

Такъ говорите вы, узнавъ, что старшій Браунъ
Дверь дома своего мнѣ заперъ навсегда,
Узнавъ, что я лишень отцовскаго наслѣдства?

Смѣяться вы совѣтуете мнѣ? —

Простите моему чистосердечью, дядя:

Я вижу, счастье ожесточило васъ.

Смѣяться мнѣ, что я лишень благословенья

Родителей, что я погибшій сынъ,

Что я осиротѣлъ?!.. Нѣтъ, благородный дядя,

Все конечно межъ нами на-всегда....

Прощайте!

Хочетъ уйти.

СТЕФАНЪ.

Робертъ, стой, горячка, подожди —

Смѣяться можешь, долженъ, да, ты долженъ.

Ты говоришь, что ты осиротѣлъ,

Что ты лишень невѣсты и наслѣдства?...

Лгунъ, чистый лгунъ... не выкупилъ-ли ты

Стефана изъ тюрьмы? Жена, мальчишка этотъ

Все счастье свое на жертву мнѣ принесъ:

Вѣдь безъ него я высохъ-бы въ неволѣ!

И вотъ теперь онъ дядю бьетъ въ лицо,

Зоветь его счастливецъ очерствѣлымъ....

Нѣтъ, болѣе ты не племянникъ мнѣ!

РОБЕРТЬ.

Какъ мнѣ понять васъ, дядюшка, не знаю?

СТЕФАНЪ.

Ты не племянникъ мнѣ!... Жена, не такъ-ли? Робертъ,

ругатель, грубиянъ—ты не племянникъ—сынъ!

*Влечетъ его къ себѣ на грудь, крижисмастъ, плачетъ,
отираетъ слезы и передаетъ его Эрминии.*

Ты — ты мнѣ сынъ, тебя усыновляю....

Сего дня-же я къ Брауну пойду

И гору золота я передъ нимъ насыщу:

Увидимъ, устоитъ-ли Браунъ передъ нимъ?

Опомнись не можешь отъ восторга.

Ну-то, то, вѣтренникъ, прощенія проси,

Иначе я съ тобою раздѣлаюсь по-свойски.

РОБЕРТЬ.

Нежданнѣмъ счастьемъ сразили вы меня....

Упадаетъ къ ногамъ предъ Эрминией.

СТЕФАНЪ.

Ну, полно встань, забыто все, забыто. Эрминии.

Ты расточителя во мнѣ найти желала,

Я на него твое богатство расточу:

Теперь давай ключи отъ сундуковъ, хозяика.

Затѣю я отважную игру:

Я золото противъ любви поставлю, —

И выиграемъ мы — о, я, увѣренъ въ этомъ,

По старой памяти, какъ опытный игрокъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Большой дворъ съ желѣзною рѣшеткою на берегу Темзы;
на дворѣ сложены тюки съ товаромъ.

БРАУНЪ Ричарду.

Ну гдѣ-же сдѣлка съ Фостеромъ, давай

Ричардъ подаетъ ему

Я подпишу — торгъ выгодный, удачный. *Подписываетъ.*

На, отнеси ему — да вотъ онъ самъ идетъ.

ДВЛЕНИЕ VI.

ТѢЖЕ, ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ и жена его.

БРАУНЪ.

Ну вотъ и кончено; — мы заключили сдѣлку.

Я дою въ грузѣ уступилъ тебѣ.

ТОМАСЪ беретъ бумагу, улыбаясь.

Благодарю — чуръ въ словѣ твердымъ быть,

Не пятиться назадъ....

БРАУНЪ.

Что сказано, то свято

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Когда барышъ мой надежды превзойдетъ,

Ни шиллинга не дамъ.

БРАУНЪ.

Ни шиллинга, хотя-бы

До нищенства меня ты разорилъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, злобно радуясь.

Спокойны будьте, я не отошрусь;

Мы по рукамъ ударили, мы квиты....

Я кажется порядкомъ васъ поддѣлъ,

Изъ-подъ носу унесъ я лакомый кусокъ. *Хохочетъ.*

Ужъ какъ ни жалко вамъ, а спохватились поздно.

БРАУНЪ.

Я мнѣнія держусь, что шиллингъ въ кошелекѣ,

Вѣришь, чѣмъ корабль въ водѣ, на вѣтеркѣ.

ТОМАСЪ.

И вѣтеръ и вода со мной въ союзѣ прочномъ,

И никогда еще не измѣняли мнѣ.

Слышенъ въ отдаленіи пушечный выстрѣлъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Вы слышали вдали раздался выстрѣлъ?

Примчались корабли — они мой, мой!

И въ пристани мой флагъ раскинулся по вѣтру!...

Завистниковъ моихъ встревожилъ выстрѣлъ тотъ:

Онъ о моихъ заговорилъ богатствахъ.

Смотрите, какъ-же я спокоенъ здѣсь стою: — ушннномъ R

Какъ мелочной торгашъ, я не бѣгу на пристань. *Итд.*

Встрѣчать свою съ надеждами ладью, изъ которой вышел стѣ
 Которую пустилъ на произволь онъ встрѣвъ.
 Извѣстіе я здѣсь спокойно жду.
 Вотъ это значить — торговать какъ должно,
 Увѣренно и гордо. Чтѣ? небось,
 И это васъ, какъ вижу, Браунъ, бѣситъ?
 Браунъ положивъ руки на тьюкъ.
 Вотъ здѣсь мое. — Чтѣ въ ларцѣ у меня,
 Своимъ считаю я, не то, чтѣ въ бурномъ морѣ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ричардъ и тѣже.

Вы слышали сигналъ?

Томасъ.

Ну, чтѣ-же? корабли

Становятся на якорь.

Ричардъ.

Знаю я.

Томасъ.

Бѣги, когда не терпится тебѣ.

Я подожду, когда за мною пришлютъ.

Ричардъ хочетъ идти, но въ дверяхъ рыветки встрѣчается съ
 1-жею Фостеръ.

Вотъ госпожа сама....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и г-жа Фостеръ.

Ты слышалъ-ли, о Боже!

Сяръ Браунъ, здравствуйте, вы не слышали вѣсти?

Мы выстрѣлъ слышали изъ пушекъ.

Браунъ.

Корабли....

Не корабли, не пушки, — а извѣстье,
 Которое во мнѣ всю взволновало желчь —

Что наши корабли разбиты, потонули —

Что братъ Стефанъ....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЬ.

Попалъ опять въ тюрьму?

Г-ЖА ФОСТЕРЬ.

Охъ, нѣтъ!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЬ, *спокойно*.

Повѣшенъ?

Г-ЖА ФОСТЕРЬ.

Лучше-бъ было,

Ему и намъ.... нѣтъ, все не то... ужасно!

Позоръ и стыдъ! вѣдь онъ женился....

ТОМАСЪ И БРАУНЪ.

Какъ?

Г-ЖА ФОСТЕРЬ.

Женился и на комъ повѣрите-ли вы?

ТОМАСЪ.

На комъ-бы ни было, — хотя-бы на безпутной,

Привязанной къ позорному столбу,

Все нѣтъ стыда тебѣ....

Г-ЖА ФОСТЕРЬ.

Стыда? была-бы радость!

Нѣтъ, крылья онъ себѣ тѣмъ бракомъ прицѣпиль.

ТОМАСЪ.

Ты бредишь....

Г-ЖА ФОСТЕРЬ.

Онъ женился на вдовѣ,

Прекраснѣйшей вдовѣ и богатѣйшей,

Эрминии — да, да Эрминии Клифордъ.

Фостеръ и Браунъ всплескиваютъ отъ удивленія руками.

Г-ЖА ФОСТЕРЬ.

Дивитесь, злитесь, захлебнитесь желчью,

Изъ чаши горести пусть не одна я пью!...

Я задыхаюся отъ злости и презрѣнья!...

ТОМАСЪ ФОСТЕРЬ.

Презрѣнья! вотъ чего лишь стоитъ братъ Стефанъ.

Пусть онъ разбогатѣеть, — я его богаче....

А эти корабли мнѣ золото несутъ

Сторицей болѣе, чѣмъ у вдовы безумной

Каковъ-бы ни былъ онъ, нль бѣденъ, нль богатъ,
Презрѣнья моего къ нему не измѣняю.

БРАУНЪ.

А можетъ-быть теперь остепенится онъ.

Когда онъ сталъ богатъ, такъ почемужъ-бы....

Причина не вижу я....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ И ЖЕНА.

Прошу не продолжать.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежнне и Брауна Прикащикъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Стефана Фостера прикажете принять?

Онъ говоритъ — ему до васъ есть дѣло.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Вѣдь въ кости ты, пріятель, не играешь? *Хохочетъ.*

Г-жа ФОСТЕРЪ.

И по тавернамъ съ нимъ не хаживали вы. *Хохочетъ.*

БРАУНЪ.

Принять его, принять. Увидимъ, что за дѣло.

ЯВЛЕНІЕ X.

Стефанъ Фостеръ, Робертъ. *Оба великолѣпно-одѣты; за ними Джонъ несетъ кошельки съ золотомъ.* Прежнне.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Богъ помочь, сирь, — а, мнѣ до васъ есть дѣльцо.

БРАУНЪ.

Добро пожаловать, чего угодно вамъ?

Г-жа ФОСТЕРЪ, тихо мужу.

Онъ притворяется, что насъ не видитъ — Хамъ!

Бродяга, вишь покаялъ въ порядонные люди.

РОБЕРТЪ съ хорестію поспрашиваетъ на родителей.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, услышавъ слова г-жи Фостеръ, начинаетъ отъ всей души смѣяться.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.
 Еще смѣется мнѣ въ глаза — смотри, смотри...
 А! у меня светло отъ судороги горло!

РОБЕРТЪ *хочетъ подойти къ Фостеру.*

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, *удерживая его.*

Останься, намъ нѣтъ нужды до другихъ,
 Съ самимъ хозяиномъ пришли мы толковать.

РОБЕРТЪ *вздыхаетъ.*

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Скорѣе къ дѣлу. Сирь, у насъ въ распоряженъ
 Есть сумма важная: купивъ два корабля,
 Я думаю ихъ нагрузить товаромъ;
 Мнѣ нужно шерсти, кожъ и воску, если вы
 Тѣмъ можете меня снабдить—безъ барышей
 Вы не останетесь,—наличныя со мной.

БРАУНЪ, *очень-учтиво.*

Сирь Фостеръ, я готовъ къ услугамъ вашимъ.
 Такой я точно грузъ недавно сторговалъ
 У моего знакомаго; охотно
 Его вамъ уступлю.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Торговья сношенья

Я съ вами началъ вздоромъ, пустячками;
 Со временемъ къ важнѣйшимъ перейдемъ.
 Отнынѣ я вашъ покущикъ надежный.

БРАУНЪ.

Благодарю—я честию почитаю
 Довѣрье ваше заслужить. Они берутъ другъ друга за руку,
уходятъ въ глубину сцены и разговариваютъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *женъ.*

Смотри,
 Вотъ люди каковы! смотри, какъ гнется Браунъ,
 Онъ ластится, какъ котъ вкругъ жирнаго куска.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Какъ подличаетъ онъ!—низкопоклонникъ, льстецъ!...
 И передъ кѣмъ? — Со злости я умру.

РОБЕРТЬ пользуется минутой, онъ
не можетъ удержать чувствъ
своихъ—и падаетъ къ ногамъ отца.

Ахъ, батюшка!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Что надо? Предъ кумиромъ

Колѣна преклоняй—богоотступникъ, прочь!

Ты острое въ груди моей желѣзо:

Я мучуся, пока не выброшу его....

Прочь съ глазъ моихъ!...

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Или, въ ногахъ валяйся

Предъ дялюшкой, своимъ дружкомъ сердечнымъ.

Вѣдь ты-же счастію способствовалъ его,

Отродь адское!... При взглядѣ на тебя

Душа моя заныла.... Прочь, повѣса!...

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ подходитъ съ Брау-
номъ.

Встань Робертъ, ты себя тѣмъ унижаешь.

Ты мой сынъ, ты теперь мой сынъ,

И не раскаешься, что ты отца роднаго

На дялю промѣнялъ.—Зубами скрежечи,

Злонравная жена, съ презрѣньемъ насмѣхайся.

Тотъ юноша, кого отвергли вы,

Одинъ богаче васъ, съ пустымъ богатствомъ вашимъ!

Ругай его на улицѣ, съ нимъ встрѣтаться,

Ты не услышишь брани отъ него.

Привѣтъ его тебѣ—скрипъ щегольской кареты,

Въ которой мчится онъ—а вмѣсто поцѣлуя,

Онъ брызнетъ грязью отъ колесъ въ лицо.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Съ кареты съѣдетъ онъ, какъ водится, въ телегу.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Смотри! ты берегись, чтобы самой не съѣхать.

Вѣдь онъ усыновленъ женой моей и мною,—

Мы долгъ родителей на немъ исполнимъ свято,

Какъ никогда надъ нимъ не исполняли вы;

За то отъ васъ на вѣкъ онъ оточерсея,—

Вы будете чужими для него

До той-поры пока вы сами, на колѣняхъ,
 Не будете вымаливать въ слезахъ
 Его любви—какъ онъ теперь напрасно
 Васъ умолялъ.

Г-жа Фостеръ.

Онъ подождетъ того.

Колѣнъ намъ не согнуть, — они у насъ старельки
 И жестки....

Стефанъ Фостеръ.

Размягчитъ ихъ горькая нужда.

Томасъ Фостеръ.

Что толковать? и вы своимъ путемъ идите,
 А я своимъ.— Я васъ за брата не считалъ,
 А счастья игра меня не измѣняетъ,
 По прежнему я ненавижу васъ, *Иронически.*
 Въдъ вамъ ненуженъ я, и можетъ-ли случиться,
 Чтобъ въ васъ и въ немъ нуждался я когда....

Стефанъ Фостеръ.

Я не желаю вамъ ни зла, ни огорченій,
 А если было что—виной тому
 Вонъ эта фурия: съ двора ее согоните,
 И будетъ миръ и счастье въ семьѣ.

Г-жа Фостеръ.

Отъ злости и тоски я ною, умираю.

Стефанъ Фостеръ.

Пойдемте-же и кончимъ наше дѣло;
 Въ отсутствіе мое, пусть Робертъ мой,
 Мой милый сынъ, скрѣпляетъ всѣ бумаги—
 Онъ все равно что я. Пойдемъ—

Г-жа Фостеръ.

Возмите и сына,

Онъ въ тягость намъ—

Стефанъ Фостеръ.

Его я не оставлю.

Робертъ. Съ горестію простираетъ объятія къ отцу.
 Стефанъ съ нѣжною строгостію отца побуждаетъ его идти.
 Браунъ, Стефанъ, Робертъ и Джонъ входятъ въ дверь.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Томасъ Фостеръ и г-жа Фостеръ.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

И это терпишь ты, и допускаешь ты
Жену свою ругать и раздирать на части?
Тебѣ я хоть умри, хоть желчью захлебнись!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Ну полно-же, Кальпурнія, затихни,
Побереги обидныя слова;
Спроси-ка у другихъ, ребенокъ-ли я слабый?
Въ дѣлахъ моихъ я строгъ, не суетливъ,
Въ важнѣйшихъ лишь дѣлахъ, какъ мужъ, я твердъ,
настойчивъ,

И на ногу себѣ не дамъ я наступить;
Пустую-жъ болтовню въ душѣ я презираю,
Молчу презрительно, — превыше я хулы, ...
Какъ отъ стальной брони отскакиваютъ стрѣлы,
Такъ отъ меня отскакиваетъ брань.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Такъ вотъ-же ты каковъ?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, улыбаясь.

Сперва окинь ты взоромъ

Рядъ кораблей моихъ — и грузъ мой разочти,
Тогда гордись, что ты моей женою стала...
Я не простой торгашъ! — я на моряхъ король!

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и Ричардъ, запыхавшись.

РИЧАРДЪ.

Вы здѣсь еще? — ахъ, Господи!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Что скажешь?

Ты былъ ли въ пристани?

РИЧАРДЪ, въ смятении.

Былъ — нѣтъ, о! лучшебъ я
Вамъ несть извѣстие о собственной потерѣ,

О смерти сына и жены, — чѣмъ вѣсть,
Чѣмъ эту вѣсть печальную!...

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Какую?

РИЧАРДЪ.

Вамъ ничего не предвѣщало сердце?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Такъ что-же, говори, тотъ выстрѣлъ не былъ знакъ
Прибытъя кораблей?

РИЧАРДЪ.

Испанскаго, не вашихъ.

И тотъ разбитый?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Гдѣ-жъ мой?

Гдѣ корабль мой? — ну, говори, не медли!...

РИЧАРДЪ.

Корабль испанскій былъ застигнутъ бурей
У самыхъ береговъ, и въ устьѣ Темзы спасся.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Что до испанскаго мнѣ корабля? — пусть гибнетъ!

Но гдѣ мой? — надежды гдѣ мой?

РИЧАРДЪ.

Въ ту бурю....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Воронъ, ненасытный воронъ!

Что грудь мою ты медленно клюешь.

Гдѣ корабль мой?

РИЧАРДЪ.

Они.... они....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Скорѣ!

Я задушю тебя!... нѣтъ, нѣтъ, не говори....

Дай мнѣ вздохнуть.... дай мнѣ собрать всѣ силы....

Гдѣ? гдѣ они?

РИЧАРДЪ.

На днѣ морскомъ — и съ грузомъ

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ съ крикомъ упадетъ
безъ чувствъ; жена его бросается къ нему.

Ахъ, Господи!—

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *вскакивая.*

И съ грузомъ!—нѣтъ!—ты лжешь.

Ошибся ты, тамъ въ имени ошиблись!

Нѣтъ, не мои погибли корабли.

Умилосердися, скажи, что это ложь,

Скажи, что ложь! тебя я разорву на части!...

РИЧАРДЪ.

Не ложь, а истина; лишь пятерымъ матросамъ

Жизнь спасена....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Ихъ жизнь, презрѣнная ихъ жизнь.

Имъ спасена—а всѣ мои богатства....

РИЧАРДЪ.

На днѣ морскомъ!

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Несчастная жена!

Зачѣмъ свою судьбу тебѣ я поручила?...
Ты высосалъ всю кровь изъ сердца моего;

Ты, ты моя змѣя!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

На днѣ морскомъ—

Пойду за ними я на дно морское.

РИЧАРДЪ.

Ни тюка одного отъ груза не спасли,

Ни ящика....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ *злословитъ злобно.*

Ни ящика, ни одного тюка.

Поражая себя руками въ голову.

Такъ это значить—разорился Фостеръ....

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Ты не простой торгашъ, ты на моряхъ король,—

А вотъ теперь предметомъ сталъ насмѣшекъ.

Я не снесу позора—поскорѣ

Заказывай мнѣ гробъ. Нѣтъ, я бѣгу домой;

Пока еще не описали дома,

На черный день хоть шиллингъ приберу.—*Уходитъ.*

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *въ отчаяннѣ.*

Иди, иди—въ дому ты същикомъ найдешь!

Все забрано, о Боже!... за минуту,
 Товары тѣ принадлежали мнѣ,
 И кромѣ ихъ—въ моемъ ларцѣ жемчужномъ
 Лежали стерлинги—я отдалъ все,
 Все отдалъ Брауну—и не купилъ на это
 Ни ящика!—Могучій злобный духъ,
 Сидящій въ глубинѣ морской, неизмѣримо,
 Чѣмъ искушу я жертву у тебя,
 Смертоубійствомъ, кровью или пожаромъ!
 Пожаромъ! да—огня сюда, огня!
 Горящій факель я въ его подвалы брошу,
 Я въ пепель обращу обширный домъ его—
 Пусть не смѣется онъ надъ простотой моею—
 Пусть вмѣстѣ воетъ онъ, въ отчаяньи со мною.

РИЧАРДЪ.

Сирь Томасъ.... Боже, онъ ума лишился!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Нѣтъ, я въ своемъ умѣ, и я тебя узналъ.
 Ты мой Ричардъ, ты мой пустынный воронъ,
 Лишь ты еще при мнѣ,—питай меня, храни,
 Вѣдь всеми я теперь забытъ, покинутъ,
 На черный день нѣтъ друга у меня;
 Какъ фурія жена костеръ мой поджигаетъ,
 И жжетъ меня на медленномъ огнѣ.

РИЧАРДЪ.

Но здѣсь не дома вы, здѣсь могутъ васъ увидѣть,
 Въ такомъ разстройствѣ, Браунъ и Стефанъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ *въ полубезпамятствѣ*.

Да, да, я избѣгать людскаго взора буду.
 Вѣдь каждый взоръ людской—укоръ, ядъ для меня...
 Пойдемъ, но вотъ глаза... колючие какъ иглы;
 Они меня и колятъ, и палатъ.
 О защити меня, дай мнѣ кинжалъ, оружье,
 Я выколю коварные глаза,
 Ихъ выколю они... смѣются... *Падаютъ.*

РИЧАРДЪ.

Боже, Боже!
 Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Салъ въ домъ Брауна.

ЯВЛЕНІЕ I.

СИРЪ ДЖОРЖЪ и СИРЪ ЛАММЪ.

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Вы здѣсь опять? Несносное творенье!—

ЛАММЪ.

О милосердное и праведное небо!

Не вы-ли поклялись вчера мнѣ другомъ быть?

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Я другомъ вамъ могу-ли быть — судите:

Левъ съ зайцами дружилъ-ли когда?

Теперь открылось мнѣ свободнѣйшее поле....

Миссъ Браунъ не бывать за Фостеромъ — а васъ

Одинъ толчокъ руки моей желѣзной

Закинетъ на луну!...—вы слышите-ли? а?...

Сюда идетъ невѣста, — къ ней на встрѣчу!

ЛАММЪ *охорашивается и готовится идти и заговорить съ долни.*

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

И вы туда-же, зѣяцъ!... *Грозитъ ему кулакомъ.*

ЛАММЪ.

И у зайца

Есть зубы—въ случаѣ опасности и онъ....

О милосердное и праведное небо!

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Заткните пасть свою. — *Хочетъ идти и останавливается.*

ЛАММЪ.

Ге, ге!

Сиръ Фостеръ съ ней, ея цѣлуетъ руку —

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Я изрублю его въ куски!...

ЛАММЪ.

Да, суньтесь, рыцарь....

Кн. II. — 8.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Они сюда идутъ. Хочетъ идти. Нѣтъ, спрячемся на-время.

ЛАММЪ.

Вѣдь изрубить его въ куски хотѣли вы?

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

И время улучу,—такъ припугну кунчишку,

Что въ страхѣ заползетъ къ кроту онъ въ нору.

ЛАММЪ.

Идите-же смѣлѣе—наступайте...

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Вѣдь мой военный планъ испортишь ты, коза!

Оба прычутся.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежние, Робертъ и Долли; онъ ведетъ ее подъ-руку.

РОБЕРТЪ.

Другъ сердца моего, ты не дивись:

Не мячъ-ли я въ рукѣ фортуны прихотливой?

Еще вчера я былъ безъ крова и отца,

Сего-дня же отецъ, меня усыновившій,

Шерифомъ сталъ—онъ важенъ и почтенъ,

Онъ сватомъ сталъ моимъ, и съ общаго согласья,

Съ тобой помолвленъ я,—вполнѣ-ли счастливъ я?

Ахъ нѣтъ, родителей моихъ благословенье

Союза нашего когда не освятить,

Все будетъ мнѣ казаться, что предъ Богомъ—

И нашъ союзъ сердець не освященъ.

ДОЛЛИ.

Теперь могу тебѣ признаться Робертъ,

Что я тебѣ плачу любовью за любовь,

И что приказъ отца съ моимъ согласенъ сердцемъ.

РОБЕРТЪ падаетъ на колѣна.

Небесный ангелъ мой! ты примиришь меня

Съ отцомъ разгнѣваннымъ моимъ и съ самимъ небомъ,

И снимешь страшное проклятіе съ меня....

Онъ цѣлуетъ ея руку, она шѣжно склоняется надъ нимъ.

СИРЬ ДЖОРЖЪ, Ламму.

Смотрите-ка теперь. Онъ выходитъ изъ-за куста и бросаетъ перчатку.

Прошу ее поднять.

РОБЕРТЬ.

Вы грубиянъ! я развѣ вашъ слуга?

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Прошу поднять—клянусь моимъ гербомъ дворянскимъ!...

РОБЕРТЬ.

Да вы съ-ума сошли—пустите кровь себѣ,
Пошлите за врачомъ.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Я васъ зову на бой....

РОБЕРТЬ *хохочетъ*.

Вы мнѣ смѣшны —

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Мечъ на-голо!

РОБЕРТЬ.

Чудакъ,

Шутъ!... полноте комедию играть....

Чрезмѣру счастливъ я, и ссориться теперь

Мнѣ не подѣ-стать: извольте убираться, —

Не то, я проучу васъ, не шутя.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Вынулъ свой мечъ изъ ноженъ, но видя, что Робертъ не шутитъ, отстраняется и наступаетъ на ногу Ламму.

ЛАММУ.

Ай, ай!

О милосердное и праведное Небо!

СИРЬ ДЖОРЖЪ *осматривается и прячется за Ламму.*

Останьтесь и защищайтесь.

ЛАММУ.

Рыцарь—

Я... я... не щитъ. *Прячется за него.*

РОБЕРТЬ.

Перчатку поднимите—

Не то я васъ, какъ жука прокою.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ, СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, БРАУНЪ, *слуга*.

СИРЬ ДЖОРЖЪ ободряется при видѣ
входящихъ людей, но удерживаетъ
позицію за Ламмомъ.

БРАУНЪ.

Эй! господа, вы ссоритесь опять,
Въ моемъ саду?

РОБЕРТЬ.

Онъ бросилъ мнѣ перчатку,
Грозить отнять невѣсту у меня.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Не доходи до ссоръ: по званію шерифа,
Обдуманно я дѣло разберу.
Кто эти господа?

ЛАММЪ, *надуваясь*.

Я Иннокентій Ламмъ,
Природный джентльменъ, и человекъ честиѣйшій.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

А я сиръ Джоржъ Клингшпорнъ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Мнѣ пшена знакомы;
Ихъ, кажется, нашель на двухъ я векселяхъ
Между бумагами жены моей. Такъ точно!
Ей вы должны по тысячѣ червонцевъ....
Вотъ я васъ проучу невѣсту отбивать
У жениха,—пройдетъ у васъ охота! *Слуга*.
Сходи-ка за полиціей. — *Слуга уходитъ*.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Что слышу, слышу и слышу?
Съ полиціей имѣть мнѣ дѣло?—нѣтъ!

— *Большими шагами ублгаетъ*.

ЛАММЪ, *заклаясь*.

О милосердное и праведное небо!

Что значить это? Онъ думаетъ, что Сиръ Джорджъ еще
стоитъ за нимъ.

Помогите! гдѣ онъ?—

Когда ужъ рыцарь тягу далъ—не стыдно

И джентлемену ускользнуть тишкомъ....
Онъ прокрадывается тихими, но большими шагами, при
громкомъ смѣхѣ присутствующихъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ и прочіе.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ хохочетъ.

Да, вексель должнику, что гончая собака

Для зайца; самъ я это испыталъ.

Ну, счастью своему порадитесь, дѣти. Обнимаю ихъ.

Иначе, какъ дѣтми, я васъ не буду звать.

Вы также, мистеръ Браунъ?

БРАУНЪ, обнимая ихъ.

Когда въ своей духовной

Вы ихъ помянете, тогда на нихъ сойдутъ

Всѣ блага жизни сей все счастье....

РОБЕРТЬ, про себя.

Лишь не будетъ.

Благословія родителя....

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, Эрминія и Джонъ.

БРАУНЪ.

А здравствуйте, избранница фортуны,

Счастливица, которая досель

Не испытала ни однажды грусти,

Вы счастье приносите съ собой....

ЭРМИНІЯ.

На этотъ разъ печальное извѣстье. Она цѣлуетъ Долли.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Какое?

Эрминия.

Развѣ ты на биржѣ не слыхалъ,
 Что брата твоего всѣ корабли разбиты?
 До нищенской сумы старикъ нашъ разоренъ.

Робертъ.

О милосердый Богъ, несчастный мой отецъ!...

Браунъ.

Оборони насъ Богъ!—возможно-ли?

Эрминия.

Къ-несчастью, несомнѣнно....

Робертъ.

Ужасно! Батюшка, и ты теперь безъ сына!

Стефанъ Фостеръ.

Что сдѣлалось съ тобой, о комъ ты плачешь, Робертъ?
 Совѣтую тебѣ изкоренить на-вѣкъ
 Изъ сердца своего любовь къ тому злодѣю,
 Который для тебя душой окаменѣлъ.
 Надъ нами царствуетъ божественная воля,
 И не преложны промыслы ея.
 Какъ въ-счастіи своемъ онъ наругалея мною,
 Такъ пусть-же въ бѣдствіи почувствуетъ теперь,
 Какъ тяжело томиться безъ надежды,
 Безъ утѣшительной участія слезы;
 Пусть онъ почувствуетъ—клянусь Святой Десницей,
 Вѣсы людей держащей въ небесахъ!...

Робертъ.

Согласно-ль съ сердцемъ говорите вы?

Стефанъ Фостеръ.

Слова мои съ моимъ согласны сердцемъ.
 Когда безпомощный, въ нуждѣ, я изнывалъ,
 Какъ бурей брошенный пловецъ на дикій берегъ,
 Онъ руки помощи тогда не подалъ мнѣ;
 Напротивъ онъ меня столкнулъ въ пучину бѣдствій!...

Робертъ.

Онъ мой отецъ....

Стефанъ Фостеръ.

А кто-же я?—Пускай-же будетъ
 Безчувственный старикъ тебѣ чужимъ.
 Въ дни счастья его, и въ дни его несчастья

Ты равнодушенъ будь къ страданіямъ его,
И помни, что въ рукъ моей—твоя судьбина.

РОБЕРТЬ.

А совѣсть у меня въ груди моей

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Но отъ него отрекся ты....

РОБЕРТЬ.

Въ дни счастья—

Когда предметомъ былъ онъ зависти враговъ.

Теперь....

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Оставь его раскаянью и казни....

РОБЕРТЬ.

Не допущу того!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Приказываю.

РОБЕРТЬ.

Вы

Несправедливости приказывать не властны....

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Что хочешь дѣлать ты? чѣмъ ты ему поможешь?

Когда тебя лишу я помощи своей;

Ты нищій, какъ отецъ твой....

РОБЕРТЬ.

Я не разсуждаю,

И разсуждать въ сію минуту не могу;

Я повинуюсь лишь влеченью сердца,

И медленность моя ужъ есть смертельный грѣхъ:

Я долженъ все его несчастье измѣрить,

Съ нимъ раздѣлять его позоръ и нищету. *Ка Долли.*

И ты, души моей блаженство, если дядя

Способенъ милостей меня своихъ лишитъ

За то, что я долгу сына исполняю,

Ты отрекись на вѣки отъ меня.

Лишась тебя, умру въ страданьяхъ безнадежныхъ,

Но я умру, какъ съшь исполнившій свой долгъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ты требовать отъ Роберта не будешь,

Чтобъ равнодушно онъ, безчувственно смотрѣлъ,

Какъ въ нищету одеждъ его томится,

Какъ умираетъ онъ подъ бременемъ судьбы,
 Нѣтъ, требовать того ты отъ меня не можешь:
 Ты добродѣтельна и твердость есть въ тебѣ
 Отречься отъ меня, какъ я теперь на-вѣки
 Отречься отъ тебя.—*Онъ обнимаетъ ее, заливаясь слезами
 и потомъ быстро убываетъ.*

ЯВЛЕНИЕ VI.

Прежние, безъ Роберта.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Останься, Робертъ, слышишь-ли? останься!

ЭРМИНІЯ.

О, не мѣшай ему утѣшить старика.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Не дамъ, не допущу! Мой братъ жестокосердый,
 Пускай самъ постучитъ въ дверь дома моего,
 Когда во мнѣ нуждается,—пусть молитъ

О помощи моей, и братнина жена,

Тварь гордая, пускай протянетъ руку

За подаваемъ; а Роберту я не дамъ

Ни шиллинга: я не хочу, чтобъ онъ

Со мною поступалъ, какъ съ дѣтскою игрушкой....

Слова мои—законъ, я имъ не измѣню.

БРАДЪ.

Сиръ Фостеръ....

Долли, рыдалъ.

Господи! о какъ несчастна я!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Почтенный мой товарищъ, наше дѣло

Останется при старомъ, какъ рѣшили. *Долли.*

Вы успокойтесь Долли: Робертъ мой

Любви моей лишиться не захочетъ.

БРАДЪ *Эрминии.*

Предстательство лишь ваше можетъ намъ....

Прекрасная и кроткая супруга.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

И ничего не сдѣлаетъ, повѣрьте.

Изъ благъ земныхъ—жена мнѣ всѣхъ милѣе:

Мнѣ жизнь она, и свѣтъ моихъ очей.
 Въ дѣлахъ-же и моихъ житейскихъ отношеньяхъ
 Ей права не дано и голосу ей нѣтъ:
 Тамъ лишь жена она, и я, какъ мужъ, рѣшаю.
 Она-бъ меня не избрала, когдабъ
 Не знала, что во всемъ найду стезю прямую,
 Стезю согласную и съ сердцемъ и съ умомъ.
 Прощайте, сиръ.

*БРАУНЪ дѣлаетъ движеніе сказать что-то, ЭРМИНІЯ хо-
 четъ также что-то сказать.*

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

О томъ ни слова болѣ.

Онъ уводитъ свою жену.

БРАУНЪ, утѣшая, ведетъ дочь свою въ домъ.

А ты не плачь, дитя мое, не плачь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Перемѣна декораціи.

Улица. Справа внѣшняя сторона тюрьмы за долги, во вну-
 тренность которой ведетъ толстая желѣзная дверь, съ отверсти-
 емъ для руки заключеннаго; къ ней прикрѣплена кружка для
 подаванія милостины, съ крупною надписью: «Для бѣдныхъ
 должниковъ». Солдаты расхаживаютъ на часахъ.

Слѣва великолѣпный домъ Эрминіи и Стефана Фостера.

*КОНСТАБЛЬ, полицейскій чиновникъ, ведетъ Томаса Фостера
 подъ-стражей; звонитъ у желѣзной двери. То-
 масъ Фостеръ въ мрачномъ уныніи слѣдуетъ за
 Констаблемъ.*

*ТЮРЕМЩИКЪ отворяетъ дверь и выходитъ. КОНСТАБЛЬ от-
 даетъ тюремщику бумагу.*

Вотъ приказаніе. Сдаю вамъ арестанта.

ТЮРЕМЩИКЪ, не смотря на Фостера.

Въ порядкѣ все.—Констабль уходитъ.

ТЮРЕМЩИКЪ *взглядываетъ на Фостера и узнаетъ его.*

Пожалуй-ка со мной.

Ахъ, Господи! Сирь Фостеръ, вы-ли это?

За 200 фунтовъ стерлинговъ въ тюрьмѣ?

Уже-ль вы до того упали, обѣдняли?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Гроза столѣтній кедръ поколебала сильно,

Чрезмѣру сильно, другъ, и не одни плоды

Попадали съ него,—боюсь я, чтобъ и корня

Не тронула она; иссохшихъ листьевъ пукъ

На головѣ его свидѣтельствуеть громко,

Что старый кедръ не долго постоитъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Друзья васъ долго здѣсь, повѣрьте, не оставятъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Ихъ нѣтъ у Фостера—

ТЮРЕМЩИКЪ.

Такъ родственники ваши.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Молчи, о нихъ не говори ни слова;

Остерегайся ихъ.... когда-же кто изъ нихъ

Вамъ будетъ предлагать или пищу или лекарство

Для доставленья мнѣ ты берегись того,

Мнѣ не давай—отдай врачамъ на разсмотрѣнье.

Они дадутъ мнѣ ядъ, смертельный ядъ....

ТЮРЕМЩИКЪ.

Жестоко судите вы о родныхъ, сирь Фостеръ,

Любви въ васъ нѣтъ ни мало къ нимъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Любви?—

Бываетъ-ли она когда въ страдальцахъ,

Которыхъ вы подводите сюда,

Къ желѣзной двери той, холодной, безответной?

Какъ эта дверь рѣшеткой заперта,

Такъ и сердца людей корыстолюбьемъ сжаты.

И въ мѣрѣ не люблю я никого,

И даже самогъ-себя я ненавижу.

Но полно толковать объ этомъ... Стражъ,
Со мною справиться тебѣ не будетъ трудно:
Я какъ дитя послушенъ—лишь скажи,
Что дѣлать мнѣ въ моемъ жилищѣ новомъ?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Вы младшій арестантъ....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Я младшій?

ТЮРЕМЩИКЪ. Да, то есть послѣдній. Вы сего дня приведены въ тюрьму, то и должны вы внести 2 фунта стерлинговъ; а если ихъ нѣтъ, то....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ. А если ихъ нѣтъ, смѣлѣе, — что мнѣ дѣлать, если ихъ нѣтъ? У меня нѣтъ ни души, которая бы за меня заплатила.

ТЮРЕМЩИКЪ. Въ такомъ случаѣ вы должны здѣсь у дверей стоять и громко у проходящихъ просить милостины. —

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

ТЮРЕМЩИКЪ. Содержаніе заключенныхъ требуетъ того; капиталы наши не велики.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Вообразить могу.—У жителей тюрьмы

Отъ прежняго ихъ счастья не осталось,

Какъ у меня, ни одного тюка.

Мнѣ подаванія просить у тѣхъ дверей?...

Готовъ просить,—мнѣ нѣтъ другаго дѣла.

Рыбакъ сидитъ у моря день-деньской,

И ждетъ себѣ отъ моря скудной пищи;

Но промыселъ и у меня такой—

Просить себѣ куска: вѣдь я рыбакъ, я—нищій.

Но какъ просить? я не умѣю, стражъ,—

Ты научи и растолкуй всѣ рѣчи,

Всѣ прибаутки, пѣсни бѣдняковъ;

Твердить я буду ихъ до первой встрѣчи,

Смѣшаюсь, можетъ быть: немудрено, я новъ,

Неловокъ я въ пріемахъ. «Не взъщите» —

Скажу я господамъ: «ловчѣ буду впредь».

Ну, гдѣ-же мнѣ сидѣть? куда глазамъ глядѣть?
Какъ голову держать? скорѣе научите.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Садитесь у дверей, у кружки должниковъ,

А я пойду вамъ нумеръ приготовлю.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

*Проходятъ люди разныхъ лѣтъ и разнаго званія, съ полами,
крестьяне и крестьянки съ корзинами.*

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Подайте нищему во имя всѣхъ Святыхъ.

ТОЛСТЫЙ ГОСПОДИНЪ.

Ба, это Фостеръ? по-дѣломъ! надменный,

На биржѣ важничаль не кстати предо мною....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Да, по-дѣломъ!... на хлѣбъ насущный....

ТОЛСТАЯ ГОСПОЖА, съ лакеемъ.

Фостеръ!

Гордецъ, онъ на мозоль мнѣ въ церкви наступилъ,

Не извинился, грубиянъ, терпи-же!...

КРЕСТЬЯНКА, съ зеленью.

На, старичокъ, вотъ денежка, бери.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Благословеніе Господне на тебѣ.—

Подайте бѣдному, молю, во имя Бога!

СТАРЫЙ СОЛДАТЪ на одной ношѣ.

Старикъ, вотъ на, что есть. Не нужны деньги мнѣ:

Я сытъ, по-милости роднаго Государя,

И бѣдному охотно удѣлю.

Давай-же руку мнѣ.... экъ ты дрожишь, сердечный.

Онъ отдаетъ деньги и уходитъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Благодарю—нѣтъ силъ терпѣть.... а я.... *Оттираетъ слезы.*

Я никогда не помогаль имъ. Прочь,

Тюремщикъ, прочь отсюда: этой пытки

Не вынесу!—Ахъ, совѣсть, какъ змѣя,
Проснулася во мнѣ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЮРЕМЩИКЪ *выходитъ.*

Что? что такое?

Я зналъ, что въ первый разъ просить вамъ тяжело.

Привыкнете—

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ—отсюда прочь!—

Не вынесу позора, угрызенья.

За той рѣшеткой буду я молить,

Въ ту щель могу принять я подающа,

И боль стерплю въ рукѣ, лишь здѣсь-бы не остаться.

Мнѣ кажется, что здѣсь я у столба стою,

Земля горить и пышетъ подо мною,

И съ самымъ воздухомъ я здѣсь отраву пью....

Оставшись здѣсь, съ отчаянья изною!...

Веди меня—не будь убойца мой!

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ ЖЕ и РОБЕРТЬ.

РОБЕРТЬ.

Остановитесь,—куда его ведете?

ТЮРЕМЩИКЪ *ведетъ Томаса въ тюрьму.*

Въ тюрьму, за 200 фунтовъ долгу—

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *нахмура отъ-гнѣва брови.*

Мнѣ голосъ тотъ знакомъ,—то голосъ

Насмѣшливый, презрительный. Прочь, прочь!

РОБЕРТЬ.

Постойте... я сынъ его!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Не вѣрьте—

Онъ васплицкъ, меня онъ взоромъ умертвитъ!

РОБЕРТЬ.

Хоть для спасенія души своей, родитель,
Останься, выслушай....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Я что вамъ за потѣха?—

Злодѣи, вы пришли ругаться надо мной.

Нельзя ли вамъ избрать другой предметъ для смѣха?

За что сюда меня на площадь привели?

За то-ли, что мои погибли корабли,

Что такъ убійственно мнѣ измѣнило счастье?

Стражъ, въ кандалы меня скорѣе посади!

Дыханіе сперлось въ моей груди,

Но кандалы снесу, лишь не враговъ участь;

Мнѣ состраданіе коварныхъ тяжело!

Прочь съ глазъ его: присутствіе злодѣя,

Какъ пламя адское меня сожгло.

Не выставляй меня ему на поруганье —

Исполни долгъ свой, стражъ—запри меня, запри, —

Не то, я головой ударюсь о рѣшетку.

Онъ увлекаетъ тюремщика за рѣшетку.

Пойдемъ, запри ее покрѣоче.... легче мнѣ....

И съ сердца камень спалъ,—отъ міра я отрѣзанъ.

Онъ скрывается за дверью.

РОБЕРТЬ, у рѣшетки рыдал.

Отецъ мой, батюшка, о милосердїи Боже!

Я къ вамъ пришелъ служить, лелѣять васъ, хранить,

А вы меня отвергли.... о родитель,

Не проклинай меня! я сынъ твой, добрый сынъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

РОБЕРТЬ, СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, ЭРМИНІЯ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ идетъ со стороны.

Да, это Робертъ!—я по голосу узналъ.

Что дѣлаешь ты здѣсь?

РОБЕРТЬ встаетъ и плача говоритъ

оъ сильномъ душевномъ

разстройствѣ.

Я ною, слезы лью

У клѣтки птицы, пойманной ловцами!...

Для птицы той себя готовъ я разтерзать,

И жажду утолить ея своею кровью....

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

О комъ ты говоришь, я знаю: воронъ тотъ

Мнѣ въ утѣшеніе въ окно темницы каркалъ, —

Пусть въ-очередь онъ въ клѣткѣ посидитъ!

РОБЕРТЬ.

Для выкупа его мнѣ дайте денегъ, дядя.

Голосъ Томаса за дверьми, рука его просунута въ дверь:

Подайте бѣдному на хлѣбъ насущный!

РОБЕРТЬ.

Боже!

То голосъ моего отца, его рука.

Уже-ли васъ его не трогаютъ страданья!

И камень-бы, услыша этотъ стонъ,

Поколебался!... вы безчувственнѣе камня!...

Уже-ль заставите припомнить вамъ,

Что дѣлалъ я для васъ, когда вы тамъ сидѣли?

Я похищалъ, я кралъ, — кралъ у отца,

Чтобъ васъ освободить! Назадъ отдайте деньги,

Которыя за васъ я заплатилъ.

Вы мнѣ должны отдать.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Поди отсюда прочь!

РОБЕРТЬ.

Священнѣйшимъ для васъ прошу васъ, дядя!...

ГОЛОСЪ ТОМАСА ФОСТЕРА.

Подайте бѣдному на хлѣбъ насущный!

РОБЕРТЬ.

Дядя!

Изъ состраданья дайте денегъ! денегъ!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

А какъ бишь онъ сказалъ? ползи за нимъ въ тюрьму,

Вой, насыщайся тамъ слезами и страданьемъ.

Клянусь онъ долженъ самъ все это испытать,
Онъ долженъ испытать!...

РОБЕРТЬ.

Вы, матушка, я смѣю

Тѣмъ именемъ назвать васъ, дайте денегъ,
Умилосердитесь.

ЭРМИНІЯ.

Спокоенъ будь, мой сынъ,

И положиись во всемъ на добраго Стефана.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Не предавайся горести, мой сынъ;
Займись работою,—она тебя разсѣветъ.

А кстати—вотъ и оба должника:

Часть долгу заплатить они мнѣ обѣщали.

Къ лордъ-меру я иду, а ты распорядися

На-счетъ ихъ векселей, и деньги ихъ прими.

Уходятъ съ женою.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

СИРЪ ДЖОРЖЪ и СИРЪ ЛАММЪ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

А, здравствуйте, въ своемъ вы словѣ точны;

За то отсрочку сдѣлать вамъ готовъ.

Прошу расчесться съ Робертомъ: онъ сынъ мой—

Что онъ рѣшитъ, то свято для меня. *Уходитъ.*

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Вотъ деньги съ насъ возьмите.

РОБЕРТЬ.

А по-скольку?

ЛАММЪ.

Да по сту фунтовъ стерлинговъ

РОБЕРТЬ.

О Боже!

Ужь не мечта-ли то?—

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Къ-несчастью, не мечта,

РОБЕРТЬ *съ нетерпѣніемъ.*

Покажите, мнѣ минута дорога.

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Но я прошу, вы подпишите вексель.

РОБЕРТЬ.

Пойдемте въ домъ, — я подпишу.

СИРЪ ЛАММЪ.

И здѣсь

Вы можете ихъ подписать: чернила

Всегда со мной и мѣдное перо.

РОБЕРТЬ.

Вотъ счастье!

СИРЪ ЛАММЪ, *вынимая чернильницу
и перо изъ кармана.*

Вотъ видите, мнѣ часто

Приходятъ мысли въ голову, и я

Пишу стихи: такъ какъ-же, посудите,

Ходить мнѣ безъ пера? вотъ, вотъ мое перо,

Вотъ и чернильница — извольте.

РОБЕРТЬ *беретъ перо и на колѣнѣхъ
у себя подписываетъ вексель.*

Двѣсти фунтовъ!...

О Боже, двѣсти фунтовъ!... Вексель вашъ,

А вотъ и вашъ подписаны, а деньги? *Они отдають.*

А вы вообразить не можете себѣ,

Какъ много вы мнѣ денегъ дали!

ДЖОРЖЪ и ЛАММЪ.

Много?

Не слишкомъ-ли? мы снова перечтемъ.

РОБЕРТЬ.

Счетъ вѣренъ, но они дороже для меня

Сокровищъ Индіи.

ДЖОРЖЪ и ЛАММЪ.

Что значитъ это?

РОБЕРТЬ.

Идите-же. *Они не трогаются съ мѣста.* Прошу не оставай-
тесь:

Воротится отецъ мой, можетъ-быть....

Одумается онъ и не продитъ отсрочки:
 Всей суммы будетъ требовать отъ васъ....
 Вы поупрямитесь.... вотъ стража и тюрьма....

СИРЬ ДЖОРЖЪ И ЛАММЪ прячутъ векселя
 и убѣгаютъ.

И впрямъ бѣда! Прошу васъ не толкаться.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

РОБЕРТЬ одинъ.

Ты, Господи, ко мнѣ простеръ свою десницу.

Я, я спасу несчастнаго отца,

И золотомъ его я растворю темницу.

Что сдѣлалъ я?—всему какого ждать конца?

Какую собственность теперь я похищаю?

Я подвергаюсь строгому суду;

Но я собой отца роднаго искупаю, —

А за него на казнь безъ роцота пойду.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Тюрьма.

ЯВЛЕНІЕ I.

Томасъ Фостеръ сидитъ на скамьѣ, въ глубокомъ уныніи.—г-жа
 Фостеръ стоитъ передъ нимъ.

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Что ты молчишь? заговори—же, мужъ!

Несчастіе мое смягчило сердце;

Ты не услышишь брани отъ меня,

И упрекать тебя я болѣе не буду,

А утѣшать.... когда-же не смогу,

Стерплю съ тобой и нищету и горе. Она плачетъ.

Ахъ, въ счастья была я жестока!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, въ расстройствѣ душевною.

Я счета подвожу,—я былъ купецъ;—да, такъ,
Моя стихія—счетъ, и я теперь считаю
Морской песокъ, чѣмъ заплатило мнѣ,
За корабли мои, разгнѣванное море.

Г-жа ФОСТЕРЪ, осушая слезы.

Не первый ты въ торговлѣ разорился;
Иной, глядишь, поднимется опять

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Не самъ поднимется, другіе поднимали,
Подхватягь подъ руки—и онъ опять вверху!
Мнѣ не взлетѣть! мои подсклѣлись крылья....

Ахъ, у меня и друга въ мѣрѣ нѣтъ;
Бывало предо мной друзья снимали шляпы,
Предъ ларцемъ всѣ они сгибались моимъ.

Теперь, когда у нихъ прошу я подающа,
Смѣются, говорятъ мнѣ: «Ништо, по-дѣломъ,
Чрезмѣру чванился».—Жена, вѣдь это больно,

Такъ больно, что заплакалъ—бы и я,—
А плакать не могу, мои застыли слезы!
Смотри, нѣтъ ни слезы, а на сердцѣ щемить.

Г-жа ФОСТЕРЪ.

Вѣдь счастья игра людей перемѣняетъ:
Быть—можетъ, братъ Стефанъ, твой сынъ....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Скорѣе задуши меня, но только
О нихъ не говори:—я слышать не могу!

Когда я знатенъ былъ, когда ларецъ желѣзный
Былъ золотомъ набить, совѣтовала ты

Отрѣчься мнѣ отъ нихъ; теперь, когда я бѣденъ,
Еще гордѣе сталъ предъ ними я.

Чего мнѣ ждать отъ нихъ! презрѣнья и насмѣшекъ?
Нѣтъ, радости я не доставлю имъ—

Смѣяться мнѣ въ лицо, передо мной гордиться
И говорить: «ты жалокъ, жалокъ намъ»....

Еще въ тюрьмѣ найду и гвоздь я, и веревку,
На чемъ еще повѣситься могу,

Скорѣе, чѣмъ стерплю предъ ними унижень!....

Г-ЖА ФОСТЕРЪ, *плачетъ.*

Будь кротокъ,—Божій гнѣвъ терпѣньемъ ты смягчишь.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЮРЕМЩИКЪ И ТѢЖЕ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Что, не принятыя-ли опять мнѣ за работу?

Я разумѣю, у дверей стоять,

И подаванія просить у проходящихъ.

Работа бы, кажись, не тяжела,

И не болитъ рука отъ частаго прошенья,

Да, какъ-то отъ нея сжимается душа,

И стынетъ въ жилахъ кровь.... еще денекъ продлится—

Потѣха эта, я боюсь, пріятель

Что и рука моя въ щели окостѣнѣетъ,

И въ сердцѣ на-всегда замерзнетъ кровь.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Да полноте, сиръ Фостеръ, успокойтесь,

Я гостю къ вамъ привелъ, и видно по лицу,

Что добрая: она васъ въ горести утѣшитъ.

Дѣвицу Долли Браунъ—знаете ее?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

О, какъ не знать, она премилое дитя,

А люди ангеломъ ее небеснымъ называютъ;

Но можетъ-ли она несчастному помочь,

Раздѣлитъ-ли она жезломъ волшебнымъ море,

Достанетъ-ли со дна сокровища мои?

Зачѣмъ пришла она?—

ТЮРЕМЩИКЪ.

Поговорите съ нею.

Пожалуйте сюда—войдите на часокъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ И ДОЛЛИ БРАУНЪ.

ДОЛЛИ.

Не прогнѣвайтесь на меня, Сиръ Фостеръ,

Что я не во-время осмѣлилась войти.

Я знаю, вамъ мое явленье въ тягость,
 Но не могла я сердца превозмочь,
 И къ вамъ пришла. Напрасно я просила
 Отда участие въ потерѣ вашей взять
 И возратить вамъ сумму за полгруза,
 Который вамъ продалъ онъ на-сихъ-дняхъ;
 Онъ отказалъ мнѣ на отрѣзъ словами:
 «И Фостеръ бы со мной такъ поступилъ».

Притомъ-же клятвою вы торгъ вашъ заключили.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Что сдѣлано, то сдѣлано — онъ правъ.

ДОЛЛИ.

Пусть такъ, но тѣмъ меня не могъ онъ успокоить:

Я знала, что въ тюрьмѣ сидите вы.

Вы Роберта отецъ—къ вамъ я душой летѣла....

Когда же голосъ вашъ услышала.... тамъ-тамъ....

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Когда просилъ я милостыню — смѣло

Скажите, миссъ,—вѣдь этимъ ремесломъ

Питаюсь я теперь....

ДОЛЛИ.

Тогда я не могла

Владѣть собой, помочь вамъ поклялася,

Во что-бы-ни-было, хоть малостью, и я....

Простите мнѣ, не откажите въ просьбѣ

Принять....

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Вы ангелъ нашъ, о какъ добры вы, Долли!

ДОЛЛИ.

Все, что я сберегла... онъ со мной—тѣ деньги....

О, не смотрите прямо мнѣ въ глаза,

Мнѣ стыдно....

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Для чего я не могу назвать васъ

Любезной дочерью!...

ДОЛЛИ.

Ахъ, назовите такъ!...

Какъ для души названье это сладко!

Г-ЖА ФОСТЕРЬ.
 Кто дочерью тебя своею назоветь,
 На тѣхъ сойдетъ благословеніе Неба.

ТОМАСЬ ФОСТЕРЬ плачетъ.

Въ степи людской живительная капля!
 Тебя я какъ отецъ люблю, дитя мое.

Онъ цѣлуетъ ее.

долли.

Ну вотъ теперь и я смѣлѣе стала,
 Теперь все выскажу, что на душѣ лежитъ.
 Вотъ десять фунтовъ стерлинговъ, тюремщикъ:
 Довольно-ли, чтобъ болѣе не просилъ
 Сирь Фостеръ у дверей мірскаго подавня?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Помилуйте, довольно за—глаза;
 Еще изъ нихъ останется на нужды,
 И старику шесть фунтовъ,—каково!
 Теперь извольте—ка не хмуриться, смѣяться,
 Сирь Фостеръ, счастье на вашей сторонѣ! Уходитъ.

долли беретъ за руку стариковъ.

Примите отъ меня—отецъ мой, мать моя.
 Откажете?—я съ горести изсохну
 При мысли той, что помощью ничтожной
 Я оскорбила васъ....

ТОМАСЬ ФОСТЕРЬ обнимаетъ ее.

Я принимаю даръ,

Дитя мое, охотно принимаю.
 Ахъ, гордость Фостера лежитъ на днѣ морскомъ.
 Мнѣ весело тебя прижать къ груди изсохшей;
 Мнѣ кажется, что ты родная дочь моя....
 Какъ утѣшительна мечта для несчастливца,
 Которому родной сынъ измѣнилъ,
 И дѣтскую любовь свою другому продалъ!
 Благодарю тебя, дитя, за всю любовь
 Твою ко мнѣ, — вѣдь у меня нѣтъ болѣ
 Дѣтей,—лишь ты одна единственная дочь.

долли, смятенная опускаетъ глаза въ землю!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣже и РОБЕРТЬ, трепещущій, въ сильномъ волненіи, въ рукѣ держа бумагу, съ шумомъ отворяетъ двери и бросается къ ногамъ отца.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Что значить! Адъ раскрылся предо мной!
Прочь съ глазъ моихъ, злодѣи!... Жена, бѣги за стражей.
Пусть охранить меня отъ изверга.... Ты здѣсь?
За-чѣмъ предо мной колѣни преклоняешь?
Я не король, тебѣ не дамъ я областей,
Я нищій....

РОБЕРТЬ.

Батюшка, меня благословите.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ отворачивается отъ него.

Жена, бѣги за стражей.—Съ глазъ долой!
Вѣдь у меня нѣтъ болѣ завѣщанья,
И нечего выспрашивать тебѣ.

ДОЛЛИ.

Я за него молю—

Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Онъ сынъ твой!

РОБЕРТЬ встаетъ и пламенно обращается къ матери.

За это слово, матушка, на-вѣки
Жестокость вашу забываю я! Цѣлуетъ ее и плачетъ.

За это слово пламеннымъ потокомъ

Вамъ благодарность излилась моя!...

Все кончено! меня родитель ненавидитъ,

На-вѣкъ меня изгналъ изъ сердца своего;

Сыновья слеза не трогаютъ его;

Я болѣ своимъ присутвіемъ не буду

Тревожить миръ его безцѣльныхъ дней;

Что я нѣмъ отца—во-вѣкъ я не забуду,

Но заключу тоску въ груди, въ душѣ моей,

И просьбы отъ меня родитель не услышитъ.

Вы, матушка, примите отъ меня:

Изъ вашихъ рукъ охотиѣ онъ приметъ

Дарь сына бѣднаго, который—бы ему
Принесъ на жертву жизнь за тяжкое проклятье!...
Отець свободенъ мой: я выкупилъ его!...

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Свободенъ? какъ Робертъ?—не сонъ-ли?—свободенъ—
И кто....

РОБЕРТЬ.

Родитель!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *схватываетъ бума-
гу, вперя въ нее неподвижные глаза,
весь трепещетъ.*

Сынъ освободилъ меня!

Дятя мое, которое я проклялъ!
Отець небесный! дай мнѣ силы, силы! Онъ *читаетъ.*
Нѣтъ, то не сонъ, глаза мои.... мои....
И письма священныя, какъ пламя
Ихъ жгутъ, корятъ жестокаго отца.
Преступникъ я,—ты судія мой, Робертъ.

Становится на колѣни.

Мой сынъ, простишь-ли ты?... единственный мой сынъ!
Онъ плачетъ у ногъ сына.

РОБЕРТЬ.

Не мѣсто вамъ у ногъ,—въ мои объятя!...

Благословите, батюшка, меня

И вашу дочь: теперь чтóбъ ни случилось—

Хотябъ меня на плаху повели—

Я все снесу: меня благословилъ родитель!...

Общая группа.

ЯВЛЕНИЕ V.

Прежние, Стефанъ Фостеръ, Тюремщикъ.

СТЕФАИЪ ФОСТЕРЪ, *въ одеждѣ шерифа,
твердо Роберту.*

Чтó дѣлаешь ты здѣсь?—

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

А ты зачѣмъ пришелъ?

Торжествовать тебѣ надъ братомъ не удастся.

Ты опоздалъ, теперь свободенъ я!

Ты слышишь-ли?—со-зла не захлебнися жолчью.

Свободенъ я, свободенъ! и при томъ,

Кто выкупилъ меня?—сынъ—сталъ мой избавитель,

Мой ангелъ, а тебя—я ненавижу, врагъ!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

А заслужилъ-ли ты поступокъ этого сына?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Нѣтъ, я не заслужилъ: тѣмъ болѣе цѣню

И чувствую его благодѣянья.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

А заслужилъ-ли ты участіе мое,

Чтобъ радоваться мнѣ твоей свободѣ?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Чего тебѣ здѣсь надобно у насъ?

Лицомъ твоимъ холоднымъ, равнодушнымъ

Не мучь меня,—вопросами не мучь!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Я зеркало въ себѣ представлю для тебя:

Смотри въ немъ на себя, собою полюбуйся.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Я не игрокъ, бродяга или воръ:

Могутъ-ли я себя въ тебѣ увидѣть?

Что привязался ты и мучишь такъ меня?

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Такъ эта ненависть, упрямство не преклонны?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Шерифъ, меня тебѣ не размягчить!

Смиряться предъ тобой я не намѣренъ;

Голоднымъ спутникамъ твоимъ поживы нѣтъ. —

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, рѣшительно къ Роберту.

Нѣтъ отъ тебя—такъ отъ него имъ будетъ.

Гдѣ двѣсти фунтовъ стерлинговъ моихъ,

Которыя ты взялъ у должниковъ?

РОБЕРТЪ, спокойно.

Истратилъ

Кн. II. — 11.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ. Мнѣ возврати немедленно всю сумму.

РОБЕРТЬ. на груди отца.

Я половину вамъ процентовъ заплачу.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ. Безъ отговорокъ, вышлати всю сумму. Ты промоталъ ее, куда дѣвалъ, скажи?

ДОЛЛИ И Г-ЖА ФОСТЕРЪ. О ради Бога, Робертъ!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Сынъ несчастный!

РОБЕРТЬ.

Что сдѣлалъ я? какое преступленье?

Для васъ не похищалъ я деньги у него?...

А вы мнѣ что? вы не отецъ, а дядя.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

За то отецъ тебя съ проклятіемъ изгналъ,

Едва тебя на вѣкъ не обезславилъ. *Томасу.*

Теперь почувствуй самъ, какъ весело смотрѣть,

Когда за насъ страдаетъ избавитель.

Всмотрися въ зеркало—оно передъ тобой,

Любуйся въ немъ ты надъ самимъ-собой. *Стражамъ.*

Возьмите Роберта подъ стражу.

РОБЕРТЬ.

Дядя!

ДОЛЛИ И Г-ЖА ФОСТЕРЪ.

Будь милосердъ! —

Стража хочетъ взять Роберта.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Какъ онъ былъ милосердъ ко мнѣ.

Стражамъ.

Берите! —

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Стой! нѣтъ, я разсудокъ свой теряю.

Братъ, фурия, гремучая змѣя!

Хочу тебя молить, хочу — и проклинаю!

Вдали слышна радостная музыка.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Возьмите! —

Не пущу?

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Ихъ разлучите, стражи!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Надъ агнцемъ связаннымъ ты силы показалъ,
Жестокосердый тигръ!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Не-только-что въ поступкахъ,
Ты и въ словахъ расквещься своихъ.
Въ тюрьму воровъ его не медя посадите.
Чу, торжество лордъ-мера началось. — Уходитъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Иди на торжество—и тамъ не громъ литавровъ,
Мое проклятье слухъ твой поразитъ.

СТРАЖЬ, Роберту.

Послѣдуйте.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Куда?

СТРАЖЬ.

Въ тюрьму.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Въ тюрьму?

И я остануся безъ сына, на свободѣ?
Куда-бъ онъ ни пошелъ, хотя на эшафотъ,
Я ухвачусь обѣими руками,
Меня влеките съ нимъ, заройте въ землю съ нимъ,
Вопьюсь въ него изсохшими устами,
Съ нимъ лягу я подъ камнемъ гробовымъ!...

РОБЕРТЬ.

Родитель мой, меня судьбинѣ предоставьте,
Не опозорьте вы своихъ сѣдинъ.

Простите!—*Долли и Г-жа Фостеръ не пускаютъ Томаса слѣ-
довать за сыномъ; Робертъ хочетъ идти за стражейю.*

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ вырываетъ его изъ рукъ
стражей.

Прочь, свободу дайте мнѣ!

Я заклинаю васъ моимъ погибшимъ счастьемъ!

Вы не забудьте, я съ сего-дня сталъ отцомъ,
 Сего-дня сынъ мнѣ родился безцѣнный
 Слыхали-ли, чтобъ кто безъ жалости бросалъ
 Новорожденнаго въ часъ самаго рожденья?
 Съ тобой иду, не разлучусь съ тобой!
 Ты спась меня! — мое освобожденье
 Я жизнь отплачу тебѣ... ты мой, ты мой!

Стража уводитъ Роберта; Томасъ Фостеръ хватывается за него и идетъ вмѣстѣ, хотя стража отталкиваетъ его; Долли и Эжа Фостеръ также обнимаютъ Роберта. Весь уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Великолѣпный залъ въ домѣ лорда-мера. Музыканты на хорахъ. Богато одѣтыя дамы и кавалеры, граждане и граждане.

Эрминия въ разговоръ съ дамами, Браунъ, за ними слѣдуютъ поспѣшно Сиръ Джоржъ Квинтшорнъ и Сиръ Лампъ.

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Повѣрьте мнѣ, я очевидцемъ былъ.

Весь городъ знаетъ, что съ нимъ приключилось
 Лампъ.

Извольте жениха другаго избирать
 Вотъ я, чѣмъ худъ? — въ мужья я гошусь.

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

Молчите!

Вы смѣете со мной тягаться?

Браунъ, и Господа,

Заспорьте-ка опять, къ шерифу я прибѣгну, —
 Быть-можетъ, онъ другимъ васъ всеземь пугнетъ.

СИРЪ ДЖОРЖЪ.

И впрямь.

Лампъ.

Повѣрьте мнѣ.

СИРЬ ДЖОРЖЪ.

Но вотъ онѣ идутъ,
Отъ нихъ узнаете о славномъ приключеньи.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и г-жа Фостеръ и Долли тѣшатся къ Эрминіи, говорятъ съ нею; она выходитъ изъ круга дамъ къ сторонѣ, слушаетъ ихъ внимательно. Браунъ, Сирь Джоржъ, Ламмъ также внимательно слушаютъ.

Эрминія.

Подъ стражу взять, вы говорите?

Г-жа Фостеръ.

Да.

Вашъ мужъ—не человекъ, чудовище, убійца!
Онъ мучитъ насъ, онъ пьетъ по каплѣ нашу кровь.

Долли.

Вы заступитесь за него... Мой Робертъ...

Г-жа Фостеръ.

Придумайте, какъ дѣлу пособить.
Стефанъ обязанъ вамъ своимъ благополучьемъ,
Вамъ стоить приказать.

Эрминія.

Прошу васъ, успокойтесь.

Я знаю мужа, слишкомъ хорошо.
Хотя поступки миѣ его и неизвѣстны,
Но я увѣрена, что зла не сдѣлалъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Герольдъ громко говоритъ «Король!» Народъ раздѣляется на двѣ стороны. При громъ музыки входятъ Генрихъ VI, въ сопровожденіи Лорда-мера.

Генрихъ VI. Стефану Фостеру.

Вы счастья баловень, вы на землѣ нашли
Жену, которая не испытала грусти. Эрминія.
Примѣръ невиданный!... На этотъ день
Своею дамою васъ называю, мери.—

Эрминия и Стефанъ въ молчаніи благодарятъ его.

ГЕНРИХЪ VI беретъ Эрминию за руку и съ нею открываетъ балъ. Музыка играетъ маршъ.

ГОЛОСЪ ТОМАСЪ ФОСТЕРА, внѣ зала.

Пустите къ королю, его мнѣ нужно видѣть!

Во имя всѣхъ святыхъ, пустите къ королю.

ГЕНРИХЪ VI, съ удивленіемъ.

Что значитъ этотъ крикъ? пустите, разступитесь:

Несчастный, можетъ-быть,—принять его готовъ.

Гдѣ-бъ ни былъ я, для всѣхъ мое открыто сердце.

Танцующіе разступаются.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНИЕ: Томасъ Фостеръ, *забыгавъ отъ усталости и страха, надаетъ къ ногамъ Короля.*

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Умилобсердитесь! примите, Государь, Прошенье старика несчастнаго.

ГЕНРИХЪ VI.

Чего-же

Вамъ надобно, скажите?—

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Правосудья!

ГЕНРИХЪ VI.

Отказа никому я въ этомъ не давалъ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Суда межъ мной и тѣмъ шерифомъ....

ГЕНРИХЪ VI.

Тѣмъ?

Стефаномъ Фостеромъ?—

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Онъ братъ мнѣ, братъ родной.

Общее удивленіе.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ *продолжаетъ.*

Что я сказалъ! какой-же онъ мнѣ братъ?

Къ-несчастью, отъ однихъ родителей почтенныхъ
 Мы родились.... но онъ не братъ мнѣ, нѣтъ:
 Священное я опозорю имя!
 Взгляните Государь—какъ мраморъ онъ стоитъ,
 И мнѣ въ лицо язвительно смѣется,
 Межъ-тѣмъ какъ онъ меня во прахъ втопталъ ногой,—
 Смотрите, и мое несчастье поймете!...

ГЕНРИХЪ VI.

Вы заблужденіемъ и страстью увлеклись.
 Шерифъ язвительно въ глаза вамъ не смѣется,
 Онъ улыбается, въ спокойствіи души,
 И на лицѣ его нѣтъ гнѣва и досады;
 Прошу васъ встать, и объявите мнѣ,
 Въ чемъ состоитъ его вина предъ вами?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *вставъ.*

Шерифъ, котораго вы видите въ чести,
 Въ богатствѣ, въ славѣ,—былъ недавно нищимъ,
 И за долги, въ тюрьмѣ, презрѣнный, дни влачилъ,
 А я на высотѣ стоялъ благополучья,
 Богатъ, почтенъ—какъ первый изъ купцовъ.
 Но счастья игра перемѣшила жребьи:
 На днѣ морскомъ—сокровища мои,
 И мѣсто праздное его въ тюрьмѣ я занялъ.
 Не прогнѣвись, державный Государь,
 Что рѣчь моя прерывиста, несвязна,
 Что слезы крупныя катятся по щекамъ;
 Не плакалъ прежде я на высотѣ величья,
 Сталъ плакать лишь теперь—ребенкомъ слабымъ.
 Языкъ коснѣеть мой отъ сильнаго волненья.

ГЕНРИХЪ VI.

Несчастье всегда священо для меня.
 Сберитесь съ силами и продолжайте далѣ.

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Въ глубокой горести, среди моей темницы,
 Вотъ я сижу одинъ, въ безмолвьи гробовомъ;
 На голомъ потолкѣ мое воображенье
 Рисуетъ призраки, картину нищеты;
 Уже я начиналъ терять и вѣру въ небо...
 Отчаянье на сердце налегло...

Все человечество казалось мнѣ тиеной,
 Готовою меня когтями разтерзать,
 Какъ вдругъ слетѣлъ нежданный избавитель,
 Тотъ ангелъ—былъ мой сынъ, единственный мой сынъ!
 Торжественно меня онъ вызвалъ на свободу—
 Онъ искупилъ меня ужасною цѣной:
 Онъ золото похитилъ у шерифа!
 И жаждой мщенія шерифъ руководимъ,
 Желая погубить меня въ концѣ, жестокий
 Является въ тюрьму,—насыта злость свою
 Вопросами, презрительной насмѣшкой,
 Отторгнувъ сына онъ отъ сердца моего,
 И за его поступокъ благородный,
 Въ оковы заключилъ и предалъ на позоръ!

Шумъ, ропотъ собранія.

Въ отечествѣ у насъ сидитъ на тронѣ милость,
 Законный Государь, для подданныхъ отецъ.
 Я падаю въ слезахъ къ стопамъ твоимъ, державный,
 О Государь, мнѣ сына возврати!
 Вели меня на дно темницы бросить,—
 Безъ ропота, безъ слезъ, неволю я стерплю;
 Я буду знать, что я счастливѣйшій изъ смертныхъ,
 Я буду знать, что мой свободенъ сынъ.

Онъ обнимаетъ колына Короля.

Отдай дитя мое, дитя мое родное! *Рыдаетъ у ногъ.*

ГЕНРИХЪ VI встаетъ.

Но встаньте, встаньте, Фостеръ.—Что на это
 Вы скажете, шерифъ?

*СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, смѣло, но спокой-
 но и холодно.*

О Государь, и вы, сограждане мои!
 Наружностью одной не ослѣпляйтесь
 И опрометчиво не разсудите насъ.
 Въ присутствіи своемъ, позволь мнѣ, Государь,
 Не больше двухъ вопросовъ сдѣлать брату.

ГЕНРИХЪ VI даетъ знакъ согласія.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

А какъ ты поступалъ, когда я нищимъ былъ?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ *нахмуясь и жести*
бы стыдясь сказать.

Тебя оставилъ я на произволъ судьбины.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Кто мнѣ помогъ?

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Мой сынъ.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

А ты за то,

Изъ сердца исключя, лишилъ его наслѣдства,

Съ невѣстой разлучилъ и проклялъ, осрамилъ

И вытолкалъ его на улицу съ сумою!..

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *въ раскани.*

Да, я такъ поступилъ....

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Вы слышите? онъ первый,

Онъ первый подалъ мнѣ жестокости примѣръ,

И онъ еще меня гienной называетъ!

Да, съ Робертомъ я строго поступилъ,

А онъ вѣдь только мнѣ племянникъ. Недовольный,

Что предалъ нищетѣ, презрѣнью меня,

Братъ чувствами, природой наругался,

И за меня на сынъ вымещалъ, —

На сынъ, и къ тому-жъ единственному!... Ужели,

Какъ дядя, долженъ я любить его

Сильнѣе, чѣмъ отецъ? *Глубокое молчаніе.*

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *посль шкотораго молчанія.*

Да, я былъ злой отецъ!

Безчувственный, глупецъ высокоумный!

Въ томъ признаюсь предъ небомъ и землей.

Ахъ! счастье мою ожесточило душу.

Ударъ судьбы ее насильственно смягчилъ,

И вотъ съ нея кора ожесточенья спала

И совѣсть-змѣй проснулась въ груди—

Я каюсь въ моихъ поступкахъ прежнихъ

И съ сыномъ, и съ тобой; остатокъ дней моихъ

Я отдаю—бы за сладкую отраду.

Ему полезнымъ быть, помочь въ его нуждѣ.
Я сознаю теперь мою несправедливость,
Я заслужилъ, чтобъ онъ меня попралъ ногой.

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ, въ сильной радости, съ любовью братской.

Братъ, братъ! твои слова отрадны для души,
Какъ свѣжая роса для сохлой нивы.
Теперь и я спокойнѣе вздохну....
Тяжелый камень спалъ, закрылись сердца раны!
Несправедливость ты почувствовалъ свою,
Въ винѣ своей торжественно сознался,
И я отъ радости нежданной слезы лью;
Жестокимъ не былъ я къ тебѣ—я притворялся,
Тебя я наказалъ орудиемъ твоимъ.
Твой сынъ передъ тобой—и вотъ его невѣста:
Прими его, и въ немъ залогъ моей любви.

РОБЕРТЪ.

Дѣтей своихъ, отецъ, благослови!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ.

Я не во-снѣ-ли вижу? Сынъ, мой сынъ!

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

И мой!...

БРАУНЪ.

И мой онъ добрый сынъ отнынѣ!

ГЕНРИХЪ VI.

Достойный юноша, исполня долгъ сыновній,
Признательность мою ты заслужилъ. *Привлечетъ его.*

СТЕФАНЪ ФОСТЕРЪ.

Еще тебѣ, братъ Томасъ, я открою
Чего бы никому я не открылъ....
Ты жалобой своей къ тому меня принудилъ:
Долги твои сполна я уплатилъ;
У Брауна купилъ тебѣ товаровъ,
Биткомъ набито ими въ кладовыхъ;
Въ ларцѣ твоемъ есть деньги на-разживу.
Мы братья,—оба мы исправлены съ тобой:
Несчастьемъ ты, я счастьемъ неожиданнымъ....

Такъ будемъ торговать отнынѣ вмѣстѣ мы,
И «Братья Фостеры» мы примемъ фирму.
Согласіе нашъ лозунгъ мореходный,
Согласіе и въ сердцѣ и въ дѣлахъ...
Самъ Государь то подтвердитъ....

КОРОЛЬ.

Согласенъ!

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, РОБЕРТЪ, Г-ЖА ФОСТЕРЪ, *въ изумленіи.*

ТОМАСЪ ФОСТЕРЪ, *падая на колѣна.*

О Боже праведный!—нѣтъ слезъ, не плачу я....

Вся повернулась во мнѣ душа моя!

Братъ, братъ, о какъ въ тебѣ я ошибался!

Прими въ раскаянье слезу любви моей!

Слеза любви исторглась изъ очей! *На колѣнахъ.*

СТЕФАНЪ.

Ея лишь отъ тебя, я, братъ твой, дожидался. *Обнимаетъ!*
его. Общая группа.

п. *ОБОДОВСКІЙ.*

ДОМЪ

НА

ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЫ.*

Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Варволомей Сидоровичъ Копѣйкинъ.

Анна Семеновна Жемчужина.

Викторъ Васильевичъ Субботинъ.

Дожна, исправляющая должность дворника въ домѣ Копѣйкина.

Бегичевъ)

Дудкинъ) Пріатели Субботина.

Укогскій)

Бутчанскій.

Еще нѣсколько пріателей Субботина.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ г. Копѣйкина.

---

* Хотя водевиль этотъ не составляетъ новости на петербургской сценѣ, но мы его печатаемъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что остроумный авторъ во многомъ передѣлалъ и исправилъ его.

Театръ представляет совершенно пустую комнату; на одной сторонѣ окно, на другой двери, въ срединѣ общій выходъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

копѣйкинъ пишетъ на подокозникъ билетъ, и домна.

домна. Власть ваша, Варѣоломей Сидорычъ, а право за одну комнату 300 рублей слишкомъ—дорого.

копѣйкинъ. Ты прежде наживи свой домъ, да потомъ и назначай цѣну. Если-бъ ты была порядочная дворничиха, такъ старалась-бы о выгодахъ своего хозяина, а ты только кофеей распиваешь.

домна. Пожалуй, я стану за нее просить хоть 600 рублей, если прикажете.

копѣйкинъ. И хорошо съдлаешь.

домна. Однако-жъ сколько я ни расхваливала всѣмъ этотъ сарай, а жильцовъ все-таки нѣтъ.

копѣйкинъ. Будутъ, дай срокъ. Вотъ я сдѣлалъ новый билетъ: «Въсемъ домъ одаеця чистый новый покой, а «цѣнъ спросить въ лавочкѣ, съ хозяйскими дровами.»

домна приклеиваетъ билетъ на стекло. Съ вашими дровами?

копѣйкинъ. Да, это такъ только пишется, а впрочемъ она на солнцѣ, на самомъ припекѣ, такъ ее и топить не надобно. Кстати, нашъ надзиратель сегодня распекъ меня за твою безпечность; онъ говоритъ, что у нашихъ воротъ такая грязь, что пройти нельзя. Эта нечистота на твоей душѣ.

домна. Я мету каждое утро, а грязь отъ-того, что вы не хотите сдѣлать трубы.

копѣйкинъ. Ну, ну! ну! вишь тебя куда занесло! Что здѣсь, Невскій Пришпехтъ что-ли? У насъ на Петербургской сторонѣ ни у кого нѣтъ трубъ, а я что за миллионщикъ? Вотъ еще какая надворная совѣтница! Я изъ-за тебя, старой дуры, не хочу быть на замѣчаніи у Полиціи.... я человекъ смирной, ссориться не люблю.

Лишь-бы хранилъ меня Создатель!

Да былъ-бы цѣль домишко мой,

Да не сердился-бъ надзиратель,

Не приставай городовой,

Такъ и доволенъ я судьбой.

Лишь-бы жильцы не забывали

Мнѣ въ сроки деньги присылать,

Да чтобы вчетверо давали,

Какъ снова станутъ нанимать....

Чего-же больше мнѣ желать?

Да, кстати; когда же наша г-жа Жемчужина соберется мнѣ заплатить за цѣлые два мѣсяца?

домна. Да откуда ей взять, горемычной? Горько смотреть на нее бѣдняжку, въ какой она бѣдности. Вотъ съ самой смерти ея мужа не можетъ справиться; съ трудомъ кормитъ своихъ дѣтей.

копѣйкинъ. Дѣти! дѣти!... это не мое дѣло; я вѣдь этому не причина.... вѣдь здѣсь не Воспитательный Домъ.... Да смотри братъ, Домна Ивановна, ты что-то больно къ ней жалостлива.

домна. Жалостлива! Вѣдь я у васъ дворничиха, а не злая дворняшка.... не лаяться-же мнѣ съ ней, коли у ней нѣтъ денегъ....

копѣйкинъ. Лаяться нечего, а пугнуть не мѣшасть. Сходи къ ней еще разъ, да если она не заплатитъ, такъ не выпускай со двора ея пожитковъ.

домна. Да вотъ ея дочка, Анна Семеновна, поговорите съ ней сами.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Аннушка.

аннушка. А, вы здѣсь, Вареоломей Сидорычъ? я васъ вездѣ искала.

копѣйкинъ. Не мудро догадаться, моя милая, что если меня не было дома, или въ моей мелочной лавочкѣ, такъ я вѣрно гдѣ нибудь....

аннушка. Я таки такъ и думала, что вы вѣрно здѣсь, въ этомъ пустомъ сараѣ.

копѣйкинъ. Надсмѣшница! Развѣ можно этотъ барской покой называть сараемъ?

— аннушка. Куда какъ онъ хорошъ! Зимой здѣсь хоть волковъ морозъ.

копѣйкинъ. За то лѣтомъ и дачи не нужно.... Ну да не въ томъ дѣло, а зачѣмъ вы меня искали?

аннушка. Маменька обещала вамъ сегодня заплатить за квартиру.

копѣйкинъ. Да, за два мѣсяца и три дня съ половиною.... Спасибо, спасибо.

аннушка. Не за-что, право не за-что. Бѣдная маменька обѣдала всѣхъ, которые были должны покойному батюшкѣ... но ей обещали отдать не прежде, какъ черезъ недѣлю, и она покорнѣе проситъ васъ подождать до-тѣхъ-поръ.

копѣйкинъ. Подождать?... Черезъ недѣлю? Извольте....

аннушка. Ахъ, какъ васъ благодарить!... Я всегда говорила, что вы не такъ злы, какъ кажется. Маменька сама никакъ не смѣла вамъ сказать объ этомъ.... я вздася васъ упросить; я подумала, пойду, авось онъ меня не съестъ.

копѣйкинъ. И прекрасно, моя красавица, хоть одна-кожъ вы такъ хороши, что... что право такъ-бы васъ и съѣлъ....

домна, *въ сторону*. Ахъ, старый грѣховодникъ! какъ онъ на насъ поглядываетъ.... не къ добру такъ развѣжился....

копѣйкинъ. Дайте же мнѣ за эту проволочку маленькой процентикъ.... *Хочетъ ее обилать и кашляетъ.*

аннушка. Ну, ну, пожалуйста, съ этимъ подалее....

копѣйкинъ. Зачѣмъ-же подалее — надо любить ближняго....

аннушка. Полноте, полноте, вы и то кашляете.

копѣйкинъ. Ничего моя душенька!... Это такъ поперхнулось отъ избытка чувствъ....

аннушка. И такъ я пойду скажу маменькѣ, что вы соглашаетесь подождать.

копѣйкинъ. Согласенъ, согласенъ, моя крошечка.

домна, *въ сторону*. Подождать! ну, это надо записать въ трубу уголькомъ.

копѣйкинъ. Но вѣдь вы сегодня переедете, потому что у меня вашу квартиру наняли другіе жильцы.

аннушка. Маменька сказала, что если вы только согласитесь, то она сейчасъ-же пошлетъ за извощикомъ.

копѣйкинъ. Извощикъ? зачѣмъ-же вамъ извощика?... Напрасно! Ивановна!... Поди-ко къ нимъ.... перенеси ихъ мебели.... къ намъ на чердакъ, до вышесказанной уплаты.

аннушка. Какъ!... Возможно-ли?...

домна, *въ сторону*. Ну, я знала, что этимъ кончится.

аннушка. Какъ! вы оставляете нашу мебель?

копѣйкинъ. Ничего, ничего, переезжайте съ Богомъ, а ваша мебель останется со мной.... Вѣдь это такъ только изъ предосторожности.

аннушка. Такъ вотъ какую уступку вы намъ дѣлаете! Ахъ, Боже мой! маменька опять будетъ плакать. Какъ вы можете быть такъ не милосердны?

копѣйкинъ. Ничего, привычка!..

АННУШКА.

И васъ не трогаетъ нашъ плачь?

КОПѢЙКИНЪ.

Что плакать, разсудите дѣльно:

Я не миллионщикъ, не богачъ

И у меня не богадѣльня.

АННУШКА.

Свѣтесъ вы моимъ слезамъ?

КОПѢЙКИНЪ.

Не плакать мнѣ чужой печали.

АННУШКА.

За насъ самъ Богъ заплатитъ вамъ.

КОПѢЙКИНЪ.

Нѣтъ, лучше-бъ вы похлопотали.

аннушка. Когда были живы нашъ батюшка, мы вамъ всегда хорошо платили.

копѣйкинъ. Да, онъ былъ прекрасный человекъ, дай Богъ ему царство небесное!...

аннушка. Если-бъ онъ не умеръ, и не оставилъ маменьку съ двумя малолѣтными дѣтьми, она-бы не принуждена была просить отсрочки.

копѣйкинъ. Вѣрю, вѣрю; вы скажите ей: какъ только получу деньги, сейчасъ ея мебель будетъ возвращена.

аннушка. А на чемъ будутъ спать въ это время мои маленькіе братья?

копѣйкинъ. Дѣтей надо приучать съ малолѣтства не вѣжиться...

аннушка. О, это уже слишкомъ!... Этого-бы и жидъ не сдѣлалъ....

копѣйкинъ. Съ нами крестная сила, что я за нехристы!

аннушка. Неужели вы не позволяете намъ и трехъ дней прожить у васъ?

копѣйкинъ. Нѣтъ... кто меня обманетъ, двухъ дней не проживетъ.

аннушка. Это ужасно!

копѣйкинъ. Что дѣлать! я люблю вести свои дѣла начистоту.... Попросите-же маменьку очистить сегодня квартиру, а объ мебели не безпокойтесь: она будетъ на чердакъ, въ чистотѣ и исправности... у меня немножко съ крыши течетъ.... да нынче стоитъ ведро, а дождь пойдетъ, кадку подставимъ.

аннушка. Прощайте, Богъ съ вами! Онъ васъ накажетъ за вашу жестокость! Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Копѣйкинъ и Домна!

домна. *Зныкаетъ.* Ну, хозяинъ! у него въ крещенье льду не выпросишь, а въ петровки дуже бышеной собаки.

копѣйкинъ. Что ты тамъ разныкалась?

домна. Да какъ-же!... я не могу смотреть на слезы бѣдныхъ людей.

копѣйкинъ. Я и самъ не смотрю на слезы... меня ими не надуешь... впрочемъ, какъ быть, и богатые люди иногда плачутъ; всѣ мы, грѣшные, родились на горе.

домна. Она сказала правду... Богъ васъ когда нибудь накажетъ... вы еще и старыхъ грѣховъ не замолили.

копѣйкинъ. Что ты врешь, старая дура!

домна. Врешь? Какъ заговоришь правду, такъ и врешь.

копѣйкинъ. Правду говори про себя, а я и безъ правды знаю, что дѣлаю. Ужъ тебѣ противъ меня нечего говорить... Слава Богу, награждена достаточно: при моей женѣ была кухаркой, послѣ своего мужа осталась дворничихой... имѣешь львотомъ теплый уголь, полная хозяйка при моемъ дворѣ.

домна. Я не жалуясь, всѣмъ довольна, хоты вы мнѣ и ничего не даете.

копѣйкинъ. Какъ быть... я самъ человекъ не богатой, людей притѣснять не люблю, чужаго не надобно... Ступай-же запри ворота, чтобъ г-жа Жемчужина не вывезла своихъ пожитковъ.

домна. Хорошо-съ; я пойду къ нимъ да поплачу вмѣстѣ.

копѣйкинъ. Поди, поди; отвори ей свои дружескія объятія, а хозяйскія ворота все-таки запри.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Субботинъ, у окна.

субботинъ, стучитъ въ раму. Хозяинъ дома — дома?

копѣйкинъ. Что вамъ угодно?

субботинъ. Здѣсь отдается квартира?

копѣйкинъ. Сейчасъ, сейчасъ... Проводи-ка его сюда.

Домна уходитъ, она отворяетъ окно. Сюда, сюда, на крыльцо... Это какой-то порядочный! Помоги Господи надуть! Нынче-же вторникъ, счастливый день.

домна. Милости просимъ, батюшка. Сюда пожалуйте. Вотъ самъ вамъ покажетъ.

субботинъ, входя. Это твой мужъ?

домна. Нѣтъ, батюшка, это самъ хозяи́нъ.

СУББОТИНЪ. Мое почтеніе.

КОПЬИКИНЪ. Всякое уваженіе.

домна. Пущай-ка самъ попробуетъ отдать ее за 300 рублевъ. Уходитъ.

КОПЬИКИНЪ. Надѣньте вашу шляпу, здѣсь немножко холодно.

СУББОТИНЪ. Послѣ васъ, сударь.

КОПЬИКИНЪ. Сдѣлайте милость.

СУББОТИНЪ. Вѣдь вы здѣсь были въ кошаке?

КОПЬИКИНЪ. Домашнее дѣло-съ.

СУББОТИНЪ. Зачѣмъ-же церемониться.... Всѣ люди, какъ люди,—надѣньте кошака.

КОПЬИКИНЪ. Извольте вы, сударь, прежде накрыться.

СУББОТИНЪ, надвывая шляпу. Если вы непременно хотите.... Впрочемъ дѣло еще не въ шляпѣ, но я надѣюсь, что мы съ вами сойдемся.

КОПЬИКИНЪ. Очень пріятно-съ. Позвольте васъ спросить, вы не женаты-съ.

СУББОТИНЪ. Нѣтъ еще.

КОПЬИКИНЪ. Это очень кстати.... Эта чудесная комната для холостяго.... видите здѣсь есть и окошко и пенкалы. Не возможно удобнѣе.

СУББОТИНЪ. Я никогда не топлю.

КОПЬИКИНЪ. Право-съ? Тѣмъ лучше: меньше работы трубочисту, котораго, между прочимъ, я не держу, потому что у васъ необыкновенная чистота... за всѣмъ самъ хозяи́нъ цѣлый день неунынно смотритъ... а на ночь запираемъ ворота, и собаку съ цѣпи спускаемъ... однимъ словомъ здѣсь всѣ удобства жизни.

СУББОТИНЪ. Немножко низко.

КОПЬИКИНЪ. У меня есть квартира во 2-мъ этажѣ-съ.

СУББОТИНЪ. Такъ я бы ту лучше хотѣлъ.

КОПЬИКИНЪ. Она третьяго-дня данята.

СУББОТИНЪ. А! Ну, такъ я ужъ ту не возму.... Что же этой цѣна?

КОПЬИКИНЪ. Могу васъ увѣрить, что здѣсь очень-прекрасно... вездѣ такъ смиренно... спокойно... Экипажи совсемъ не бѣзятъ—совершенная тишина.

СУББОТИНЪ. Тѣмъ лучше, я самъ человекъ тихой.
КОПЫКИНЪ. Въ 8 часовъ вечера слышно даже какъ
крысы скребутся.

СУББОТИНЪ. А развѣ здѣсь водятся эти животныя?

КОПЫКИНЪ. Нѣтъ, это такъ только примѣрно говорит-
ся... вѣдь онѣ заводятся отъ сырости, а у меня какъ
видите, такая сушь, что чудо! Даже въ наводненіе было
почти очень-мало воды.

СУББОТИНЪ. Однакожъ замѣтка на заборѣ выше моей
головы.

КОПЫКИНЪ. Нѣтъ-съ, это новая дощечка нарочно
приколочена повыше, чтобъ ребятишки не пачкали.

СУББОТИНЪ. Но я спрашиваю о цѣнѣ?

КОПЫКИНЪ. О цѣнѣ!... ну ужъ извольте... по знаком-
ству, чтобъ не запрашивать лишняго, не торговаться...
и тѣмъ-болѣе, что вы человекъ одинокой; я, знаете, не-
люблю отдавать въ-наемъ, у кого есть дѣти.

СУББОТИНЪ. То-то я и слышалъ дѣтскій плачь, какъ
входилъ сюда.

КОПЫКИНЪ. А! это другое дѣло: они ужъ здѣсь роди-
лись. Вы понимаете, что хозяинъ не можетъ препятство-
вать этимъ случаямъ.

СУББОТИНЪ. Но цѣна?

КОПЫКИНЪ. Развѣ я вамъ еще не сказалъ? — Изволь-
те, извольте... самая крайняя 500 рублей въ годъ.

СУББОТИНЪ. 500 рублей? Это совсѣмъ не дорого.

КОПЫКИНЪ. Не правда-ли-съ?

СУББОТИНЪ. Я полагалъ, что вы запросите по-крайней-
мѣрѣ 510 рублей.

КОПЫКИНЪ. Въ сторону. Экое счастье! а моя Домна не
могла отдать ее за 300. Позвольте, м. г., спросить, съ
кѣмъ я имѣю честь говорить?

СУББОТИНЪ. Меня зовутъ Викторъ Васильевичъ Суббо-
тинъ.

КОПЫКИНЪ. Чиновники-съ?

СУББОТИНЪ. Разумѣется.

КОПЫКИНЪ. Гдѣ вы изволите имѣть жительство?

СУББОТИНЪ. А! понимаю, это вамъ нужно для справокъ.

копѣйкинъ. Помилуйте, совсѣмъ ненужно.... стоитъ на васъ взглянуть....

субботинъ. Я живу въ этой улицѣ, у будки № 310-й.

копѣйкинъ. А! это у отставнаго Надзирателя Криво-глазова.... Знаю, знаю-сь, г. Кривоглазовъ прямой души человѣкъ.

субботинъ. Да онъ и теперь глядитъ прямымъ надзи-рателемъ.

копѣйкинъ. А-съ, позволенія сказать, гдѣ вы изволите служить?

субботинъ. Въ Приходѣ Общественнаго Призрѣнія.

копѣйкинъ. Важнѣйшее мѣсто... у меня то-же жилъ чиновникъ служившій въ какомъ-то Призрѣніи; это имен-но отецъ оныхъ дѣтей, которыхъ вы сей-часъ слышали. Онъ жилъ покуда не умеръ, вотъ тутъ стѣна, обѣ стѣ-ну.... вотъ и дверь оттуда, но она заколочена.

субботинъ. Тѣмъ лучше, господинъ....

копѣйкинъ. Вареоломей Сидорычъ Копѣйкинъ.

субботинъ. Копѣйкинъ.... А! какая богатая фамилія! Который вамъ годъ, по-совѣсти?

копѣйкинъ. 57 лѣтъ.

субботинъ. Не уже-ли вамъ не кажется столько?

копѣйкинъ. Не правда ли-съ?

субботинъ. Нѣтъ, я думалъ, что вы гораздо старѣе.

копѣйкинъ. Какой шутникъ... О себѣ-же доложу вамъ, что я человѣкъ ужасно честный и добрый, къ жильцамъ не придираюсь, платили-бы мнѣ только за треть впередъ ассигнаціями вѣрно и исправно, не марали-бы стѣнъ, не дѣлали дебошу, не вколачивали-бы гвоздей, не портили-бъ пола, не приходили-бъ поздно по ночамъ, не требовали-бъ цѣнравокъ, а то пожалуй дѣлай, что хочешь.

субботинъ. Это очень снисходительно.

копѣйкинъ. Не правда ли-съ?

субботинъ. А что, вы служите гдѣ-нибудь?

копѣйкинъ. Теперь въ отставкѣ-сь, служилъ по питей-нымъ сборамъ, мѣсто скользкое... какъ разъ обвинять... я-же человѣкъ не пьющій.

субботинъ. Что-жъ, вы сами подали въ отставку?

конькинъ. Самъ, по приказанію Начальства. Нынче служить очень-трудно.

Бѣда служить въ казенной службѣ,
Того гляди, уйдешь подъ судъ,
Возьмешь подарочекъ по-дружбѣ,
И тотчасъ взяткой назовутъ!

СУББОТИНЪ.
Другому подведи-ка справку,
Онъ не-невиною пострадалъ,
А дали чистую отставку,
За тѣмъ, чтобъ мѣста не мараля.

конькинъ. Про меня этого нельзя сказать.... Я былъ во развѣзжей части; бывало на мѣстѣ не посиживишь.

СУББОТИНЪ. Послушайте... какъ бишь васъ Вор... Вор...

конькинъ. Вареоломей Сидорычъ.

СУББОТИНЪ. Да, да! человѣкъ вы простой, а имя такое мудреное.

конькинъ. Такъ при крещеніи изволилъ получить.

СУББОТИНЪ. Я бы хотѣлъ, Вареоломей Сидорычъ, сегодня-же переѣхать.

конькинъ. Милости просимъ.... только не прогнѣвайтесь, я человѣкъ аккуратный: если-бъ вы прежде заключили контрактъ. *Въ сторону.* Еще, пожалуй, раздумаетъ.... опомнится, что втрое заплатилъ....

СУББОТИНЪ. Извольте, я хоть сей часъ подпишу.

конькинъ. Не ужели-сь! А у меня съ собой почти что готовиш, я его припасъ для другихъ жильцовъ.... для фамилии оставлено мѣсто.

СУББОТИНЪ. Давайте, давайте.

конькинъ. Вотъ здѣсь перо и чернила.

СУББОТИНЪ беретъ и подписываетъ. Извольте, это мнѣ ничего не стоить.

конькинъ. Экое благополучіе, подписываетъ не читавши! Гдѣ такіе дураки рождаются? Покорнѣйше васъ благодарю, сударь.... А, вотъ какъ Богъ дастъ, вздумаете жениться, такъ у меня очистится большущая квартира и съ конюшней. Пришлите себѣ такую женочку, чтобъ можно было съ нею завести и лошадокъ.

Я вамъ пророчу напередъ,
 Что здѣсь вы заживете лихо;
 За васъ дворничка поидеть,
 Иль первой гильдіи купчиха,
 Какъ холостыба понадоѣсть,
 Такъ надо для утѣхи жизни,
 Искать вамъ дорогихъ невѣсть,
 При нынѣшней дороговизнѣ.

СУББОТИНЪ.

Бѣда съ богатою женой!
 На Невскомъ видишь за-частую,
 Супруга ѣздить четверней,
 А мужъ шафуетъ мостовую.

Такъ я къ вамъ сего-дня переѣду.

копѣйкинъ. Хоть сію-минуту.... только я пойду прежде
 съѣзжать маленькой визитъ г. Кривоглазову, не подумайте
 чтобъ за чѣмъ-нибудь, нѣтъ, это только-такъ водится;
 къ тому-же мы съ нимъ задушевные приятели, онъ поль-
 зуется моею неспритворной дружбой и сальными свѣчами
 съ восковой свѣтильной; я, такъ-сказать, просвѣчаю почти
 всю Петербургскую сторону. Только переѣзжайте, а ужъ
 останетесь довольны.... здѣсь у меня своя мелочная ла-
 вочка и домашняя скотина, и другая живность, словомъ
 Нюевъ Ковчегъ.

субботинъ. Каздаго рода по два.... только хозяйнъ
 сдѣяственнѣй въ своемъ родѣ.

копѣйкинъ.

Здѣсь въ нашей лавкѣ мелочной—
 Хлѣбъ, сахаръ, свѣчи и помада,
 Напротивъ мастеръ гробовой
 И все, что челоуѣку надо.
 Живи себѣ какъ господинъ,
 Есть подъ бокомъ, для наслажденья
 И погребъ иностранныхъ винъ
 Россійскаго произведенья.

Теперь, сударь, я прикажу привести вашу комнату въ
 надлежащую чистоту. Эй! Домна, Домна, поди сюда съ
 щеткой.

домна, за кулисами. Сей-часъ, сударь.

СУББОТИНЪ. Послушайте-ка г. Копѣйкинъ, у всѣхъ домовыхъ хозяевъ служатъ дворники, а у васъ какая-то Домна.... Вы еще, кажется, довольно-крѣпки: признайтесь, не имѣете-ли къ ней слабости?—

КОПѢЙКИНЪ. Помилуйте, какъ можно имѣть такія дурныя понятія о моемъ вкусѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Домна, со щеткой.

ДОМНА. Что прикажете?

КОПѢЙКИНЪ. Вымети-ка здѣсь хорошенько, видишь какая грязь.

СУББОТИНЪ. Г. Копѣйкинъ, вы унижаете прекрасный полъ. Но я не хочу мѣшать вашимъ хозяйственнымъ распоряженіямъ, и такъ-какъ я уже съ вами кончилъ, стало-быть, теперь можно снять этотъ билетъ.

КОПѢЙКИНЪ. Можно, если вамъ угодно.

СУББОТИНЪ. *Снимая билетъ.* Кто это вамъ писалъ? Лавочникъ?

КОПѢЙКИНЪ. Нѣтъ-съ, я самъ.

СУББОТИНЪ. О! да вы грамотѣи.

КОПѢЙКИНЪ. Нельзя же-съ, чиновникъ есмь.

СУББОТИНЪ. Прощайте-же, черезъ четверть часа я къ вамъ переѣду... до свиданія.

КОПѢЙКИНЪ. Остаюсь съ моимъ глубочайшимъ высокопочттаніемъ. *Субботинъ уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Копѣйкинъ и Домна.

КОПѢЙКИНЪ. Ну, Домна Ивановна, ты мастерица мести улицы, давать совѣты, да не умѣешь отдавать квартиры въ-наемъ... видишь, онъ нанялъ.

ДОМНА. Не мудрено, если сбавили цѣну.

КОПѢЙКИНЪ. Сбавилъ? Нѣтъ я отдалъ ее за 500 рублей.

домна. 500 руб! Но увѣрены ли вы, что онъ не сумасшедшій?

конѣйкинъ. Ахъ ты полоумная... посмотрѣла-бы съ какой охотой онъ нанялъ! Мнѣ только жаль одного, зачѣмъ я не спросилъ 550. Ну, да и то слишкомъ-довольно. Пойду сей-часъ, о немъ справиться... это здѣсь полъ бокомъ, а ты между-тѣмъ вытри раму, вымети полъ, обмети наутину; ему надо на первый разъ нашей чистотой пылъ пустить въ глаза.... Смотри-же, не ударь лицомъ въ грязь. *Уходитъ.*

домна. *Одна мететъ пылъ.* Ну, признаться, куда счастливъ этотъ скряга: все ему удастся... съ жильцовъ беретъ втри-дорого, а самому душа дешевле гроша, каждая конѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита... О, о о охъ! за грѣхи мои я связалась съ старымъ грѣховодникомъ! Какъ былъ мой Степанъ Миронычъ... такъ тепло мнѣ было на свѣтѣ, а безъ него бѣхся, словно рыба обледѣла; иной разъ и селедки не на что купить.

При моемъ Миронычѣ
Я не такъ жила;
День денской вплоть до-ночи
Улицъ не мела.
Мнѣ одно угодное
Дѣлалъ онъ всегда,—
Словно благородная
Я жила тогда.
Съ нимъ, моимъ проказникомъ,
Веселилась я,
Хоть хмѣльной по праздникамъ
И бивалъ меня.
Участь неутѣшная
Нынече пришла...
Кочевнику грѣшная
Съ мѣсяцъ не пила!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Домна, Суботинъ и Аннушка.

Суботинъ. Милости прошу, къ намъ въ гости... Что, тетушка, хозяйнъ ушелъ?

домна. Ушла, батюшка, вонъ она бѣжать вдоль по улицѣ.

субботинъ. *Даетъ ей деньги.* Вотъ на кофеи тебѣ за хлопоты.

домна. Спасибо, кормилецъ, спасибо, желанный. Дай Богъ вамъ здоровья! Переѣдете сюда, такъ не только полы буду мыть, да и сапоги вычищу, если позволите. субботинъ. Нравится ли вамъ, Анна Семеновна, мое новоселье?

домна. Такъ, стало-быть, вы знакомы съ барышней?

субботинъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ помнить самого себя. Отецъ ся былъ моимъ благодѣтелемъ, а ея матушка была мнѣ второй матерью: первой я никогда не зналъ. Не печальтесь-же, мой другъ, все будетъ хорошо, даю честное слово. Я не люблю платить денежныхъ долговъ, но долгъ благодарности всегда плачу съ процентами. До сихъ поръ я думалъ только объ однихъ шалостяхъ, но моя благодѣтельница въ крайности... Прощай проказы и разгульная жизнь! я стану работать, какъ лошадь, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ, и сдѣлаться черезъ свои труды полезнымъ вашему семейству.

анюшка. О, какой вы добрый, Викторъ Васильевичъ!

субботинъ. Очень-добръ, но золь на выдумки.

анюшка. Чтѣжъ вы хотите дѣлать?

субботинъ. Это моя тайна; послѣ я вамъ все расскажу, а теперь довольно вамъ знать, что никто кромѣ васъ не будетъ моею женою.

анюшка. Возможно-ли?

субботинъ. Это такъ вѣрно, какъ то, что я люблю васъ всей душою, и что вы поцѣлуете меня въ знакъ согласія....

анюшка. Да... какъ можно.... вонъ она здѣсь.

домна. *Все еще мететъ.* Ничего, поцѣлуйтесь, я соразъ избы не вынесу.

анюшка. О, мой милый Викторъ! *Цѣлуетъ его.*

домна. О, охъ! Вотъ такъ-то я съ Миронычемъ цѣловалась.... Экой ты добрый, батюшка, что за нихъ вступаешься! да я бы тебѣ, ясаго собола: сама расцѣловала за это.

СУББОТИНЪ. Нѣтъ, тетушка, послѣ, а теперь ужъ не-вкусно. Но скажите-же, гдѣ ваша матушка?

АННУШКА. Ахъ, она опять побѣжала доставать гдѣ-нибудь денегъ.... надобно сегодня заплатить за квартиру.

СУББОТИНЪ. Не нужно; она выгдетъ отсюда со всей своей мебелью.

ДОМНА. Но хозяинъ ни за что не согласится.

СУББОТИНЪ. Мнѣ и не нужно его согласіа. — Я умѣю хозяйничать въ чужомъ домѣ. Повторю вамъ, вы безъ задержки переѣдете отсюда.

АННУШКА. Сегодня?

СУББОТИНЪ. Сего-дня.

АННУШКА. Въ 7-мь часовъ?

СУББОТИНЪ. Въ 7-мь и со всѣмъ.

АННУШКА. Но какъ?

СУББОТИНЪ. Это мое дѣло.

ДОМНА. У окна. Хозяинъ идетъ!....

СУББОТИНЪ. Ужъ воротился.... прекрасно.... эта дверь, кажется, въ вашу квартиру?... подите же черезъ нее; я нехочу, чтобъ онъ васъ здѣсь видѣлъ.... до свиданія.

ДВѢЛЕНІЕ VIII.

Копѣйкинъ, Субботинъ и Домна.

КОПѢЙКИНЪ. А вы ужъ здѣсь, Викторъ Васильевичъ? очень-радъ.

СУББОТИНЪ. Надѣньте вашу шляпу.

КОПѢЙКИНЪ. Ничего-съ, вѣдь я у себя дома.

СУББОТИНЪ. Ну, что же вамъ сказалъ мой прежній хозяинъ?

КОПѢЙКИНЪ. Не возможно получить лучшаго отзыва. Если вы заслуживаете хоть половину того, что онъ разсказалъ мнѣ объ васъ, такъ вамъ просто нѣтъ подобнаго.

СУББОТИНЪ. Г. Кривоглазовъ очень снисходителенъ.

КОПѢЙКИНЪ. О, онъ умѣетъ сортировать людей... двадцать лѣтъ былъ Надзирателемъ въ нашей части, и можно сказать, въ довольно-большой чести... бездѣльника ночью

— узнать... право, такого человѣка днемъ съ фонаремъ не найдешь.

СУББОТИНЪ. И такъ ничто не мѣшаетъ мнѣ къ вамъ перебраться?

КОПЫКИНЪ. Покорно прошимъ.

СУББОТИНЪ. Вы говорили ему, что я къ вамъ переѣзжаю?

КОПЫКИНЪ. Какъ же-съ, и онъ мнѣ сказалъ, что вся ваша движимость сей-часъ сюда доставится.

СУББОТИНЪ. Да я просилъ его ообъ этомъ.... постойте, постойте, вотъ, кажется, и она.... сюда, любезный, сюда, пожалуста осторожиѣе, не испорти мои мебели.

КОПЫКИНЪ. Какой аккуратный молодой человѣкъ.... я воображаю, какія у него прекрасныя вещи.... любу дорого посмотрѣть.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ-ЖЕ БУДОЧНИКЪ и несетъ тюфякъ, впривѣтъ стулъ о трезвѣ по-
жикахъ и прочемъ.

СУББОТИНЪ. Хорошо, любезный, хорошо....

КОПЫКИНЪ. Что я вижу! что это за шутка?

СУББОТИНЪ. Вотъ моя движимость....

КОПЫКИНЪ. Помилуйте.... это какой-то хламъ.... дрянный тюфячишка.

СУББОТИНЪ. Наружность обманчива, внутри у него богатый волосъ, я на немъ засыпаю также сладко, какъ на пуховикѣ.... На вотъ тебѣ, голубчикъ, на водку.... ты, вѣрно, не замедлишь издержать по назначенію.

БУДОЧНИКЪ. Рады стараться, ваше благородіе.... прощенья прошимъ. Уходитъ.

ДОМНА. Вотъ тебѣ и разъ.... хвастливаго съ богатымъ не распознаешь.... Онъ, мой сердечный, голъ какъ соколъ.

СУББОТИНЪ. Я уберусь послѣ, а теперь, почтеннѣйшій хозяинъ, садитесь, такъ гости будете.

КОПЫКИНЪ. Ненужно, сударь, ненужно.... вы мнѣ, конечно, потрудитесь объяснить....

субботинъ. Какъ-же, за счастье почту... погодите, дайте только немножко справиться... Куда-бы мнѣ помѣстить свой шкафъ?

копѣйкинъ. *Въ сторону.* Шкафъ... уфъ! онъ меня было перепугалъ; я ужъ думалъ, что у него только и есть всего добраго, но, вѣрно, послѣ принесуть... нельзя-же вдругъ...

субботинъ. Вотъ здѣсь ему будетъ очень хорошо...

копѣйкинъ. Нѣтъ-съ, вотъ тутъ, кажется, очень удобное мѣсто для шкафа.

субботинъ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше здѣсь.... вотъ на этой стѣнѣ.

копѣйкинъ. На стѣнѣ? шкафъ на стѣнѣ? Что это? въ самомъ дѣлѣ лезить на стѣну.... Ужъ не взбѣсился-ли онъ?....

субботинъ. *Вынимаетъ веревку и привязываетъ ее къ двумъ гвоздямъ.*

копѣйкинъ. Что я вижу! это веревка!

субботинъ. Какъ вы догадливы.

копѣйкинъ. Но къ чему же вы ее привязали?

субботинъ. Къ этимъ двумъ гвоздямъ.... какъ видите. *Снимаетъ верхній сертукъ и перекидываетъ его на веревку.* Вотъ мой складной шкафъ.—Теперь, Домнушка, купи-ка мнѣ сальныхъ свѣчъ, по 8-ми на фунтъ; я даю сегодня вечеринку.

домна. Да гдѣ-жъ подсвѣчники, батюшка? во что-же ихъ поставить?

субботинъ. Я ихъ приклею поглаже къ стѣнѣ.

копѣйкинъ. Какъ это можно... вы испачкаете стѣны, сожжете мой домъ.... это ни на что не похоже.

субботинъ. Напротивъ, это будетъ чудесно, точно пестергофская иллюминація. Но это все пустяки, а главное, я долженъ вамъ объяснить, г... какъ бишь васъ?...

копѣйкинъ. Копѣйкинъ.

субботинъ. Я только-что хотѣлъ сказать.... и такъ узнайте, г. Копѣйкинъ, что вотъ уже два года, какъ я веду кочевую жизнь. Однажды я сильно захворалъ.... у меня съдѣлалась лихорадка, а въ карманахъ чахотка... я кругомъ задолжалъ, словожъ, былъ точно въ такихъ об-

стоятельствахъ, какъ моя сосѣдка, Жемчужина. Мой хозяинъ былъ низокъ и нечувствителенъ, какъ мостовая; при моихъ глазахъ продавались все мои мебели... Какъ скоро моя болѣзнь прошла, я очень здраво разсудилъ, что это несчастіе можетъ случиться и въ другой и въ третій разъ, и потому съ-тѣхъ-поръ я не завожу себѣ никакой мебели; но чтобы отплатить тому бездѣльнику, который такъ безчеловѣчно со мной поступилъ, я сдѣлался бичемъ всѣхъ тѣхъ, кто хоть немножко на него походить, вслѣдствіе чего я и нанялъ у васъ квартиру.

копѣйкинъ. Боже мой, что это! духъ занимается!

суботинъ.

Съ-тѣхъ-поръ я былъ неумолимъ,

И сдѣлался на все готовымъ!

Холерой, язвой, домовымъ,

Я сталъ хозяевамъ домовымъ!

Съ-тѣхъ-поръ бродить изъ дома въ домъ

Я началъ, какъ преступный Кайвъ,

И ни копѣйки за насъ

Съ меня не получаютъ хозяинъ!

копѣйкинъ. Какъ! вы и мнѣ не будете платить?

суботинъ. Ни гроша, г. Копѣйкинъ.

домна. *Въ сторону.* Вотъ тебѣ разъ! конилъ, конилъ, да чорта и кушилъ.

копѣйкинъ. Возможно!... когда пять минутъ назадъ Кривоглазовъ говорилъ мнѣ объ васъ....

суботинъ. И вы то-же будете говорить другому хозяину, когда я вздумаю отъ васъ переѣхать....

копѣйкинъ. Я? я? ни за что!

суботинъ. Вы станете меня перевозносить до небесъ, лишь бы только я отъ васъ провалился сквозь землю... Но успокойтесь, почтеннѣйшій, если вы не будете любезны, если улыбка снова не расцвѣтетъ на вашихъ атласныхъ губахъ, то кончится тѣмъ, что я и переѣду на вашъ счетъ.

копѣйкинъ. Ахъ я дуракъ! за чѣмъ я не велѣлъ показать себѣ его прежнюю квартиру?

субботинъ. Это бы ни къ чему не послужило; онъ показалъ—бы вамъ свою.

копѣйкинъ. Ваше хладнокровіе меня бѣситъ...

субботинъ. Ничего,—привычка.

копѣйкинъ. Я пойду просить въ полицію.

субботинъ. Напрасно,—я ей слишкомъ хорошо известна: она на меня давно рукой махнула. Впрочемъ... контрактъ сдѣланъ на полгода.

копѣйкинъ. На полгода!

субботинъ. Я нигдѣ меньше не жилъ.

копѣйкинъ. Ну такъ вы ни дня здѣсь не останетесь.

субботинъ. Останусь.

копѣйкинъ. Нѣтъ.

субботинъ. Останусь, потому что контрактъ подписанъ....

копѣйкинъ. Ахъ, я старшій осель!

субботинъ. Я не хочу съ вами спорить, ты готовъ помириться, только тутъ нужна особая сдѣлка.

копѣйкинъ. Какъ я могъ принять его за порядочнаго человѣка? Это какой-то шимора!... Въдъ вы меня своимъ пассажемъ по-міру пускаете; это просто дневной грабежъ.

субботинъ. Можетъ—быть.

копѣйкинъ. Такъ вы послѣ этого разбойникъ?

субботинъ. Не спорю.

копѣйкинъ. Зажигатель?

субботинъ. Согласенъ.

копѣйкинъ. Убійца!

субботинъ. Пожалуй.

копѣйкинъ. Еслибъ я не былъ добраго характера, я бы вамъ наказыль грубостей.... но я удерживаюсь.

субботинъ. И хорошо дѣлаете.

копѣйкинъ. У меня отъ досады ноги подгибаются.

субботинъ. Вотъ вамъ стулъ мой о трехъ ножкахъ.

копѣйкинъ. Мнѣ дурно!

субботинъ. Дожитесь на мой тюфякъ.

копѣйкинъ. О! я со злости желалъ бы повѣстися!

СУББОТИНЪ. Мой шкапъ къ вашимъ услугамъ.
КОПЫКИНЪ. О, палачъ!
СУББОТИНЪ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, не осудите.
КОПЫКИНЪ. Проклятый Кривоглазовъ! какую воровскую петлю навязалъ онъ мнѣ на шею.
СУББОТИНЪ. Нельзя же иначе, если вы съ нимъ закадычные друзья.
КОПЫКИНЪ. Друзья? Нѣтъ, это первый мошенникъ! Я двадцать лѣтъ съ нимъ знакомъ, и каждый день собирався высказать ему всю правду.
СУББОТИНЪ. Истинные друзья всегда такъ дѣлаютъ.
КОПЫКИНЪ. Мы увидимъ защищаютъ-ли законы такія преступленія.... Я сейчасъ пойду жаловаться надзирателю, онъ не вступится — частному полиціймейстеру, доведу до губернатора....
СУББОТИНЪ. Это ни къ чему не поведетъ.... что хлопотать изъ пустяговъ? Я вамъ говорю, что мои карманы пустехоньки, хоть выворотите наизнанку, а на лицо грѣхъ пожаловаться, — не правда-ли?
КОПЫКИНЪ. Оно отвратительно... на лицѣ написано, что негодяй.
СУББОТИНЪ. Э! вы, вѣрно, читать не умѣете.

КОПЫКИНЪ.

Подожди-же ты пріятель,
 Я управлюся съ тобой!
 Здѣсь Квартальный Надзиратель
 Мнѣ съ-руки и подъ-рукой.
 Онъ не терпитъ дебоширу,
 И когда на споръ пойдетъ,
 Такъ казенную квартиру
 Въмѣсто этой отвелеть.

ВМѢСТѢ:

КОПЫКИНЪ.

Видъ и взглядъ его ужасенъ!
 Сорванецъ изъ сорванцовъ!
 Это просто Сенька Разинъ!
 Это новый Пугачовъ!

СУББОТИНЪ.

Не боюсь я этихъ басенъ.
 Чтò шумѣтъ изъ пустяговъ:
 Вамъ известно, какъ опасенъ
 Я для скаредныхъ скулицовъ.

Копыкинъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ X.

Субботинъ и Домна.

домна. Такъ этакъ-то вы помогаете вашей бѣдной сосѣдкѣ?

субботинъ. Этакъ. Ты видишь, что все идетъ, какъ нельзя лучше.

домна. Но вѣдь хозяинъ пошелъ на съѣзжій дворъ.

субботинъ. Туда ему и дорога.

домна. Вѣдь онъ придетъ сюда съ надзирателемъ.

субботинъ. А надзиратель съ тѣмъ придетъ, съ тѣмъ и уйдетъ.

домна. Онъ принудитъ васъ силой....

субботинъ. Не бойся, тетушка, меня даже нечистая сила не выживетъ отсюда.

домна. *Въ сторону.* Ну, я этакого смѣльчака не видывала, даже и квартального не боится.

субботинъ. Смотри-же, Домнушка, если наше дѣло сладится, мы тебя возьмемъ въ кухарки—два цѣлковыхъ въ мѣсяць.

домна. Ахъ, вы мои серебряные! Да вѣдь я прежде была золотая повариха, что твоя чухонка! Умѣю и квасокъ затереть, и пироги свалать, и жареное зажарить....

субботинъ. Постой-же, дай намъ прежде кашу разхлебать, которую я здѣсь заварилъ. Поди-ко, покарауль у воротъ, я жду къ себѣ гостей; если они придутъ, покажи имъ мою квартиру.... Но, вотъ, кажется, и они!

Домна уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Субботинъ, Бушугевъ, Дудкинъ, Ухорскій и нѣсколько молодыхъ людей.

ХОРЪ.

Здорово, добрый нашъ пріятель,

Мужъ знаменитый безъ жены,

Любви и модъ законодатель

Всей Петербургской стороны!

СУББОТИНЪ. Благодарю васъ, друзья мои, душевно благодарю за ваше посѣщеніе, и тѣмъ-болѣе, что вы собрались ко мнѣ не поѣсть, не попить, а просто пересышать изъ пустаго въ порожнее.

БУШУЕВЪ. Видишь, какъ мы исправны.... я только сей часъ изъ Департамента, и не успѣлъ еще хорошенько пообѣдать.

СУББОТИНЪ. Ничего, мой другъ, я васъ всѣхъ приглашаю со мной поужинать, только съ условіемъ, чтобъ вы отказались, потому-что у меня здѣсь ничего нѣтъ.

БУШУЕВЪ. О, да ты славный хлѣбосоль; но нельзя-ли узнать, за чѣмъ мы сюда собрались?

СУББОТИНЪ. Сію минуту... милости прошу садиться, господа!

всѣ. *Омльдываются.* Покорно благодаримъ; очень благодарны.

СУББОТИНЪ. Не на чемъ господа, не на чемъ... не прогибайтесь. Впрочемъ вашъ начальникъ отдѣленія заставляетъ васъ сидѣть съ утра до вечера, что вы исполняете съ стоическимъ терпѣніемъ. Но къ-дѣлу: я не стану вамъ рассказывать о моихъ проказахъ надъ домовыми хозяевами: эти анекдоты истерты, какъ ваши правые рукава, и не интересны, какъ журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ; нужно только вамъ сказать, что здѣсь въ домѣ живетъ вдова прежняго моего благодѣтеля, добрая женщина, которая въ моемъ сиротствѣ замѣнила мнѣ мать. Этому почтенному семейству обязанъ я своимъ нравственнымъ существованіемъ; безъ него я бы, можетъ-быть, давно уже соединился съ моими предками, о которыхъ я никогда не имѣлъ никакого понятія.

БУШУЕВЪ. Что за нравственно-сатирической романсъ?

ДУДИНЪ. Что за исторія?

УХОРСКИЙ. Что за галиматья? Въ чемъ дѣло?... чего ты хочешь отъ насъ?... что изъ этого будетъ?

БУШУЕВЪ. Тихе, гг., дайте ему досказать....

СУББОТИНЪ. Напротивъ, господа, громче!... Орите во все горло.... чтобы сосѣди разинули ротъ и заткнули уши!

БУШУЕВЪ. Но ты прежде намъ объясни....

субботинъ. Мой речитативъ конченъ.... а если вы не поняли, такъ вы послѣ этого безтолковы, какъ оперные хористы, и потому начнемъ любимый нашъ хоръ изъ Роберта-Дьявола. *Поютъ дьявольскій голосъ изъ Роберта, съ ужаснымъ шумомъ и стукомъ.*

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и Копѣйкинъ.

копѣйкинъ. Что здѣсь за сборище? что за шумъ? что за гвалтъ?... Это какой-то чертовскій шабашъ?

субботинъ. Вы угадали, это изъ Роберта-Дьявола.

копѣйкинъ. Дьяволь? Что за чертовщина!

субботинъ.

Я справляю новоселье,
Пиръ горой у насъ идетъ;
Для чертовскаго веселья
Только васъ недостаетъ!
Вотъ, друзья, рекомендую,
Мой хозяинъ домовой:
Онъ пирушку разгульную
Любить также всей душой;
Хоть его заѣла скупость,
Но браниться онъ не скупъ.
Скупость, говорятъ, не глупость,
Да онъ самъ-то очень-глупъ.
Чтожъ вы, братьцы, замолчали?
Продолжайте нашъ содомъ,
Чтобы стѣны задрожали,
Чтобы домъ пошелъ верхъ дномъ.

всѣ.

Мы справляемъ новоселье и проч.

копѣйкинъ. Позвольте, позвольте, господа, это ни на что не похоже.... это просто дебощъ.

субботинъ. Извините, это вокальный концертъ, а послѣ я заведу здѣсь танцъ-классъ. Вы постарайтесь привыкнуть къ нашему веселью, потому-что это будетъ аккуртно каждый день.

копѣйкинъ. Я погибъ!

СУББОТИНЪ. Перестаньте дуться.... вы такъ дурны, когда сердитесь, а ваше лице и безъ того не очень красиво. Господа, не осудите Копѣйкина по наружности; онъ очень добрый человѣкъ, хотя теперь со злости и ни на что не похожъ.

КОПѢЙКИНЪ. Я съ ума схожу.

СУББОТИНЪ. Это напрасно.... нынче музыка въ большомъ уваженіи: мы своими концертами хотимъ просвѣтить вашу Петербургскую сторону.... сюда будутъ сбѣгаться, слушать даже изъ Глухаго переулка.

КОПѢЙКИНЪ. Я сей часъ пошлю за частнымъ приставомъ.

СУББОТИНЪ. А онъ также любитъ музыку?... милости просимъ.... но шутки въ сторону... послушайте, есть еще средство намъ поладить.... я готовъ сегодня-же съѣхать отсюда.

КОПѢЙКИНЪ. Неужели!

СУББОТИНЪ. Вы видите, какъ я добръ; но вотъ мое условіе: вы должны выпустить мою сосѣдку г-жу Жемчужину съ ея мебелью.

КОПѢЙКИНЪ. Ни за что!

СУББОТИНЪ. Подумайте хорошенько, послѣ будетъ поздно.

КОПѢЙКИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

СУББОТИНЪ. Вы не хотите сдѣлать по моему, такъ пусть будетъ по вашему. Господа! начнемъ; не жалѣйте, ни груди, ни горла, ни хозяйскихъ ушей, ни стеколъ. *Посторяютъ прежній хоръ, колотятъ палками; Субботинъ садится на окно, стучитъ въ раму кулакомъ и бьетъ стекла.*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Гь-же, Домна и Аннушка.

ДОМНА. Ахъ, батюшки мои! что здѣсь такое? вся Петербургская сторона собралась у нашихъ воротъ!...

КОПѢЙКИНЪ. У моихъ воротъ?

СУББОТИНЪ. Это пришли насъ слушать.... Господа, теперь надо что нибудь національное: «Какъ у нашихъ воротъ».

домна. Верхніе жильцы прислали сказать, что они ни за что не останутся здѣсь, если вы ихъ не уймете.

копѣйкинъ. Возможно-ли?

домна. А тѣ, которые наняли квартиру г-жи Жемчужиной, остановились съ возами на дворѣ, и не хотятъ переѣзжать сюда.

копѣйкинъ. Этого только не доставало? Ну, такъ и быть, я на все, на все согласенъ,—только уѣзжайте поскорѣе. На силу-то.

субботинъ. Но я не знаю, согласиться-ли мнѣ теперь.

копѣйкинъ. Сдѣлайте милость, ваше благородіе... я васъ покорнѣйше прошу.... ради Бога.

субботинъ. Какъ быть! чувствую, что я слишкомъ добръ.... извольте, я соглашаюсь....

копѣйкинъ. Слава Богу! только позвольте еще маленькое условіе....

субботинъ. Еще условіе... Господа!..

копѣйкинъ. Нѣтъ, нѣтъ... выслушайте прежде... нельзя ли вамъ нанять квартиру на углу этой улицы? Тутъ живетъ купчиха Рогатина.... я давно на нее сердитъ, и желалъ бы ей поддуть такого жильца.

субботинъ. Однакожъ какое у васъ сходство съ вашимъ другомъ, Кривоглазовымъ: вѣдь онъ-же мнѣ рекомендовалъ вашъ домъ.

копѣйкинъ. Неужели? Экая bestія!

субботинъ. Точь-въ-точь, какъ вы. Господа, Теперь не въ службу, а въ дружбу.... помогите перебраться моей сосѣдкѣ.... пускай, когда она возвратится домой, чтобы все было уже очищено.

аннушка. Но мы никакъ не ожидали.... и ужъ отпустили извозчика....

субботинъ. Отпустили? чья-же это тележка стоитъ на дворѣ?

домна. Хозяйская, батюшка; онъ собрался ѣхать зачѣмъ-то на ту сторону.

СУББОТИНЪ. Г. Копѣйкинъ, можно попользоваться вашей тележкой?

КОПѢЙКИНЪ. Вотъ еще новости, позволю я мучить свою лошадь!

СУББОТИНЪ. Ну все равно.... давайте-жъ мучить хозяина.... начнемъ, господа!

КОПѢЙКИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, кончите ради Бога.... возьмите, только убирайтесь поскорѣй....

СУББОТИНЪ. Покорно благодарю. — Ну, друзья мои! помогите-же нашей старушкѣ убраться, не въ службу, а въ дружбу. Мы сей-часъ къ вамъ придемъ. Они уходятъ. Теперь, г. Копѣйкинъ, позвольте вамъ откланяться и рекомендовать вамъ мою невѣсту.

КОПѢЙКИНЪ. Такъ, стало-быть, вы ея женихъ?

СУББОТИНЪ. Какъ вы догадливы!

КОПѢЙКИНЪ. Ахъ, я старый оселъ!... Служилъ, служилъ по питейной части—и позволилъ надуть себя молокососу, мальчишкѣ....

ДОМНА. Батюшка, Варфоломей Сидорычъ....

КОПѢЙКИНЪ. Ну, что тебѣ еще?

ДОМНА. Пожалуйте мнѣ мой паспортъ.

КОПѢЙКИНЪ. Какъ? И ты меня оставляешь?...

ДОМНА. Да я вѣдь у васъ служила только изъ чести, а его благородіе даетъ мнѣ два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

КОПѢЙКИНЪ. Ахъ, ты жадная! Ну, чортъ съ тобой!

ДОМНА. Покорно благодарю, батюшка!

СУББОТИНЪ. Мы не хотимъ васъ обижать, г. Копѣйкинъ! Какъ скоро поправится ея матушка, вамъ все сполна заплатимъ, а до-тѣхъ-поръ, я оставляю вамъ въ видѣ залога свои пожитки: чайникъ безъ носа, стулъ безъ ноги и все прочее безъ особенной роскоши; можетъ-быть, глядя на это богатство, вы не будете впередъ притѣснять бѣдныхъ людей. Благородный человекъ долженъ быть снисходителенъ къ несчастнымъ. Понимаете?

КОПѢЙКИНЪ. Нѣтъ, не понимаю.

СУББОТИНЪ. Ну, все равно. Мы съ вами сыиграли комедію, кончимъ же дружно, по-водевильному: пой-же съ нами, хоть скрѣпя сердце!

Водевиль:

хоръ къ публикѣ.

Хоть усердно мы желаемъ
 Угодить вамъ каждый разъ,
 Но со страхомъ ожидаемъ
 Снисхожденія отъ васъ.
 Если жъ мы васъ забавляли,
 Такъ отвѣтъ у васъ въ рукахъ.
 Вы нашъ домъ застраховали
 И разсѣяли нашъ страхъ!

П. КАРАТЫГИНЪ.

ОТРЫВОКЪ

изъ

ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА.

СОЧ. ГЕТЕ.

I.

Спектакль былъ весьма продолжителенъ. Старая Варвара нѣсколько разъ подходила къ окну и прислушивалась, не разъѣзжаются-ли экипажи. Она ждала прекрасную свою барыню, Марианну, которая въ тотъ вечеръ, въ костюмѣ молодаго офицера, восхищала публику въ интермедии; Варвара ждала гораздо нетерпѣливѣе, чѣмъ прежде, когда могла предложить ей лишь скудный ужинъ: на этотъ разъ Марианну должна была удивить посылка, которую прислалъ ей по почтѣ богатый негоціантъ, Норбергъ, въ доказательство того, что онъ и въ-далекѣ не позабылъ своей возлюбленной.

Варвара, старая служанка, повѣренная, совѣтница, посредница и хозяйка, всегда имѣла право распечатывать письма, а въ этотъ вечеръ она еще менѣе могла побѣдить свое любопытство, потому-что благосклонность щедраго любовника занимала ее больше, чѣмъ Марианну. Къ величайшей своей радости, она нашла въ посылкѣ, для Марианны, кусокъ тонкой кисеи и самыя модныя

---

* «Вильгельмъ Мейстеръ» (3-й выпускъ «Сочиненій Гете») печатается, и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

ленты, а для себя — кусок бумажной материи, нѣсколько косяночек и нѣсколько денегъ. Съ какимъ умилениемъ, съ какою благодарностью вспоминала она объ отсутствующемъ Норбергѣ! Какъ быстро рѣшилась, для того, чтобы и Маріанна живѣй объ немъ вспомнила, привести ей на память, чѣмъ она ему обязана и чего онъ былъ долженъ надѣяться и ожидать отъ ея вѣрности!

Кисея, оживленная цвѣтомъ полу-свернутыхъ лентъ, лежала на столикѣ, какъ подарокъ на-канунѣ Рождества; размѣщеніе свѣчей умножало ея прелесть; все было въ порядкѣ, когда старуха услышала шаги Маріанны полѣстницѣ и поспѣшила на встрѣчу. Но съ какимъ удивленіемъ она отступила назадъ, когда дѣвушка — офицеръ прошла мимо ея, не обративъ вниманія на ласки; вошла съ необыкновенною скоростію и смятеніемъ въ комнату, бросила на столъ шляпу съ перомъ и шпагу, и съ безпокойствомъ начала ходить взадъ и впередъ, не удостоивая взглядомъ торжественно-горящихъ свѣчей.

— Что съ тобой, душенька! воскликнула изумленная старуха: ради Бога, дитятко, скажи, что такое стало? Посмотри на эти подарки! Отъ кого другаго могутъ быть они, какъ не отъ нѣжнѣйшаго твоего друга? Норбергъ посылаетъ тебѣ кусокъ муселину на спальный капотъ; онъ и самъ скоро явится; кажется, онъ теперь акуратѣе и щедрѣе, чѣмъ прежде.

Старуха повернулась и хотѣла показать подарки, которыми и она была не забыта, какъ вдругъ Маріанна отворотаясь отъ нихъ, вскричала внѣ себя: Прочь, прочь! Сегодня не хочу ничего слышать объ этомъ; я послушалась тебя, ты этого хотѣла, — пусть такъ! Когда Норбергъ возвратится, я опять буду принадлежать ему, опять буду твой, дѣлай со мною что угодно; но до-тѣхъ-поръ — хочу быть независимою, и ты, хотя-бы имѣла тысячу лзыковъ, не отговоришь меня отъ моего намѣренія. Всю себя отдаю я тому, кто меня любитъ, кого я люблю. Отъ гримасъ избавь! Я предаюся этой страсти, какъ будто она должна быть вѣчною!

Старуха не затруднялась въ противорѣчіяхъ и убѣжденіяхъ; но, такъ-какъ въ продолженіе перебранки она

дошла до грубостей и колючестей, то Маріанна бросилась на нее и схватила за грудь. Старуха громко захохотала. Надо поскорѣй опять надѣть на васъ длинное платье, воскликнула она, чтобъ оградить жизнь мою отъ опасности. Отстаньте, раздѣвайтесь! Надѣюсь, что дѣвушка попроситъ у меня извиненія за ту обиду, которую нанесъ мнѣ вѣтреный мальчишка. Долой этотъ мундиръ и все, все долой! Это безпокойная одежда, и для васъ опасная, какъ замѣчаю. Аксельбанты васъ сводятъ съ ума.

Старуха ухватила за нихъ; Маріанна вырвалась. Не торопись! вскричала она: у меня еще гости будутъ сегодня.

— Вотъ это не хорошо, возразила старуха. Ужъ не молодой-ли, нѣженъкій, еще неоперившійся купеческій сынокъ?

— Именно онъ, отвѣчала Маріанна.

— Кажется, будто великодушіе становится владычествующею вашею страстью; насмѣшливо замѣтила старуха; вы съ большимъ усердіемъ покровительствуете недорослей и бѣдняковъ. Быть обожаемою за безкорыстныя благодѣянія—это въ самомъ дѣлѣ должно быть весьма-пріятно!

— Какъ хочешь, насмѣхайся. Я люблю его! я люблю его! Съ какимъ восторгомъ въ первый разъ произношу я эти слова! Страсть моя — та самая, которую я такъ часто изображала, не имѣя объ ней никакого понятія. Да, я брошусь къ нему на шею! обниму его, какъ будто-бы вѣчно хотѣла держать его въ своихъ объятіяхъ. Хочу доказать ему всю мою любовь; наслаждаться его любовью во всей полнотѣ!

— Удержитесь, спокойно возразила старуха, удержитесь! Я однимъ словомъ должна разрушить вашу радость: Норбергъ ѣдетъ! черезъ двѣ недѣли онъ здѣсь! Вотъ его письмо, которое онъ приложилъ къ посылкѣ.

— Если-бы даже утреннее солнце должно было похитить у меня моего друга — я бы спрякала его и отъ солнца. Двѣ недѣли! Какая вѣчность! Чего не можетъ случиться, что не измѣнится черезъ двѣ недѣли!

— Вильгельмъ вошелъ. Съ какою быстротою полетѣла она ему на встрѣчу! Съ какимъ восхищеніемъ обнялъ онъ

красный мундиръ, прижалъ къ груди своей бѣлый атласный жилетъ! Кто осмѣлился-бы, кто рѣшился-бы изобразить, въ эту минуту, блаженство двухъ влюбленныхъ! Старуха, ворча, отошла въ сторону; мы удаляемся за нею и оставляемъ счастливецъ — однихъ.

II.

Когда Вильгельмъ, на слѣдующе утро, пришелъ поздороваться со своею матерью, она объявила ему, что отецъ крѣпко огорченъ и хочетъ запретить ему посѣщать ежедневно спектакли. Хотя и сама я, продолжала она, иногда охотно хожу въ театръ, однако часто готова проклинать его, потому что-ты разрушаешь мое домашнее спокойствіе неумѣренною страстью къ этой забавѣ. Отецъ безпрестанно твердитъ: Къ чему это? Какъ можно такимъ образомъ убивать время?

— И я это отъ него слышала, возразилъ Вильгельмъ, и, можетъ быть, слишкомъ рѣзко отвѣчалъ ему; но, скажите ради Бога, маменька: неужели все то бесполезно, что не наполняетъ кошелекъ нашего деньгами, что не доставляетъ намъ прямой корысти? Развѣ не довольно-просторно было намъ въ старомъ домѣ? для чего было строить новый? Развѣ не тратитъ батюшка ежегодно значительной части своихъ торговыхъ доходовъ на украшеніе комнатъ? Развѣ эти шелковые обои, эта англійская мебель, не также полезны? Развѣ мы не могли-бы довольствоваться гораздо меньшимъ? По-крайней-мѣрѣ я признаюсь, что эти полозатые стѣны, эти сто разъ повторенные цвѣты, змѣйки, корзинки и фигурки, производятъ на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ моихъ глазахъ—они чрезвычайно похожи на нашъ театральнй занавѣсъ. Но какая разница сидѣть передъ занавѣсомъ! Хотябы довелось ждать и вдвое болѣе,—все-таки знаешь, что онъ поднимется и мы увидимъ самыя разнообразныя предметы, которые займутъ насъ, просвѣтятъ и возвысятъ.

— Будь только умѣреннѣе, сказала мать, отецъ тоже любить забавляться по вечерамъ, но онъ думаетъ, что театръ тебѣ разсѣваетъ, а на повѣрку и выходитъ, что когда

онъ огорчится, то всегда я виновата. Какъ часто я должна была слышать отъ него упреки за этотъ проклятый кукольный театр, который я тебѣ подарила, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, на канунъ Рождества, и который поселилъ въ тебѣ первую страсть къ зрѣлищамъ.

— Не браните кукольной комедіи, не раскаявайтесь въ своей любви и внимательности! То были первыя радостныя минуты, которыми я наслаждался въ пустомъ новомъ домѣ; я еще живо представляю себѣ это мгновеніе; помню, какъ мнѣ странно показалось, когда, раздавъ намъ обычные рождественскіе подарки, насъ посадили передъ одною дверью, которая вела въ другую комнату. Дверь отворилась, только не для того, чтобы намъ бѣгать черезъ нее взадъ и впередъ, какъ прежде: входъ былъ неожиданно и торжественно убранъ. Нашимъ глазамъ представился порталъ, закрытый таинственнымъ занавѣсомъ. Сначала всѣ мы смотрѣли издали; помню, какъ увеличилось наше любопытство, какъ намъ хотѣлось узнать, что за блескъ и громъ скрывались за полупрозрачнымъ покровомъ; но каждому изъ насъ показали стулъ и просили терпѣливо дожидаться.

Всѣ сидѣли и все было тихо; флейта подала сигналъ, занавѣсъ взвился къверху и мы увидѣли яркое изображеніе внутренности храма. Первосвященникъ Самуилъ вышелъ съ Ионааномъ, и ихъ удивительные, переливавшіеся голоса возбуждали во мнѣ самое глубокое благоговѣніе. Немного спустя, явился на сцену Саулъ, въ большомъ замѣшательствѣ, по случаю дерзости грознаго побѣдителя, вызывавшаго его на битву. Какъ было пріятно мнѣ потомъ видѣть, когда приближалъ малорослый сынъ Иессея, съ пастушескимъ посохомъ, сумкою и пращею, и сказалъ: «Могучій царь и владыка! никто да не упадетъ духомъ въ такомъ дѣлѣ! Если Ваше Величество мнѣ позволите, я пойду и сражусь съ сильнымъ великаномъ!» Первый актъ кончился и зрителямъ чрезвычайно хотѣлось знать, что будетъ дальше; всѣ желали, чтобы скорѣе перестала играть музыка. Наконецъ снова поднялся занавѣсъ. Давидъ предавалъ страшнаго великана въ пищу птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ; Филисти-

млянинъ произносилъ ругательства, ужасно стучалъ ногами, упалъ — и блистательно кончилъ все дѣло. Какъ потомъ женщины заѣбли: «Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ тмы!» Голова великана поднесена была малорослому побѣдителю, и онъ получилъ въ супружество прекрасную царскую дочь! Но, не смотря на всю радость, мнѣ было жаль, что любимецъ счастья былъ рожденъ такимъ карликомъ, потому-что огромный Голиаѳъ и малый Давидъ, оба были представлены, соответственно понятіямъ, характеристически. Скажите, куда дѣвались эти куклы? Я обѣщала показать ихъ одному другу, которому недавно доставилъ большое удовольствіе, рассказавъ объ этой дѣтской забавѣ.

— Не удивительно, что ты такъ живо это помнишь: это много тебя занимало! Я не забыла, какъ ты утѣшилъ у меня книжку и выучилъ наизусть всю пьесу; я замѣтила это въ первый разъ, когда, однажды вечеромъ, ты выѣлѣшилъ изъ воска Голиаѳа и Давида, заставилъ ихъ разсуждать между собою, наконецъ ударилъ великана, и приткнулъ его уродливую голову, на большой булавокѣ съ восковой рукояткой, къ рукѣ Давида. Съ сердечною, материнскою радостію восхищалась я твоею памятью и патетическою рѣчью, и тотчасъ-же рѣшилась отдать тебѣ всю деревянную трупу. Я не думала тогда, что это доставитъ мнѣ столько горестныхъ часовъ.

— Не раскаивайтесь, возразилъ Вильгельмъ: эти забавы подарили намъ много пріятныхъ минутъ.

Сказавъ это, онъ выпросилъ ключъ, побѣжалъ за куклами, и на мгновеніе былъ перенесенъ въ тѣ времена, когда эти самыя куклы еще казались ему живыми, когда ему представлялось, что онъ оживлялъ ихъ пылкою своею рѣчью и движеніемъ своихъ рукъ. Онъ взялъ ихъ въ свою комнату и тщательно спряталъ.

III.

Если первая любовь, какъ вообще утверждаютъ, есть прекраснѣйшая, какую только сердце наше ранѣе или позднѣе питать можетъ, то мы должны почестъ нашего

героя втройнь счастливымъ, потому что ему было даровано наслаждаться присутвіемъ этихъ единственныхъ мгновений во всей ихъ полнотѣ. Весьма немногимъ людямъ такъ чудно покровительствуетъ судьба, ибо тяжелый опытъ отдаляетъ большую ихъ часть отъ прежнихъ впечатлѣній, и они, за скудное наслажденіе, принуждены бывають отказываться отъ лучшихъ своихъ желаній, навсегда отрекаться отъ того, что мечталось имъ, какъ высшее блаженство.

На крыльяхъ воображенія вознеслась страсть Вильгельма къ прекрасной дѣвушкѣ; въ теченіе непродолжительнаго знакомства, онъ успѣлъ снискать ея взаимность, владѣль существомъ, которое такъ любилъ, такъ обожалъ: она явилась ему въ первый разъ въ очаровательномъ свѣтѣ театральнаго представленія, и страсть къ сценѣ слилась въ его сердцѣ съ первою любовью къ женщинѣ. Молодость позволяла ему наслаждаться обильными удовольствіями, которыя поддерживались и возвышались живою поэзіей. Къ-тому-же положеніе его возлюбленной давало такое направленіе его обхожденію съ ней, которое весьма льстило его чувствамъ; боязнь, чтобы любовникъ со временемъ не открылъ другихъ ея связей, придавала ей пріятный видъ заботливости и стыдливости; ея страсть къ нему была пламенна, даже самыя безпокойства, казалось, увеличивали ея нѣжность; она была самое милое созданіе въ его объятіяхъ.

Когда онъ пробудился отъ перваго упоенія радости и бросилъ взглядъ на свою жизнь и на свои отношенія, все показалось ему новымъ: его обязанности—священниче, страсть живѣе, познанія яснѣе, таланты могущественнѣе, намѣренія рѣшительнѣе. Потому-то ему и было легко все устроить такъ, чтобы избѣжать упрековъ отца, успокоить мать и безпрепятственно наслаждаться любовью Маріанны. Днемъ онъ тщательно исполнялъ всѣ свои обязанности, не ходилъ въ театръ; вечеромъ бесѣдовалъ у стола, а когда всѣ лягутъ спать—онъ, закутавшись въ свой плащъ, мечтая о Линдорахъ и Леандрахъ, тихохонько прокрадывался къ саду и летѣлъ къ возлюбленной.

— Что вы принесли? спросила Маріанна, когда, однажды

вечеромъ, онъ вошелъ съ узломъ, на который старуха, въ ожиданіи пріятнаго подарка, смотрѣла съ большимъ вниманіемъ.— Не отгадаете, отвѣчалъ Вильгельмъ.

Какъ удивилась Маріанна, какъ испугалась Барвара, когда изъ завязанной салфетки посыпались кучи перемѣшанныхъ куколъ, ростомъ не болѣе четверти кажда. Маріанна громко смѣялась, смотря, какъ Вильгельмъ старался распутывать проволоки и показывать фигуру одну за другой. Старуха съ досадою пошла въ сторону.

Не много нужно, чтобъ занять двухъ влюбленныхъ, а потому наши друзья забавлялись въ этотъ вечеръ, какъ нельзя лучше. Маленькая труппа была разобрана, каждая фигура подробно рассмотрѣна и осмѣяна. Царь Саулъ, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, въ золотой коронѣ, вовсе не нравился Маріаннѣ: она находила его принужденнымъ, педантическимъ. Тѣмъ-болѣе полюбился ей Ионаанъ, съ своимъ гладенькимъ подбородкомъ, желтымъ и краснымъ платьемъ и чамою. Она весьма-ловко дергала его за проволоку, заставляла кланяться и изъясняться въ любви. На пророка Самуила она не хотѣла обратить ни малѣйшаго вниманія, хотя Вильгельмъ и выхвалялъ латы его, и рассказывалъ будто двуличневая тафта его полукафтаны была изъ стараго платья бабушки. Давида находила она слишкомъ малорослымъ, Голиава слишкомъ большимъ; съ Ионааномъ-же не разставалась. Она такъ искусно умѣла дѣйствовать имъ и, наконецъ, переносить свои нѣжности отъ куклы къ своему другу, что эта ничтожная забава сдѣлалась преддверіемъ счастливыхъ минутъ.

Шумъ, послышавшійся на улицѣ, вывелъ ихъ изъ сладкаго самозабвенія. Маріанна кликнула старуху, которая, по-обыкновенію, прилежно занималась приготовленіемъ безпрестанно измѣняющихся театральныхъ костюмовъ для предстоящей пьесы. Старуха отвѣчала, что проходила полупьяная компанія веселыхъ товарищей, вышедшихъ изъ итальянскаго погреба, гдѣ они, за свѣжами, только-что полученными устрицами, не пощадили шампанскаго.

—Жаль, сказала Маріанна, что мы не знали этого пріеда: и мы бы также кое-надъ-чѣмъ похлопотали!

— Еще есть время, возразилъ Вильгельмъ, подавая старухѣ лундору: принеси намъ чего-нибудь повкуснѣе, такъ и ты съ нами полакомишься!

Старуха не замѣшкалаась, и въ весьма-короткое время передъ любовниками былъ поставленъ столъ съ прекрасною закуской. Старуха также должна была къ нему присѣсть; ѣли, пили и веселились.

Въ такихъ случаяхъ никогда не бываетъ недостатка въ разговорахъ. Маріанна опять принялась за своего Ионаана, а старуха умѣла обратить разговоръ на любимый предметъ Вильгельма.—Вы уже рассказывали намъ о первомъ представленіи кукольной комедіи въ Рождественскій Сочельникъ,—какъ весело было васъ слушать! Только-что мы васъ прервали, понадобилось приготовляться къ балету. Теперь намъ извѣстно это прекрасное дѣйствующее лицо, которое произвело такое большое впечатлѣніе.

— Да, прервала Маріанна, расскажи, какъ ты тогда веселился!

— Милая Маріанна, отвѣчалъ Вильгельмъ: когда мы вспоминаемъ прошедшее, приводимъ себѣ на память прежнія заблужденія, въ насъ возбуждается прекрасное чувство, особенно въ ту минуту, когда мы счастливо достигли до высоты, съ которой можемъ осмотрѣться и обозрѣть пройденный путь. Мы такъ приятно, такъ самовольно вспоминаемъ о многихъ препятствіяхъ, которые часто, съ горестнымъ чувствомъ, считали непреодолимыми, и сравниваемъ настоящее свое развитіе съ прежними недостатками. Но невыразимо-счастливымъ я чувствую себя теперь, когда, въ это самое мгновеніе, говорю съ тобою о прошедшемъ, потому-что невольно переношусь въ тотъ очаровательный край, который мы могли бы пройти рука-объ-руку съ тобою!

— А каковъ былъ у васъ балетъ? прервала старуха: боюсь, что не все шло, какъ слѣдуетъ.

— О, да! отвѣчалъ Вильгельмъ: балетъ былъ очень-хорошъ! Во мнѣ осталось на всю жизнь темное воспоминаніе о чудесныхъ прыжкахъ негровъ и негрятенокъ, пастуховъ и пастушекъ, карликовъ и карлицъ. Наконецъ

опустили занавѣсъ, дверь затворилась, и все маленькое общество, какъ будто овянѣлое и упоенное, поспѣшило ко сну; но я очень хорошо помню, что не могъ заснуть, что мнѣ еще хотѣлось кое-что рассказать, про многое спросить, и что я не охотно отпустилъ няню, которая укладывала насъ въ постель.

Къ-сожалѣнію, волшебные подмостки опять исчезли, на другой день таинственное покрывало было снято; чрезъ тѣ двери опять стали свободно ходить изъ одной комнаты въ другую, и такія большія затѣи не оставили никакого слѣда. Мои братья и сестры бѣгали съ игрушками своими взадъ и впередъ; я бродилъ одинъ, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы тамъ, гдѣ вчера было такъ много очарованія, остались только двѣ половинки дверей. Ахъ, кто желаетъ возвратитъ потерянную любовь, тотъ не былъ несчастнѣе меня въ тѣ минуты!

Исполненный радости взоръ, брошенный имъ на Марианну, увѣрилъ ее, что онъ не опасался возвращенія подобнаго состоянія.

IV.

— Единственнымъ моимъ желаніемъ, продолжалъ Вильгельмъ, было увидѣть второе представленіе пьесы. Я уговорилъ мать, она искала удобной минуты упросить отца; но ея старанія были тщетны. Онъ утверждалъ, что только *рѣдкое* удовольствіе можетъ имѣть для людей цѣну, что и дѣти и старики не умѣли-бы оцѣнить добра, если бы испытывали его всякій день.

Можетъ-быть еще долго, до самыхъ Святокъ, мы должны были-бы ожидать этого удовольствія, если бы основатель и потаенный директоръ театра самъ не имѣлъ желанія возобновитъ представленіе и потомъ, въ интермедіи, показатъ прекраснаго арлекина.

Одинъ молодой артиллеристъ, одаренный многими талантами, и въ особенности чрезвычайно искусный въ механикѣ, который былъ весьма полезенъ отцу при постройкѣ дома, и за то щедро награжденъ имъ, — хотѣлъ доказать свою благодарность его маленькому обществу въ

праздникъ Рождества, и подарилъ для дома своего благодѣтеля этотъ прекрасно-устроенный театръ, который соорудилъ, вырѣзалъ и разрисовалъ, въ свободные часы. При помощи лакея, онъ самъ управлялъ куклами и, избѣгая голоса, произносилъ различные монологи. Ему не трудно было уговорить отца, который, изъ угожденія къ другу, согласился на то, въ чемъ изъ предубѣжденія отказывалъ дѣтямъ. Словомъ, театръ былъ опять поставленъ; пригласили дѣтей, нѣсколькихъ сосѣдей, и повторили пьесу.

Если, при первомъ представленіи, я испыталъ радостное чувство неожиданности и изумленія, то при второмъ велика была сила вниманія и изслѣдованія. «Какъ это дѣлается?»—вотъ что теперь меня занимало. Что куклы не говорятъ сами—это я отгадалъ уже при первомъ разѣ; что онѣ не сами двигаются—въ этомъ я также былъ увѣренъ. Но отчего все это было такъ прекрасно? Отчего казалось, будто онѣ сами говорятъ и сами двигаются? Гдѣ находятся люди и свѣчи? Эти загадки безпокоили меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше хотѣлось мнѣ быть въ одно время и между очарованными и между очарователями, участвовать въ представленіи и, въ тоже время, какъ зрителю, наслаждаться упоеніемъ обмана.

Пьеса оканчивалась, приготовляли дивертисементъ, зрители встали съ своихъ мѣстъ и разговаривали. Я пробился къ дверямъ, и догадался, по стуку внутри, что тамъ все убрали. Я поднялъ нижній коврикъ, сталъ смотрѣть сквозь подмостки. Мать это замѣтила и отвела меня; но я успѣлъ увидѣть, какъ укладывали въ корзину Саула и Голиаѳа, и всѣхъ прочихъ—и такимъ образомъ мое полу-удовлетворенное любопытство было успокоено. При этомъ, къ величайшему моему удивленію, я замѣтилъ, что лейтенантъ особенно хлопоталъ въ святилищѣ. Сколько потомъ ни шумѣлъ арлекинъ своими каблуками, онъ уже не могъ мнѣ понравиться. Я потерялся въ глубокихъ размышленіяхъ, и послѣ этого открытія былъ и спокойнѣе и безпокойнѣе, нежели прежде. Когда я узналъ кое-что, мнѣ сей-часъ показалось, будто я ничего не знаю—и я былъ правъ: я не понималъ связи, а отъ нея все зависитъ!

— Дѣти, продолжалъ Вильгельмъ, въ порядочныхъ домахъ, имѣютъ почти такое-же чувство, какое бываетъ у мышей и крысъ: они внимательны ко всѣмъ щелямъ и скважинамъ, чрезъ которыя могутъ достигнуть запрещеннаго лакомства; они наслаждаются этимъ съ тайнымъ, сладостнымъ страхомъ, который составляетъ большую часть дѣтскаго счастья.

Я подмѣчалъ проворище всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ, не оставленъ-ли гдѣ нибудь ключъ. Чѣмъ сильнѣе было благоговѣніе, которое я питалъ въ своемъ сердцѣ къ замкнутымъ дверямъ, около которыхъ бродилъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, направляя на нихъ иногда украдкою взоръ, когда мать отворила для чего нибудь святилище, — тѣмъ скорѣе спѣшилъ воспользоваться мгновеніемъ, которое дарила мнѣ иногда невнимательность хозяйки.

Изъ всѣхъ дверей, какъ легко можно угадать, дверь столоваго чулана особенно привлекала къ себѣ мое вниманіе. Немногія, исполненныя мечтаній радости въ жизни могутъ сравняться съ моимъ чувствомъ, когда мать, бывало, позоветъ меня въ чуланъ помочь ей что-нибудь снести, и когда, благодаря ея добротѣ или своей хитрости, я получу нѣсколько ягодъ черносливу. Лежащая въ грудахъ сокровища, прелестью своею, попеременно занимали мое воображеніе; даже чудесный запахъ, издаваемый столь различными пряностями, имѣлъ на меня такое лакомое вліяніе, что я никогда не позабывалъ, если случилось приблизиться къ нимъ, напитаться хотя одною ихъ атмосферой. Этотъ ключъ остался однажды въ дверяхъ, когда маменька была занята съ гостями, а весь домъ покоился въ праздничномъ бездѣйствіи. Замѣтивъ это, я нѣсколько разъ медленно прошелся около стѣны взадъ и впередъ, наконецъ тихонько и осторожно толкнулъ дверь, она отворилась, и я вдругъ увидѣлъ себя вблизи столь долго ожидаемыхъ наслажденій. Быстрымъ, сомнительнымъ взглядомъ я осмотрѣлъ ящики, мѣшки, коробки, корзины, посуду, — все, что мнѣ надлежало выбрать и

взять съ собою; наконецъ схватилъ свой любимый черносливъ, запасся нѣсколькими сушеными яблоками, прибавивъ къ тому одну засахаренную померанцовую корку. Съ этой ношей я спѣшилъ въ обратный путь, какъ вдругъ моимъ глазамъ представились двѣ рядомъ лежащія коробки, и изъ одной, у которой была дурно закрыта крышка, вывѣсились проволоки, съ крючечками на верху. Въ предчувствіи бросился я на нихъ, и съ какимъ неземнымъ восторгомъ узналъ въ нихъ міръ моихъ героевъ и друзей, наложенныхъ другъ на друга. Я хотѣлъ поднять верхнихъ, рассмотреть, выгащить нижнихъ, но скоро перепуталъ тонкія проволоки, пришелъ въ безпокойство и оробѣлъ, а особенно, когда услышалъ шаги кухарки въ сосѣдней кухнѣ, такъ что скомкалъ все вмѣстѣ какъ могъ, закрылъ коробки и взялъ съ собою только лежавшую сверху книгу, на которой было написано: «Драма Давидъ и Гоіаѳъ.» Съ этою добычею, тихонько взобрался я на верхъ по лѣстницѣ, и спрятался въ одной изъ комнатъ верхняго этажа.

Съ этого времени всѣ тайные часы уединенія я посвящалъ безпрестанному чтенію моей пьесы, училъ ее наизусть и воображалъ, какъ было-бы хорошо, если-бы и я могъ оживить эти образы. Мысленно я былъ и Давидомъ и Гоіаѳомъ. Во всѣхъ углахъ, въ конюшнѣ, въ саду, при всѣхъ обстоятельствахъ, я основательно изучалъ пьесу, понималъ всѣ роли и выучилъ ихъ наизусть, занимался особенно главными героями, а прочихъ, какъ спутниковъ ихъ, предоставлялъ памяти. Такимъ образомъ, днемъ и ночью, въ умѣ моемъ повторялись величественныя рѣчи Давида, которыми онъ вызывалъ на бой непобѣдимаго Гоіаѳа; я часто бормоталъ ихъ про себя; никто не обращалъ на это вниманія, кромѣ отца; онъ не рѣдко замѣчалъ эти возгласы и внутренно выхвалялъ память мальчика, который удержалъ столь многое, слышавъ такъ мало.

Это меня ободряло. Однажды вечеромъ, я при матери произнесъ большую часть пьесы, приготовляя восковыя шарики, чтобы дѣлать изъ нихъ актеровъ. Она это замѣтила, пристально взглянула на меня, и я во всемъ признался.

По счастью эта откровенность была кстати: лейтенантъ самъ объявилъ желаніе открыть мнѣ свою тайну. Мать тотчасъ-же рассказала ему о неожиданномъ талантѣ своего сына. Лейтенантъ выпросилъ себѣ двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ, которыя обыкновенно были пусты. Одна изъ нихъ предназначалась для зрителей, другая для актеровъ; аван-сцена, какъ и прежде, была въ открытыхъ дверяхъ. Отецъ позволилъ своему другу все это устроить, а самъ смотрѣлъ сквозь пальцы; онъ скрывалъ отъ дѣтей свою любовь къ нимъ, изъ боязни избаловать ихъ, считалъ нужнымъ казаться серьезнымъ при ихъ забавахъ, чтобы они знали мѣру въ удовольствіяхъ.

II. БОЧАРОВЪ.

ГЕТЕ И ГРАФИНЯ ШТОЛЬБЕРГЪ.

(Окончаніе.)

14 Сентября.

«Сего-дня я спокоенъ, но змѣя все-таки не спитъ подъ травой.—Да, Августа, я предчувствую: вы спасете меня отъ тяжелой печали; кромѣ васъ, ни одна женщина въ мірѣ не можетъ спасти меня отъ нея. Благодарю за описаніе ваше всего, что окружаетъ васъ. О, еслибъ я имѣлъ хотя силуеть вашъ! За чѣмъ я не могу быть у васъ! Недавно я путешествовалъ; я печально проѣзжалъ черезъ Германію, не смотря ни направо, ни налѣво. Вдругъ я понесся къ Копенгагену; я пріѣхалъ, вошелъ въ вашу комнату, бросился къ ногамъ вашимъ и воскликнулъ, въ слезахъ: Августа, это ты!—Счастливей часъ! Все это, все, какъ я рассказываю вамъ, совершилось въ годовѣ моей и въ сердцѣ моемъ. То, что вы говорите мнѣ о Лили, весьма-справедливо. Къ-несчастью, чѣмъ болѣе удаляюсь я, тѣмъ тѣснѣе становятся магическія узы, привязывающія меня къ ней. Я не могу и не желаю сказать вамъ всего; то, что происходитъ, слишкомъ близко ко мнѣ; у меня нѣтъ воспоминаній. Ангелъ! слова письма вашего все еще звучатъ въ ухахъ моихъ, будто труба въ сердцѣ уснувшего воина. Молю Бога, что-бы глаза ваши сдѣлались для меня щитомъ Убальда и показали мнѣ всю глубину моего бѣдствія!—Но оставимъ это; проникнуть въ сердце человѣческое можетъ только одинъ огненный взоръ настоящаго.—Я расстаюсь съ вами и иду обѣдать.

«*Посль обѣда.*» Милыя слова твои не выходили у меня изъ ума и что-то такое говорило во мнѣ: не избытокъ-ли гордости—думать, что эта молодая дѣвушка знаетъ и любитъ тебя; да и ты самъ знаешь-ли ее хорошо и не лучше-ли она те-

бя, если не похожа на тебя?—Августа! Пусть молчаніе мое выскажетъ тебѣ то, чего нельзя высказать никакими словами.

«Доброй ночи, Августа! сегодня я хорошо провелъ время послѣ обѣда, а это вещь рѣдкая, вещь, тѣмъ болѣе рѣдкая, что я долженъ былъ занимать двухъ Принцессъ.—Доброй ночи!—Я намѣренъ послать тебѣ мой журналъ: это всего лучше. Сдѣлай тоже самое въ отношеніи ко мнѣ: я ненавижу письма, объясненія и пренія. Доброй ночи!—Вотъ уже въ третій разъ я расстаюсь съ тобою и снова возвращаюсь къ тебѣ; я поступаю точно такъ-же, какъ поступаютъ влюбленные, когда они берутъ свою шляпу только для того, что-бы снова сѣсть. О, еслибъ ты могла, только въ продолженіе одной недѣли, чувствовать трепеть моего сердца подлѣ твоей груди, могла поглощать взоръ мой въ твоемъ взорѣ! Все здѣшнее исчезаетъ, подобно молніи, и только ты одна можешь понять это.»

15.—Здравствуйте! Знаете-ли, что занимаетъ меня? Маска для бала, который будетъ во вторникъ.

«*Посль обѣда.* Я вышелъ изъ-за-стола и спѣшу сказать тебѣ, что вертѣлось у меня на умѣ, въ другой комнатѣ: я все думалъ тамъ о томъ, что никогда, ни одна женщина не была мнѣ такъ дорога, какъ Августа. — А мой костюмъ! Я выбралъ себѣ старинный нѣмецкій костюмъ: полукафтанье съ принадлежностями и шляпу съ приподнятымъ полемъ и съ перомъ; цвѣтъ червый и желтый. Какъ благодарю я небо за то, что оно сниспослало мнѣ, на два дня — если, впрочемъ, это только продолжится два дня — эту куклу!

«*Три часа съ половиною.* — Не удалось, какъ я и предчувствовалъ. Костюмъ мой не можетъ быть готовъ и Лили не ѣдетъ на балъ. Господи! какъ-бы я хотѣлъ явиться къ тебѣ такъ, какъ я есть. Все тотъ-же, и при этой переѣмѣ!»

16.—Всю ночь беспокоили меня сны, почти зловѣщіе. Даже когда я проснулся рано утромъ, мнѣ было не легко избавиться отъ ихъ вліянія; но, увидавъ солнце, я тотчасъ вскочилъ съ кровати и началъ прохаживаться по комнатѣ; я ласкалъ мое сердце такъ нѣжно, такъ нѣжно! Я почувствовалъ себя бодрѣе и убѣдился, что излечусь, что еще буду годенъ на что-нибудь! — Мужайся-же, Августа! — Мы можемъ быть счастливы не только въ вѣчности, но и здѣсь; и здѣсь еще я увижу Августу, эту единственную дѣвушку въ мірѣ, которой сердце истинно бьется въ груди моей.

«*Три часа съ половиною, по-полудни.* Утро истинно хоро-

шее. Я сдѣлалъ нѣчто для Лили; у ней были гости, и она, шалунья, втолкнула меня, выходя изъ за стола, въ кружокъ незнакомыхъ и знакомыхъ. Сю-же минутой ѣду въ Оффенбахъ для того, чтобы не встрѣтиться съ нею сегодня вечеромъ въ театрѣ, и завтра, въ концертѣ. Письмо мое я беру съ собою и буду продолжать тамъ.

«*Оффенбахъ, семь часовъ.* — Милая Августа! Я снова сижу передъ тѣмъ-же столомъ, на которомъ писалъ къ вамъ, передъ отъѣздомъ въ Швейцарію. Въ сосѣдней комнатѣ помѣщается молодая, только недѣлю тому назадъ обвѣнчанная чета, и до меня долетаютъ вздохи молодой женщины, которая изнемогаетъ на своей кровати, въ сладкомъ ожиданіи быть скоро матерью. Прости, на сегодня: теперь уже ночь и Майнъ блещетъ въ мрачныхъ берегахъ своихъ.

«*Оффенбахъ, воскресенье, десять часовъ вечера.* — Тягостный и печальный день! Вставая, я чувствовалъ себя хорошо. Я написалъ сцену для моего *Фауста*; потомъ убилъ два часа безъ всякой пользы, а послѣ того волочился за преоригинальною дѣвушкою, о которой, навѣрное, говорили тебѣ братья твои. Я съѣлъ за обѣдомъ, въ обществѣ, цѣлую дюжину маленькихъ птичекъ, и это вѣрно, какъ то, что ихъ создалъ Богъ; потомъ я катался по рѣкѣ, самъ управляя лодкою (я хочу выучиться править ею—во что-бы то ни-стало); потомъ два часа игралъ въ фараонъ, потомъ проболталъ также часа съ два, а теперь, за моимъ письменнымъ столомъ, желаю тебѣ доброй ночи. Но сколько было мукъ и безпокойствъ! Какъ передать тебѣ, что чувствовалъ я посреди этихъ развлеченій. Я не переставалъ страдать ни на минуту; я былъ похожъ на крысу, которая наблѣсь мышьяку: она бѣгаетъ изъ угла въ уголь, поглощаетъ все, что встрѣчаетъ влажнаго, пожираетъ все, что попадаетъ ей на глаза, а ее самое, между-тѣмъ, пожираетъ внутреннее пламя, неугасимый, смертоносный огонь*. И только одна недѣля прошла послѣ того,

* Онъ упоминаетъ выше о сценѣ изъ *Фауста*, только что имъ написанной; не была ли это сцена весельчаковъ въ погребокѣ, гдѣ эта идея высказана вполне, въ знаменитой пѣснѣ о крысѣ:

Sie fuhr herum, sie fuhr heraus
Und soff aus allen Pfützen,
Zernagt', zerkratzt' das ganze Haus,
Wollte nichts ihr Wüthen nützen,

какъ здѣсь была Лили, какъ я забывался, въ тотъ-же самый часъ, въ такомъ кризисѣ, котораго ужаснѣе, торжественнѣе и сладостнѣе не было во всей моей жизни! О, милая Августа, зачѣмъ я не могу сказать тебѣ ничего? Зачѣмъ? Я смотрѣлъ на луну и на мѣръ сквозь горячія слезы любви. Все окружающее меня имѣло душу. За то, послѣ этого кризиса, Августа, я сталъ молчаливъ, но не спокоенъ: молчаливъ, сколько я могу быть молчаливымъ.—Страншусь, чтобы во время дней мира, не собралась новая буря и чтобы.... Доброй ночи, ангелъ! единственная молодая дѣвушка, а я знаю ихъ столько!

«*Понедѣльникъ. 18 ч.* Меня ожидаетъ моя лодочка; мы спустимся по рѣкѣ. Чудное утро! Туманъ опустился: кругомъ все свѣжо и блестяще, — а я возвращаюсь въ городъ, снова къ моей бочкѣ Данаидъ! Прости!

«Свободно дышу я воздухомъ свѣжаго утра! Чувствую, милая Августа, что сердце мое, наконецъ, отверзается для истинной нѣги, для истиннаго страданія; что, рано или поздно, оно перестанетъ истиниться на волнахъ воображенія и безразсудной чувствительности, между небомъ и адомъ. Милая, ве-ди и ты для меня журналъ: только при помощи этого средства можно побѣдить разстояніе.

«*Понедѣльникъ, полночь, передъ столомъ моимъ.* — Возвращаюсь, чтобы пожелать тебѣ доброй ночи! Цѣлый день я блуждалъ и старался забытья. О, милая, что-же такое жизнь челоуѣка и зачѣмъ столько благъ у ногъ моихъ, столько любви окружаетъ меня?—Я видѣлъ Лили сегодня послѣ обѣда, я видѣлъ ее въ театрѣ, и не могъ сказать ей ни слова; мы не говорили другъ съ другомъ; о, еслибъ я былъ избавленъ отъ этой муки! И что-же, Августа: я трепещу при одной мысли, что она можетъ сдѣлаться равнодушною ко мнѣ. Въ ожиданіи я остаюсь вѣренъ моему сердцу и все предоставляю произволу.

«*Вторникъ, семь часовъ утра.*— Въ удовольствіяхъ и разсѣянности! Августа, я позволяю увлекать себя; я правду ру-

Sie taht gar manchen Aengstersprung,

Bald hatt, das arme Thier genug,

Als hatt' es Lieb' im Leibe.

Теперь вотъ вопросъ: прозу-ли любовника переложилъ поэтъ въ стихи, или любовникъ воспользовался вдохновеніемъ поэта для своей сентиментальной болтовни:

лемъ только для того, чтобы избѣгать мели, и, не смотря на-то, я не избѣжалъ ея. Я не могу вырваться изъ полъ ея вліянія. Сего-дня утромъ, вѣтеръ дуетъ въ моемъ сердцѣ съ ея стороны.—Однако, вопреки этому, я отираюсь на балъ, изъ любви къ одному милому существу; только отправляюсь просто, въ домино. Лили не будетъ тамъ.

« Три часа съ половиною послѣ обѣда. — Все таже самая жизнь, которую праздность влечетъ, сквозь тысячи безразсудствъ, къ домино и трайкамъ. Однако, мнѣ нужно сказать тебѣ еще очень-многое. Прости! Я бѣдный погибшій человекъ. »

« Восемь часовъ вечера. — Я только-что возвратился изъ театра и одѣлся на балъ. — О, когда я перечитываю письмо это, милая Августа! Какая жизнь! Упорствовать-ли мнѣ или кончить навсегда? Но, милая, когда я чувствую, что отъ сердца моего отдѣляется столько частей, когда я вижу, что конвульсивное состояніе, жертвою котораго было мое слабое существо, улучшается, что взглядъ мой проясняется, что отношенія мои къ людямъ становятся надежнѣе, крѣпче, обширнѣе, между-тѣмъ-какъ мое внутреннее существо уменьшается ни сколько, между-тѣмъ, какъ сердце мое все-таки остается въ святой власти любви, которая, духомъ чистоты, т. е., собою, подавляетъ все чуждое, о тогда, я готовъ уступить. — Быть можетъ я обманываюсь? Нужды нѣтъ, я благодарю Бога. Добрая ночи, прости! »

Нѣтъ никакого сомнѣнія: излеченіе, предвидѣнное издавна, обнаруживается на этотъ разъ совершенно явно. Вотъ, можно сказать, искусное пользованіе. Гете, — если это замѣчено, — не останавливается на продѣлкахъ, употребляемыхъ обыкновенными поэтами; онъ дѣйствуетъ на отръзъ, онъ прибѣгаетъ къ великимъ средствамъ. Разсыпанная жизнь, путешествія, волокитство и, порою, въ хорошія минуты, трудъ и наука! Да и свѣтскій человекъ, сроднившійся съ интригами, не отдался бы лучше. Въ этомъ прелестномъ романѣ есть противурѣчія, которыя восхищаютъ меня. Встрѣчали-ль вы когданибудь подобное соединеніе сентиментальной восторженности и говорливой поэзіи съ такою опытностію и съ такимъ разсудкомъ? Какъ онъ разсчитываетъ и предвидитъ все, какъ давно сохраняетъ разсудокъ его права свои даже посреди припадковъ бреда любви! Что-же значить это? Или поэтъ поступаетъ недобросовѣстно? Нѣтъ: въ его

мощной организаціи поэтъ и чловѣкъ слиты такимъ образомъ, что не только ни одинъ изъ нихъ не исключаетъ другаго, но даже каждый подаетъ другому руку помощи и служитъ для другаго необходимымъ дополненіемъ. И вотъ почему, въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, каково напримѣръ настоящее, онъ дѣйствуетъ, между-тѣмъ—какъ обыкновенный поэтъ только пѣлъ-бы тогда. Изъ слѣдующаго письма видно, что излеченіе его уже достигло своей послѣдней степени.

«Я провелъ ночь на балѣ, но протанцовалъ только два менуэта, потому-что занималъ одну любезную особу, которая нашлая. Что, если-бы я могъ рассказать тебѣ о моихъ новыхъ отношеніяхъ къ женщинамъ самымъ краткимъ, самымъ благороднымъ по душѣ? Нѣтъ, я не осмѣлился-бы, хотя-бъ и могъ, и притомъ ты не выдержишь. Я также палъ-бы, когда-бъ все сокрушилось вдругъ и когда-бъ природа, по своей расчетливой предусмотрительности, не надѣлала насъ ежедневно хоть маленькою частицею забвенія. Теперь восемь часовъ; я спалъ до часу, обѣдалъ, занялся кое-чѣмъ, одѣлся, представлялся Принцу Мейнингенскому, прогуливался, былъ въ театрѣ и сказалъ нѣсколько словъ Лици. Addio!

Это уже послѣднее письмо, въ которомъ упоминается имя Лици; онъ уже рѣшился отправиться въ Веймаръ, куда должна была взять его съ собою юная царственная чета, на возвратномъ пути изъ Карлсбада. Онъ самъ объясняетъ причины, которыя заставили его рѣшиться тогда на отъездъ. «Я былъ такъ обласканъ, говорить онъ въ своихъ запискахъ: ко мнѣ были такъ внимательны съ этой стороны, что я питалъ къ Ихъ Высочествамъ признательность, почти страстную. Привязанность къ Великому Герцогу, которую я почувствовалъ немедленно, мое глубокое, благоговѣйное уваженіе къ Принцессѣ, которую я зналъ съ давняго времени, — хотъ, впрочемъ, только по виду, — мое желаніе вступить въ дружескія отношенія съ Виландомъ, поступившимъ со мною столь благородно, и желаніе не предаваться болѣе беспорядкамъ, которые, въ отношеніи ко мнѣ, были частію произвольны, а частію происходили отъ обстоятельствъ, — все это составляло побужденія неодолимая, побужденія такого рода, что они могли дѣйствовать даже на моло-

даго человека съ свободнымъ сердцемъ. Но тогда я дошелъ до того, что мнѣ было необходимо бѣжать отъ Лили, — скрыться отъ нея или на югъ, гдѣ, по рассказамъ отца моего, красовались два самыя чудныя неба въ мирѣ—небо природы, и небо, искусство; или на сѣверь, куда влекло меня собраніе людей столь достойныхъ и знаменитыхъ.» Такъ-то угасла эта любовь; она нисколько не оправдала ожиданій свѣта, но создала для Гете кругъ дѣятельности, болѣе надежный и болѣе безопасный. Вообще нельзя отрицать, что эта наклонность Гете—находить себѣ опору въ вещественности не принесла большой пользы его твореніямъ; и безразсудно утверждать, какъ утверждали въ Германіи нѣкоторые критики неудачной реакціи, что, безъ этой наклонности, онъ былъ-бы еще болѣе великъ. Ей-то, напротивъ того, обязанъ онъ за точность своего ума, за осмотрительность (*mesure*) своихъ произведеній. Безъ нея, по его собственнымъ словамъ, онъ могъ-бы погибнуть. Достигъ-ли бы онъ только цѣли, женившись на Лили, или перешагнулъ за цѣль, — это не подлежитъ нашему суду. Какъ-бы то ни было, а эти привязанности постигла таже участь, которая постигаетъ столь многія другія привязанности: бури жизни сорвали эти нѣжные стебли и унесли ихъ съ родной земли. Лили, спустя нѣсколько времени, вышла, въ Страсбургъ, за-мужъ за Г. Туркгейма. Она умерла 6 мая 1815 года. Въ стихахъ Гете, я не нахожу — сколько ни стараюсь найти — никакого отголоска этой смерти. А казалось-бы, что въ числѣ стихотвореній, внушенныхъ ему существомъ, которое онъ столько любилъ или, по-крайней-мѣрѣ, въ любви къ которому увѣрялъ себя, была-бъ не лишнею хотя одна грустная дума, хотя одна слеза, посвященная памяти того-же самаго существа. Но Гете, какъ извѣстно, не зналъ *возвратныхъ* ощущеній; и притомъ въ ту пору, когда умерла Лили, всѣ сокровища его воображенія принадлежали Зюлейкѣ *Диана*.

Гете прибылъ въ Веймаръ въ ноябрѣ 1775 года. Здѣсь начинается для него новая жизнь; здѣсь его осыпають ласками, угожденіями и почестями; Карлъ-Августъ почти

вовсе не разстается съ нимъ; (*) онъ производитъ, какъ говорится, *фуроръ*: Новый Юпитеръ, онъ занимаетъ свой Олимпъ и, въ чадѣ непрерывныхъ похвалъ, которыми кадаютъ ему за столомъ у Великаго Герцога, превратившимся на ту пору въ пиршество боговъ, его прежнія ощущенія притупляются и исчезаютъ. Онъ забываетъ и Лили и Августу; онъ забываетъ все и даже самага-себя; онъ едва-едва находитъ время сронить, съ пера своего, между двумя чашами нектара, слѣдующія строки:

— Веймаръ, 11 февраля 1776 года.

«Какъ-бы хотѣлъ я, милая Августа, что-бы ты могла истолковать мое молчаніе! А я — я не могу сказать ничего, ничего!»

Кризисъ былъ силенъ. — Гете сдѣлался боленъ, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ написалъ эту записку, и едва не поплатился жизнью. Болѣзнь эта была, такъ сказать, ударомъ грома послѣ сильной бури; она измѣнила температуру, до того неровную, и породила тишину, спокойствіе, породила голубое, чистое небо, по которому облака могли уже только скользить мимолетомъ. Во время выздоровленія, онъ думаетъ о томъ, чтобы начать жить другимъ образомъ. Порядокъ и расчетливость должны замѣнить теперь всѣ превратности жизни молодого человѣка, преданнаго произволу житейскихъ бурь. Страсти теперь должны уступить въ его душѣ мѣсто любви къ покою и спокойнымъ связямъ. Право, весело видѣть, какъ онъ вдругъ зажилъ въ прелестной виллѣ, на берегу Ильма, за которую онъ былъ обязанъ дружбѣ Карла-Августа. Онъ самъ рисуетъ планъ своего сада;

* Вотъ отрывокъ изъ письма Виланда къ Мерку (отъ 26 января 1775 года), который можетъ дать понятіе объ этомъ *фалатисмѣ*: «Гете поселился здѣсь навсегда; Карлъ-Августъ не можетъ сдѣлать безъ него ни шагу. Дворъ, или, лучше сказать, связь Гете съ Великимъ Герцогомъ, отнимаютъ у Гете драгоценное время; впрочемъ и то сказать, этотъ дивный человѣкъ не терять ничего!»

онъ устроиваетъ свои дерновыя скамьи, для того, чтобы тамъ покой снизшелъ на его душу, а вечеромъ, сидя передъ своими дверьми, слушаетъ, какъ птички поютъ ему что-то такое. Мало-по-малу переписка его съ Графинею Августою оживляется снова, и въ тысячу мелочахъ, которыми такъ обилуетъ этотъ журналъ, вы уже видите человѣка счастливаго, человѣка нашедшаго путь тишины и мира.

«Здравствуй, Августа. Первая мысль моя, когда я покинулъ постелю, была о тебѣ. Утро прелестное, но свѣжее; солнце уже золотитъ луга мои.—Роса еще носится надъ водою. Милый ангелъ! За чѣмъ суждено намъ жить такъ далеко другъ отъ друга?—Иду на рѣку—взглянуть, нельзя-ли стрѣлять дикихъ утокъ.

«Около полудня. Я запоздалъ на охотѣ.—Я возвратился только сію минуту, подкарауливъ одну утку и теперь совершенно празденъ до завтра, однако прости.

«Четыре часа по-полудни. Я жду Вильда, его жену и дѣтей. Я много думаю сегодня о тебѣ.

«Семь часовъ вечера. Они сей-же часъ оставляютъ меня—и теперь все кончено. Благодареніе Богу! День, въ который я ничего не писалъ, ни о чемъ не думалъ и былъ подъ однимъ обаяніемъ чувствъ!»

Переписка эта продолжается нѣсколько времени въ томъ же тонѣ; Гете записываетъ каждое свое ощущеніе, каждое новое явленіе въ существованіи, къ которому онъ, такъ—сказать, прислушивался, будто къ ходу часовъ. Однако около той поры, когда онъ предпринялъ, вмѣстѣ съ Карломъ—Августомъ, свое второе путешествіе въ Швейцарію, отношенія его, до того совершенно идеальныя, докрылись тѣнью. Не совѣмъ приличный поступокъ Леопольда Штольберга съ великимъ Герцогомъ Веймарскимъ (Гете, въ отношеніи къ своему Великому Герцогу не любилъ шутить), породилъ у поэта, въ высшей степени щекотливаго, охлажденіе, которое перешло потомъ въ холодность. Переписка начала, мало-по-малу, замирать и, наконецъ, сношенія сдѣлались столь рѣдкими, что, послѣ путешествія, о которомъ говоримъ, почти вовсе не замѣтно слѣдовъ ихъ; нѣсколько строкъ въ 1778

году, потомъ еще нѣсколько строчекъ въ 1780, потомъ какой-то признакъ жизни въ 1782 году; а послѣ—совершенно ничего. Здѣсь прерываются отношенія Гете къ графинѣ Августѣ, и возобновляются уже сорокъ лѣтъ спустя. Но не будемъ предвѣщать событій и постараемся объяснить причины, разлучившія, въ лучшую пору жизни, эти двѣ великія души, которыя инстинктивно стремились другъ къ другу и которыхъ симпатіи, подавленные, но не исчезнувшія совершенно, должны были встрѣтиться еще разъ, и притомъ въ минуту весьма торжественную.

Относительно причинъ, упомянутыхъ нами, скажемъ, безъ дальнихъ изслѣдованій, что во-первыхъ тысячи новыхъ занятій, поглотившихъ вдругъ дѣятельность Гете, уже не позволяли ему забываться безпрестанно въ милой письменной болтовнѣ съ женщиною. Онъ едва могъ опомниться среди такого множества разнообразныхъ дѣлъ, которыя, безъ-сомнѣнія, не превышали средствъ его, но къ которымъ онъ вовсе не былъ приготовленъ своимъ образомъ жизни въ Франкфуртѣ. Какъ-бы то не было, а вмѣстѣ съ прекращеніемъ этой переписки, прервались всѣ связи, соединявшія его съ семействомъ Штольбергъ. Поступокъ Фредерика-Леопольда въ отношеніи къ Великому Герцогу Веймарскому слѣдств. какъ мы уже упомянули, источникомъ нерасположенія его къ двумъ братьямъ, изъ которыхъ Фредерикъ-Леопольдъ (младшій) былъ его любимцемъ. Великій Герцогъ, старавшійся тогда группировать вокругъ себя людей замѣчательныхъ, которые потомъ украсили его царствованіе, предложилъ Графу Леопольду вступить въ службу при его дворѣ. Леопольдъ, довольный местнымъ вниманіемъ Герцога, сначала было согласился; но потомъ, — Богъ знаетъ по какимъ представленіямъ стараго Клоштока, который будто-бы страшился, что пребываніе въ Веймарѣ будетъ вредно для его питомца, — вдругъ переѣхалъ мысли и даже не принялъ на себя труда придать своему отказу благовидную причину. Этого было довольно для Гете, неумолимаго въ отношеніи къ этикету (а здѣсь было болѣе, чѣмъ несоблюденіе правилъ этикета): онъ не простилъ ему никогда. Впрочемъ, отношенія, существовавшія между нимъ и брать-

ями Штольбергами, ни когда не были, — какъ, быть-можетъ, и замѣчено читателями, — слишкомъ сентиментальны. Ихъ, рожденныхъ на двухъ оконечностяхъ Германіи, сблизило между собою одно только умственное сродство. Въ этой кратковременной привязанности, въ этой связи, порожденной модою и желаніемъ удовольствія, вовсе не было того разсудительнаго уваженія, той привычки жить вмѣстѣ, которая служитъ основою истинной дружбѣ. Гете и Штольбергъ встрѣтились между собою, но не сблизились. Слѣдовательно, не трудно понять, почему Гете, потерявъ Штольберговъ изъ вида, помѣстилъ ихъ во второмъ планѣ своихъ воспоминаній, нѣсколько въ глубинѣ картины, на которой, въ первомъ планѣ былъ помѣщенъ молодой дворъ Веймарскій. Штольберги, съ своей стороны, поступили точно также. Когда Христіанъ получилъ мѣсто въ Трёмсбюттель, и когда Леопольдъ также занялъ должность, они оба простились съ мечтами юности. Между тѣмъ Графиня Августа продолжала жить семейною жизнью, и, доживъ лѣтъ почти до тридцати, вышла замужъ за Графа Андрея Петра Бернсдорфа, который прежде былъ женатъ на старшей сестрѣ ея и овдовѣлъ. — Въ 1788 году, Леопольдъ Штольбергъ лишился жены своей, послѣ супружества, продолжавшагося шесть лѣтъ. Смерть ея была причиною, что всѣ идеи его устремились къ набожности. Въ союзѣ съ этою благородною, превосходною женщиною, — женщиною, которую Леопольдъ боготворилъ, — онъ нашелъ было послѣ юности бурной и нѣсколько разгульной, миръ и тишину; но лишь только союзъ этотъ разорвался, безпокойный пылъ его природы пробудился, и, какъ это случается почти всегда, увлекъ его въ другой крайности. Идеи его приняли характеръ догматическій; онъ началъ отдавать предпочтеніе католицизму и, наконецъ, сдѣлался его послѣдователемъ и притомъ столь пламеннымъ, что взволновалъ всю Германію. Поведеніе это не понравилось всѣмъ друзьямъ его; они встрѣтили новыя наклонности бывшаго товарища своихъ удовольствій всевозможными сарказмами. Въ перепискѣ Гете съ Шиллеромъ и въ *Xenien*, небольшомъ сборникѣ сатиръ и острыхъ словъ, которыми они по-

ражали сообщая литературныя и другія странности того времени, я нашелъ не одинъ вѣдкій намекъ на это обстоятельство, не одну градину, упавшую на него изъ тучи эниграмматической. Гете, ненавидѣвшій мистицизмъ столь явно, не могъ не осудить въ душѣ всякую попытку въ этомъ отношеніи.

Однако онъ удался отъ ссоры, сколько могъ. Нѣсколько строчекъ, которыя почти не замѣтны въ массѣ его стихотвореній и бывають понятны единственно въ такомъ случаѣ, когда мысленно переносишься къ теологическимъ преніямъ той эпохи, доказываютъ только, до какой степени онъ не любилъ споровъ, поражающихъ несогласіе и вражду. Впрочемъ, онъ слѣдовалъ, въ этомъ отношеніи, своему обыкновенному правилу, которое состояло въ томъ, что онъ предоставлялъ другимъ дѣйствовать и говорить, а самъ молчаливо размышлялъ о происходившемъ. Онъ не любилъ принимать участія въ сильной полемикѣ, кака-бы она ни была—политическая, или теологическая. Тогда, также какъ и теперь, люди не апатическіе, журналисты, упрекали его за это равнодушіе, какъ за преступленіе; а онъ, который вѣрилъ только въ разумъ и искусство, онъ, улыбаясь, возвращался на подвигъ свой, къ своей дивной Альгамбрѣ, воздвигнутой имъ вдали отъ бурь земныхъ, и, между-тѣмъ, какъ другіе раздирали другъ друга, продолжалъ извѣщать, въ лавровыхъ и миртовыхъ роцахъ, кристальныя русла для тысячи каскадовъ своей фантазіи.

Фамилія Штольбергъ, колыбелью которой была Голштинія, слѣдовала строгому протестантскому ученію сѣвера Германіи; а потому понятно, какой ударъ нанесло ей торжественное обращеніе одного изъ членовъ ея къ католицизму. Однако, какъ ни тяжело было это испытаніе, фамилія Штольбергъ была болѣе огорчена, чѣмъ оскорблена поступкомъ Фредерика-Леопольда. Рассказываютъ даже, что одна изъ сестеръ сего послѣдняго, нѣжно его любившая, приняла-было, по его примѣру, католическое ученіе, но недѣли черезъ двѣ послѣ того, опять возвратилась къ своему прежнему исповѣданію. Въ то время наступила пора, въ которой, казалось, были гото-

вы воскреснуть религиозныя вражды. Старый Протестантизмъ, взволнованный многочисленными и торжественными отторженіями, приоднялъ главу для защиты, и чѣмъ чаще становились эти отторженія, тѣмъ жарче возставали противъ нихъ протестанты. Напрасно Гете пытался водворить миръ, восклицая, что путь спасенія не прегражденъ ни для кого: прекрасныя слова его, которыя мы вскорѣ снова встрѣтимъ въ послѣднемъ письмѣ его къ графинѣ Августѣ, не только не успокоили умы, но возбудили сильныя возраженія. Словомъ, направленіе было дано и, въ продолженіе нѣкотораго времени, религиозныя страсти безраздѣльно владычествовали надъ энтузіасмомъ, который, вскорѣ потомъ, воспамянило чувство народности. Въ этой ошибкѣ, Гете, разумѣется, былъ долженъ выдержать не одно нападеніе; наконецъ его неодолимое отвращеніе отъ участія въ преніяхъ подобнаго рода, его наружная холодность и ироническое равнодушіе навлекли на него гоненіе обѣихъ сторонъ. Вѣдѣствіе этого, онъ сдѣлался еще безстрастнѣе и показывалъ видъ, что будто не замѣчаетъ ничего, — иѣсколько подобно тому начальнику крѣпости на вершинѣ Юнгфрау, который преспокойно позволялъ бомбандировать эту крѣпость изъ долины, будучи увѣренъ, что гроза не донесется до него. Однако, не одна эпиграмма, имѣющая отношеніе къ этой эпохѣ и сброшенная имъ съ высоты своей, — подобно тому, какъ иногда, имѣя въ виду уже обезсѣннаго врага, еще, по-временамъ, обстрѣливаютъ его, — доказываетъ, что Гете глубоко понималъ вопросъ, хоть и не принималъ участія въ современныхъ ему страстяхъ.

Впрочемъ, надобно думать, что переходъ Штольберга къ католицизму былъ непріятель для Гете и даже огорчилъ его въ такой мѣрѣ, въ какой онъ могъ быть огорченъ, потому что Гете однажды измѣнилъ своему обыкновенному безстрастію. Разъ вечеромъ, въ одномъ обществѣ (въ Ленѣ), дамы спросили у него, что онъ думаетъ объ «Исторіи Церкви, Штольберга, живо занимавшей тогда важную Германію? Гете, до того веселый, при этомъ вопросѣ нахмурилъ брови и, наконецъ, отвѣчалъ, что надобно остерегаться подобныхъ книгъ, что онъ только

исказаютъ попятія и внушаютъ предубѣжденія, которыя, всего чаще, имѣютъ вліяніе на самыя простыя поступки, и что самъ онъ не терпитъ ихъ. Разказываютъ, что послѣ этой выходки, которая, казалось, стоила ему не мало, онъ становился все угрюмѣе и молчаливѣе, и во весь вечеръ ограничивался только односложными отвѣтами, хотя и находился въ обществѣ дамъ остроумныхъ и разговорчивыхъ.

Огорченіе, о которомъ говоримъ мы, пережило для него событія. Въ 1820 году, впечатлѣніе было еще столь сильно, что внушило ему, въ минуты думъ о быломъ, слѣдующія строки:

«Ссора между Фоссомъ и Штольбергомъ тронула меня живо и послужила поводомъ къ многимъ размышленіямъ.—Случается иногда въ свѣтѣ, что какіе-нибудь мужъ и жена, втайнѣ несогласные между собою, проживъ вмѣстѣ лѣтъ двадцать, вдругъ начинаютъ просить о разводѣ. Въ подобныхъ случаяхъ, всѣ и каждый восклицаютъ обыкновенно: «Какъ-же вы сносили такую участь такъ долго, и зачѣмъ не сносить ее до конца?» Но упрекъ этотъ несправедливъ въ высшей степени. Тотъ, кто принялъ на себя трудъ взвѣсить всю важность и все достоинство брака въ обществѣ, организованномъ нравственно, тотъ сознается, что разорвать подобныя узы весьма опасно, и предложить себѣ вопросъ: не лучше ли покориться своему жребію и быть равнодушнымъ къ огорченіямъ, которыя, болѣею частію, можно перенести,—чѣмъ ускорять развязкою, —всегда возможною, въ случаѣ послѣдней крайности?—Тоже самое должно сказать и о дружбѣ, начавшейся съ молодости. Связи эти, образующіяся въ первые счастливые дни, въ дни, исполненные надеждъ, бываютъ все-сильныя. Въ то время не видишь, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, никакого повода къ несогласію. Связь такого рода гораздо выше союза двухъ любовниковъ, потому-что она чиста и основывается на какомъ-либо желаніи, по удовлетвореніи котораго легко сдѣлать шагъ назадъ; и вотъ почему кажется невозможнымъ отказаться отъ привязанности, начавшейся въ молодости, —даже и въ такомъ случаѣ, когда начинаютъ обнаруживаться зловѣщія разногласія.

«Размышленія о положеніи Фосса относительно къ Штольбергу, бываешь невольно пораженъ рѣзкостью разницы между ними, разницы, при которой нельзя надѣяться ни на само-

малѣйшее равенство въ сношеніяхъ. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, ожидать, чтобы простолюдинъ, добрый, грубый и непричастный никакой котеріи, завелъ прочную связь съ двумя братьями, съ двумя молодыми патриціями, которые сдѣлались замѣтными въ студентскихъ кофейныхъ своею страстію къ пиршествованію, и за которыми тянется цѣлая вереница предковъ? Отношенія шатки съ той и другой стороны; Фоссъ и Штольберги были сближены между собою увлеченіемъ молодости и сердца да сходствомъ эстетическаго направленія, но ни то, ни другое не могло соединить ихъ навсегда, потому что общность поэзіи и мысли ровно ничего не значить передъ врожденными идиотизмами, передъ различіемъ въ образѣ жизни и званія.»

Но Фоссъ не замѣняетъ-ли здѣсь нѣсколько самого Гете? Не напоминаетъ-ли и эта дружба, начавшаяся въ молодости, и эти нравственныя противоположности, появившіяся послѣ, и это различіе въ званіи и состояніи, — не напоминаетъ-ли все это положеніе юноши Вольфганга Гете относительно къ графамъ Штольбергамъ, вслѣдъ за его первымъ путешествіемъ въ Швейцарію? Сходство обстоятельствъ замѣчательное тѣмъ болѣе, что приведенный отрывокъ имѣетъ весьма много общаго съ слѣдующимъ, который былъ написанъ за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ и въ которомъ Гете говоритъ о самомъ себѣ:

«Публичное обращеніе Штольберга къ католическому исповѣданію разорвало самыя прекрасныя связи. — Что же касается до меня, я не потерялъ ничего, потому что мои близкія отношенія къ нему измѣнились еще за долго до того; мѣсто ихъ заняло самое обыкновенное расположеніе. Я рано почувствовалъ къ нему одну изъ тѣхъ искреннихъ привязанностей, которыя внушаютъ люди, заслуживающіе уваженіе, любящіе и достойные любви; но я вскорѣ замѣтилъ, что онъ никогда не сумѣетъ найти опоры въ самомъ себѣ, и, наконецъ убѣдился, что онъ искалъ своего спокойствія и своего спасенія внѣ круга моея дѣятельности. А потому обращеніе его ни сколько не изумило меня: съ давняго времени я смотрѣлъ на него, какъ на истиннаго католика, и онъ дѣйствительно былъ католикомъ по своимъ идеямъ, по своимъ поступкамъ, по своимъ связямъ. Такимъ образомъ, я враніе спокойно предвидѣлъ бурю, которая долженствовала произойти отъ проявленія нашего тайнаго несогласія.»

Что же касается до графини Августы, то онъ сохранилъ о ней, до самой смерти, воспоминаніе, которое было исполнено уваженія, но къ которому не могло не присоединяться болѣе и болѣе огорченія, по мѣрѣ того, какъ старѣлся Гете, потому что оно было слишкомъ тѣсно связано съ нѣкоторыми обстоятельствами его молодости. А она, съ своей стороны, не измѣнила своей привязанности. Она принадлежала къ числу тѣхъ благочестивыхъ существъ, для которыхъ первое чувство остается священнымъ даже и въ такомъ случаѣ, когда другое направленіе ихъ удаляетъ въ послѣдствіи отъ друга прежнихъ дней. Мы уже видѣли Августу молодою, рѣзвою дѣвушкою, милымъ ребенкомъ, которое внушаетъ, вовсе не желая того, страсть чисто-идеальную, и весело, безъ безразсуднаго увлеченія, безъ притворной скромности, но какъ дѣвушка умная и съ душою, принимаетъ дань этой страсти; теперь я желалъ бы показать вамъ графиню, какъ женщину строгихъ правилъ, какъ Пуританку, преданную религиознымъ заботамъ. Но вотъ нѣсколько отрывковъ изъ письма г. Бинцера, (бывшаго, въ послѣдствіи, по волѣ графини, хранителемъ переписки ея съ Гете), которые гораздо лучше насъ обрисуютъ черты этой благородной женщины, ласковой и улыбающейся, не смотря на чрезмѣрную строгость своихъ правилъ:

«Я вчера провелъ вечеръ у старой Графини Бернсторфъ (Жиль, 28 Мая 1830 года). Право, я не могу видѣть этой женщины, не чувствуя къ ней глубокаго уваженія. Какое благородство и какое достоинство видно на этомъ лицѣ, которое, конечно, увяло отъ вліянія времени, но у котораго время никогда не похититъ его высокаго выраженія! Сколько благосклонности и какую покорность судьбѣ выражаетъ это чело, увѣчанное густыми, серебристыми локонами! Графиня не велика ростомъ; за то какъ величава ея осанка! По всего болѣе восхищаютъ меня ея простота, ея ангельская кротость. Не могу высказать, какъ глубоко симпатизирую я этимъ нѣжно благочестивымъ душамъ, которыя, подъ покровомъ наружной терпимости, таятъ непоколебимыя убѣжденія, душамъ, которыя скорѣе усумнятся въ возрожденіи цвѣтовъ весною, чѣмъ въ послѣднемъ воскресеніи, и которыя, не допуская нашихъ утонченныхъ подраздѣленій,

дѣлать все только на двѣ рѣзкія категоріи — на хорошее и дурное, на честное и безчестное. — Онѣ не осуждаютъ всего и всѣхъ, но стараются обратить каждаго на путь истинный: поставить другому тотъ міръ, которымъ онѣ наслаждаются сами, — для нихъ святой долгъ. Онѣ не падаютъ ни подъ однимъ несчастіемъ, ни отъ одной утраты. То, въ чемъ свѣтъ отказывается имъ здѣсь, онѣ надѣются найти въ другомъ мірѣ, и за роковыми вратами гроба видятъ Божественное царство, исполненное радостей безконечныхъ, царство, къ которому путь не прегражденъ ни для кого и въ которое онѣ желали-бы увлечь всѣхъ и каждаго вмѣстѣ съ собою. У старой Графини, въ манерѣ выразиться есть какая-то торжественность, которую бываешь готовъ иногда принять за педантизмъ; но ея удивительная скромность, ея тщательное стараніе избѣгать всякой неумѣстной живости составляютъ особенности столь важныя, что я не могу умолчать о нихъ, рисуя портретъ Графини. — Я всегда буду имѣть передъ глазами ея прекрасные волосы, посеребренные временемъ, и ея благородное чело, которое, кажется, уже не доступно для земныхъ ощущеній....»

Теперь понятно, что этой женщинѣ, столь пламенной въ дружбѣ и столь пламенно-преданной протестантизму, женщинѣ, которая, сквозь призму своихъ строгихъ, пуританскихъ вѣрованій, слѣдила за каждымъ шагомъ, умственного развитія Гете, было суждено испытать горькое разочарованіе. Стоить только прочесть творенія Гете, чтобы видѣть, сколько безпокойствъ, сколько мукъ должно было породить направленіе ихъ въ душу благочестивой, ищущей единственно своего спасенія въ вѣчности.... Августа трепетала за Гете. Двадцать разъ пыталась она отвлечь его отъ края бездны, сказать ему одно изъ тѣхъ словъ, которыя некогда слышалъ Саулъ, на пути въ Дамаскъ; но ее всегда удерживалъ какой-то ложный стыдъ, какой-то страхъ, что поступокъ ея будетъ истолкованъ въ дурную сторону. Однако, наконецъ, страхъ ея увеличивается еще болѣе; ей приходитъ на мысль, что совѣсть грозно потребуетъ у ней отчета, если слово спасенія придетъ поздно, и она пишетъ къ Гете слѣдующее письмо:

Бордестольмъ, 15 Октября 1822 года.

«Узнаете ли вы, если я не назову себя, знакомое проше-

дое, и голосъ, который никогда былъ столько милъ вамъ? Знайте-же: къ вамъ пишетъ Августа, сестра двухъ Штольберговъ, столь нѣжно любимыхъ, столь горестно оплаканныхъ. О, для чего не могутъ они покинуть доно мира, покинуть мѣръ, гдѣ созерцаютъ они Того, въ Котораго не представляли вѣрить на землѣ, и, вмѣстѣ со мною, сказать вамъ: «Обратитесь, наконецъ, къ Тому, Кого найти столь легко; увѣруйте въ Того, въ бытіе Котораго мы вѣровали всю жизнь нашу.» И они, избранные, присовокупили-бы къ этому: «и Котораго мы созерцаемъ нынѣ», а я, я говорю при томъ: Того, Который есть жизнь моей жизни, свѣтъ моихъ мрачныхъ дней, Того, Кто былъ для всѣхъ насъ троиухъ путеводемъ, истинною, жизнію, владыкою и Господомъ!—Но вотъ что еще сказали-бы вамъ братья мои,—не разъ высказывавшіе подобное желаніе предо мною: — «Насладись и ты, другъ юности нашей, тѣми благами, которые были удыломъ нашимъ и на землѣ; благами надежды, вѣры и любви!» А къ этому они, избранныки, присовокупили-бы: «и ты достигнешь знанія и вѣчнаго мира» — что, же касается до меня, я живу только надеждою на ту будущность, — богатною надеждою, которая стала для меня совершенною увѣренностію. — Недавно, я перечитывала всѣ ваши письма, «the songs of other times»; арфа Сельмы снова звучала предъ ушами моими: расположеніе ваше къ молоденькой Штольбергъ воскресло для меня.... Я тоже любила васъ всею душою.... Нѣтъ, не погибнуть должно все это, а жить въ вѣчности; наша дружба, цвѣтъ юности нашей, принесетъ плоды въ вѣчности. Я нѣрѣдко думала объ этомъ прежде, и эта-же мысль пришла мнѣ, когда перечитывала я послѣднее письмо ваше. Въ одномъ изъ писемъ вашихъ, вы просили меня *спасти васъ*: теперь, — хотя мнѣ неизвѣстно, какъ слабы собственныя мои силы, — я умоляю васъ, отъ простоты души: спаситесь сами. Не правда-ли, что вашъ тогдашній вопросъ даетъ мнѣ нѣкоторое право на мои теперешній? Умоляю васъ, услышите въ словахъ моихъ голосъ братьевъ моихъ, столь нѣжно любившихъ васъ, и отзовитесь на давнишнее, задушевное желаніе, которое я давно хотѣла передать вамъ: О, Гете, милый Гете, откажитесь отъ всего что есть въ мѣрѣ мѣлаго, тщеславнаго, ничтожнаго, и обратитесь къ Предвѣчному взорами и душею! Много вамъ было дано, много вѣрено: за то какъ тяжело было мнѣ видѣть, что вы вредите другимъ вашими сочиненіями! — О, возвратитесь къ добру: покамѣстъ не поздно; молитѣ о помощи свыше и она будетъ ниспослана вамъ: это несомнѣнно, какъ

то, что есть Господь. Мнѣ казалось, что я не умру спокойно, если не перелью души моей въ душу того, кто былъ другомъ моей юности, и теперь я думаю, что засну спокойно въ мой послѣдній часъ.— Голову мою убили, прежде времени, не года одинъ, но и тяжкія, невыразимыя страданія; однако, не смотря на то, никогда, ни на минуту не поколебалось мое упованіе на Господа, моя пламенная любовь къ Спасителю моему.— При каждомъ бѣдствіи поражавшемъ меня, въ глубинѣ души моей слышался голосъ. Богъ все творить къ лучшему.— Господь юности моей остался Господомъ преклонныхъ дней моихъ.— Въ прежнее время, когда мы переписывались другъ съ другомъ, я была счастливѣйшимъ существомъ на землѣ!— Я была богата родными, меня обожали лучшіе изъ братьевъ и, въ послѣдствіи, я сдѣлалась нѣжно-любимою не другою супругою, избраннаго моимъ сердцемъ.... Но, увы, какія тяжкія испытанія ожидали меня! Я лишилась единственнаго дитяти, которому жизнь была дана мною, мальчика лѣтъ четырехъ, моей любви, моей материнской гордости! Но могу-ли я сказать, что лишилась его?... Онъ былъ взятъ на небеса; какъ-же могла я считать утратою, что было для него благомъ, и я, въ избыткѣ скорби, благодарила Господа.— Послѣ того, я лишилась мужа; о, то былъ ударъ страшный, то была скорбь, съ которой нельзя ничего сравнить.... Но у меня оставались еще братья, мои благородные братья, любимые вышнѣ всякаго выраженія... И что-же? потокъ умчалъ у меня младшаго и окружилъ еще юное бытіе старшаго. Эта тяжкая утрата послѣдовала за утратою мужа такъ скоро, что я, какъ-будто, овдовѣла во второй разъ. Но, въ отчаяніи моемъ, я благословляла Господа, который возвратитъ мнѣ, въ Царствѣ Своемъ, и братьевъ, и супруга, и друзей, и дитя... О, Гете, милый Гете, поступите такъ, чтобъ я унесла съ собою надежду найти и васъ тамъ. Умоляю васъ еще разъ: не отриньте той, которую нѣкогда называли вы другомъ, сестрою—умоляю васъ почувствуйте, какъ благъ и милосердъ Господь и какаа радость ожидаетъ уповающихъ на Него.

«Я желаю, чтобы это осталось между нами.— Будете-ли вы отвѣчать мнѣ? Я очень хотѣла-бы знать, гдѣ вы теперь и что вы дѣлаете. Я живу, большею частию, уединенно, въ деревнѣ. Вмѣстѣ со мною живетъ племянница,—дочь младшаго изъ братьевъ моихъ. Ей тринадцать лѣтъ; она—любовь моя и мое счастье, Подаю вамъ руку: воспоминаніе о васъ никогда не умирало въ душѣ моей, и участіе мое къ вамъ

не измѣнилось ни сколько. Молю и, покажѣтъ буду жива, не перестану молить Бога о вашемъ истинномъ счастьи; да ниспошлетъ Небо, чтобы душа ваша соединилась съ моею! Мой Спаситель есть и вашъ Спаситель: вѣѣ Его, нѣтъ ни спасенія, ни счастья. Помните-ли вы еще обо мнѣ? Прошу васъ, напишите мнѣ хоть нѣсколько словъ.»

За этимъ слѣдуетъ приписка:

«Однажды, не писавъ ко мнѣ нѣсколько времени, вы просили меня, въ письмѣ, возобновить нить нашей дружбы; вы говорили при томъ, что только одна женщина можетъ сдѣлать это. Ну, вотъ: теперь возобновлена эта нить... О, Господи! Да продлится она и въ вѣчности!—Прощайте.»

Вотъ что отвѣчалъ на это Гете:

«Получивъ столь пріятное доказательство памяти обо мнѣ прежней подруги моего сердца, которой черты никогда не видали глаза мои, я былъ тронуть глубоко; но, не смотря на-то, я нахожусь въ нерѣшимости, я не знаю, что должно отвѣчать мнѣ. Впрочемъ, такъ-какъ взаимныя особенности наши не извѣстны намъ, то позвольте мнѣ не выходить изъ общностей.»

«Жить долго, значить пережить многое, пережить друзей, враговъ, равнодушіе, царства, города, даже лѣса, даже деревья, посаженныя въ дѣтствѣ нами самими. Мы переживаемъ самихъ себя и, съ благодарностію, восхищаемся самонамалѣйшими способностями тѣла и души, нами сохраняемыми. Всѣ эти преходящія блага плѣняютъ насъ; но если хоть нѣсколько мы не забываемъ о вѣчности, полетъ времени не страшень намъ. Намѣренія мои, въ-отношеніи къ себѣ самому и къ другимъ, были всегда чисты, и при каждомъ моемъ поступкѣ, я не преставалъ обращать взоръ мой въ горняя. Вы и ваши поступали точно также. Будемъ-же продолжать поступать такимъ образомъ покажѣтъ сіяетъ намъ свѣтъ; для другихъ также взойдетъ солнце; для нихъ тоже настанетъ день, въ который они появятся и будутъ, въ свою очередь, освѣщать насъ.»

«Вѣрьте мнѣ: относительно будущности мы не должны безпокоиться. Въ царство Отца нашего путь не прегражденъ ни для кого, и Онъ, который ниспосылаетъ намъ столько благъ на землѣ, Онъ, безъ сомнѣнія, ниспошлетъ намъ блага и тамъ. Быть-можетъ, тамъ будетъ суждено намъ то, въ чемъ было отказано здѣсь: суждено увидать другъ друга лицомъ къ лицу и, слѣдовательно, любить другъ друга еще сильнѣе. Помните обо мнѣ, въ полномъ упованіи.»

«Все предыдущее было написано вскорѣ по полученіи вашего милаго письма, но я не посмѣлъ отправить къ вамъ этого, припомнивъ, что нѣкогда я оскорбилъ, подобными-же словами, неумышленно, невольно, вашихъ благородныхъ и достойныхъ братьевъ. Однако, такъ-какъ я возвращаюсь теперь къ жизни, послѣ тяжкой болѣзни, то посылаю къ вамъ письмо мое: пусть оно возвѣститъ вамъ, что Всемогущій ниспослалъ мнѣ новую возможность созерцать свѣтъ Его божественнаго солища. Желая, отъ всего сердца, чтобы вы были счастливы и вспоминали обо мнѣ съ нѣжностію, между-тѣмъ, какъ я, съ своей стороны, никогда не забуду время, въ которое дѣйствовало еще соединенно то, что должно было раздѣлиться въ послѣдствіи.

Да воскреснетъ все въ лонѣ вселюбящаго Отца!

Истинно вамъ преданный

Г Е Т Е .

Веймаръ, 17 апрѣля 1825 года.

Отвѣтъ этотъ, безъ сомнѣнія, составляетъ благородную дань отношеніямъ Гете къ графинѣ Августѣ. Впрочемъ и письмо графини требовало подобнаго отвѣта. Не-знаю, быть можетъ я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ этой бесѣдѣ предъ вратами гроба есть и величіе и торжественность. Это значитъ кончить достойнымъ образомъ. Связь такого рода, — связь чисто идеальная, которая, начавшись на разсвѣтѣ утра поэтическаго и пылаго, будто исчезаетъ около полудня, а потомъ появляется снова на рубежѣ вѣчности, тихая и спокойная, — невольно напоминаетъ кипучія воды, которыя вскорѣ по истокѣ своемъ исчезаютъ изъ вида, а потомъ, уже превратясь въ могущественныя рѣки, сходятся у моря, которое должно поглотить ихъ.

К В И Т Ъ.

случай.

Вы читали Фонтенелля?—Нѣтъ?—Я очень радъ. Анекдотъ, который вамъ приходится читать, очень-похожъ на одно изъ произшествій, рассказанныхъ краснорѣчивѣйшимъ философомъ гостинныхъ. Это случилось очень-давно, такъ-что ни мы, ни отцы наши не запомнятъ, въ небольшомъ германскомъ городкѣ, на границахъ старой Польши. По обстоятельствамъ политическимъ въ этомъ едва-примѣтномъ уголкѣ Германіи всегда вертѣлось нѣскольکو человекъ Французовъ. Тутъ былъ и аббатикъ краснощекій, и капитанъ старой королевской гвардіи, и комиссіонеръ парижскаго банкира, и дипломатъ третьей руки, и жидковъ французскихъ двѣ-три пары; всѣ эти гости, за исключеніемъ капитана, объ чемъ-то хлопотали, суетились, перешептывались, переписывались, съ кѣмъ и съ какими мѣстами—не извѣстно. Одинъ капитанъ Рене де-Барзакъ хлопоталъ только о своемъ гардеробѣ и духахъ, которые, на его несчастіе, испортились не только въ его походномъ туалетѣ, но даже въ цѣломъ городѣ. И это несчастіе, по мнѣнію всего общества, произошло по милости капитана, но капитанъ рѣшительно утверждалъ, что все это случилось по милости г-жи Каублицъ, жены тамошняго президента. М-г де-Барзакъ долженъ былъ посѣщать президентшу по утрамъ очень-рано, просиживать по два, по три часа при ея туалетѣ, нести при этомъ службу вазы съ цвѣтами, къ обѣду являться ежедневно, сидѣть возлѣ хозяйки; проводить съ нею все предвечерье, уходить домой и

опять возвращаться на весь вечеръ. На службу свою капитанъ ни мало не жаловался: привыкнувъ къ военному порядку и дисциплинѣ, онъ несъ свою службу безропотно, охотно, и по беззаботному его веселію, можно было полагать навѣрное, что онъ оставался доволенъ. Но этого нельзя было сказать о старомъ драгунѣ, который въ одномъ лицѣ представлялъ всю компанію лакея, кучера и повара капитана. Раздѣваль-ли онъ Барзака, одѣваль-ли—ворчалъ безъ умолку. Капитанъ, обыкновенно вспыльчивый, даже съ дурными замашками, слушалъ своего Жака точно также, какъ нынче читаютъ книги—пятое черезъ десятое; поутру уходилъ посиѣшно изъ дому, вечеромъ ложился проворнѣе въ постель, закрывалъ открытое ухо одѣяломъ—и засыпалъ мгновенно....

— Пстой-же! сказалъ Жакъ: слова не пули. Видно плохо мѣчу... Да ужъ какъ вамъ угодно, капитанъ, выведу я васъ изъ терпѣнія, заставлю браниться, драться. Волей-неволей, выслушаете.

Въ одинъ прекрасный вечеръ капитанъ вернулся раньше обыкновеннаго, и въ самомъ адскомъ расположеніи духа. Было уже темно, но свѣчи во всей квартирѣ ни одной, — хоть глазъ выколи.

— Жакъ! Подай свѣчу! сказалъ капитанъ, входя въ свою крохотную гостинную.

— Свѣчу? спросилъ Жакъ, запинаясь.

— Ну да, свѣчу!

— Какую свѣчу?

— Что ты пьянъ, Жакъ?...

— Нѣтъ еще!

— Такъ подай-же свѣчу, а потомъ хоть къ чорту....

— И первое и послѣднее неудобно...!

— Да подашь-ли ты свѣчу, старый болванъ...

— Забираетъ, забираетъ... подумалъ Жакъ и продолжалъ прежнимъ сварливымъ голосомъ: Я самъ свѣчей не дѣлаю, а жида не даютъ даромъ.

— Свѣчу или смерти! закричалъ капитанъ такимъ голосомъ, что и Жакъ и окна по сочувствію задрожали. Но такъ—какъ Барзакъ приближался, подобно льву, не къ ок-

намъ, а къ Жаку, — то свѣдущій въ военномъ ремеслѣ драгунъ началъ отступать, и какъ опытный полководецъ, пользуясь темнотою осенняго вечера, съ безпримѣрнымъ искусствомъ совершилъ ретирату въ квартиру жида хозяина, по праву войны, вооружился свѣчей шабашевой и, въ свою очередь, заставилъ отступить капитана даже до самой спальни....

— Жакъ! Не совѣтую шутить со мною, когда дѣло идетъ о чести....

— Дуэль!

— Хуже!

— Самоубійство....

— Еще хуже....

— Чортъ возьми! Да говорите поскорѣе, у меня голова лопнетъ.

— Двѣ тысячи талеровъ....

— Проиграли!...

— Надо заплатить завтра....

— Ну, какъ вамъ не стыдно дѣлать долги на такой короткой срокъ. По думайте, три дня тому назадъ мы, т. е. я, размѣняли послѣдній лундоръ, о чемъ я вамъ докладывалъ шесть разъ, каждый день по-утру и ввечеру по разу. Г. де Барзакъ конечно примѣрный отецъ. Я его коротко знаю, да вѣдь на такое мотовство, я хотѣлъ сказать, на такіе расходы никакой банкиръ не напасется. Вѣдь если сосчитать, сколько мы убили тутъ денегъ въ три мѣсяца, каменный домъ можно выстроить....

— Да развѣ она виновата, что этотъ старый скряга до такой степени скупъ и жаденъ, что отказываетъ ей въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ....

— Такъ вы проиграли всѣ наши деньги женщинѣ?

— И какой женщинѣ! О, я отдалъ-бы все мое состояніе, себя, тебѣ....

— Покорно благодарю!

— Все, все... за одну минуту... Но Жакъ, помни, что нескромность снимаетъ съ плечъ головы....

— Да неужели эта женщина не можетъ обождать?....

— Не можетъ! завтра балъ, а ожерелье заторговано....

— Помилуйте! Какъ-же впередъ заторговано на вышгрышныя деньги!... О стыдъ! Васъ обиграли навѣрное!...

— Двѣ тысячи талеровъ, Жакъ, двѣ тысячи талеровъ! Не повторяй своихъ глупыхъ возраженій, ступай, бѣгай всю ночь, завтра къ туалету достань мнѣ у жидовъ двѣ тысячи талеровъ. Я далъ слово....

— Къ вашему туалету?»

— Пошелъ, ищи!... И Жакъ долженъ былъ опять ретироваться къ своему хозяину....

Уже свѣтало. Капитанъ ходилъ взадъ и впередъ по спальнѣ. Жакъ не возвращался. Разсвѣло. Горожане проснулись: поднялась по улицамъ ежедневная суматоха. Жакъ не возвращался. Часы будто нарочно сѣѣшили. Пришелъ наконецъ и Жакъ съ пустыми руками, но съ полезнымъ совѣтомъ. За совѣтъ получили онъ звонкую награду. Не успѣлъ онъ оглянуться, капитана уже не было въ спальнѣ. Жакъ не зналъ на что рѣшиться, жаловаться-ли на обиду жиду хозяину, то есть подѣлиться-ли съ нимъ пощечиной, или сохранить ее для себя въ цѣлости и въ тайнѣ.

Послѣ многихъ размышленій, Жакъ наконецъ разсудилъ не задерживать пощечины, передать ее жиду, для облегченія собственной скорби, но будто отъ себя, не открывая тайны ея произхожденія. Съ этимъ намѣреніемъ онъ отправился къ хозяину, но, къ особенному огорченію, не нашелъ его дома; жидъ стоялъ на улицѣ и принималъ въ заѣздный свой домъ какого-то богатаго и значительнаго гостя. То былъ польскій графъ. По случаю выборовъ, не благопріятствовавшихъ его видамъ, онъ оставилъ отечество, со всеми своими сокровищами и драгоцѣнностями. Все это помѣщалось въ двухъ каретахъ и четырехъ большихъ брикахъ, изъ коихъ каждая походила на корчму, въ зимнее время. Жидъ ожидалъ, что изъ этого множества экипажей выйдетъ нѣсколько семействъ, но къ особенному удивленію своему и другихъ жидовъ факторовъ, толпою тѣснившихся у каретныхъ дверецъ, изъ кареты вышелъ молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти-шести, пріятной наружности; изъ другой

кареты вышолзъ заспанный старикъ въ кунтушъ, кон-
федераткѣ и при саблѣ; изъ брикъ огромные драбанты
числомъ до дюжины. Старикъ заперъ на ключъ обѣ кар-
реты, разставилъ караулы и пошелъ за графомъ въ квар-
тиру, которая дверью въ спальнѣ примыкала къ спальнѣ
капитана.

Прошло нѣсколько дней; жидъ не могъ нарадоваться но-
вымъ гостямъ. Графъ пріѣхалъ на своихъ лошадяхъ;
онъ съ трудомъ мѣстились въ конюшняхъ жидовскихъ;
двѣ верховыя стояли въ комнатѣ, куда жидъ обыкно-
венно ставилъ проѣзжихъ чиновниковъ, имѣвшихъ пра-
во на бесплатный постой. Богатство и намѣреніе графа
остаться въ этомъ городкѣ до совершеннаго окончанія
выборовъ произвели во всѣхъ классахъ жителей не обы-
кновенную тревогу; мужчины придумывали на-счетъ бо-
гатствъ, а женщины на-счетъ красоты графа разными
спекуляціи; парижскіе гости были въ отчаяніи: они пред-
видѣли неминуемое отпаденіе городскихъ женщинъ отъ
любви, которая до того казалась имъ довольно прочною;
аббатикъ злословилъ графа, комиссіонеръ банкира увѣ-
рялъ, что всѣ эти брички привезли награбленное богат-
ство; одни безпокоились на-счетъ вѣрности своихъ женъ;
дамы сгарали нетерпѣніемъ; во всемъ городѣ только одинъ
капитанъ и одна президентша Аврелія Каублицъ остава-
лись покойными зрителями всеобщаго волненія; блажен-
ство любви сіяло въ очахъ и Рене и Аврелии; когда го-
сти собрались къ президенту на вечеръ и вели шумный
разговоръ о пріѣзжемъ, Аврелія подъ-шумокъ наклони-
лась къ Рене, такъ-что локонъ ея будто не-нарокомъ
ударился въ горящія уста и, отбѣгая, унесъ тихій воз-
душный поцѣлуй.

— Балъ отложенъ, Рене! сказала Аврелія шопотомъ,
но я, по вашей милости, совершенно спокойна; жидъ
уѣхалъ. Наши дамы торговались; мужья скупились; оста-
лись безъ бриліантовъ, безъ клейнодовъ, а я... Ахъ,
Рене! Вы должны простить женскому легкомыслію и при-
вычкѣ. Я выросла въ роскоши, въ домѣ графини Т. —
Старый графъ любилъ меня какъ дочь; все было къ мо-
имъ услугамъ, и вдругъ меня выдали за это чучело, за

этого скрагу, который на булавки даетъ мнѣ въ годъ по сту гульденовъ.... По неволѣ приходится обманывать и его и нашу публику. Онъ думаетъ, что всѣ новости моего туалета я вымѣниваю на драгоценныя платья и галантерейныя вещи моего приданого; и опять мѣняю, и опять....

— Вы любите мѣнять?...

— Платья, кольца, серги.... Ребячество!

Аврелия задумалась. Какой-то странный необъяснимаго значенія взоръ вырвался изъ яркихъ блистательныхъ очей г-жи Каублицъ. Она вздохнула, но такъ тихо, что этотъ вздохъ можно сравнить только съ утреннимъ движеніемъ лепестковъ розы, когда она распускается. И опять улыбка расцвѣла на этомъ душистомъ бархатномъ лицѣ, полномъ и румяномъ какъ сѣмьей персикъ; красота г-жи Каублицъ по-истинѣ была ослѣпительна; прелесть лицеочертанія отгѣняли черныя какъ смоль волосы, а жизнь по всѣмъ чертамъ обильно разливали черныя яркіе глаза самаго сильнаго блеска. Краснощекій аббатикъ уже выдержалъ за нихъ неприятную дуэль; капитанъ подрубилъ ему руку, и только невыгодный опытъ заставилъ аббатика временно отказаться отъ своихъ притязаній, которыя, неизвѣстно почему, онъ считалъ своимъ не сомнительнымъ правомъ. Одно его беспокоило: дуэль сдѣлала его смѣшнымъ въ глазахъ Аврелии, а это чувство всего труднѣе побѣдить въ женщинѣ. Пусть васъ не любятъ, боятся, ненавидятъ, — все это еще не большая бѣда, — но смѣются — проститесь съ надеждами! Аббатикъ не зналъ этой психологической аксіомы, и надѣялся, ждалъ всего отъ времени. Съ другой стороны ему не нравилось постоянство Аврелии въ дружбѣ съ Рене; уже три мѣсяца они были совершенно на пріятельской ногѣ, и сколько ни старался аббатикъ вразумить г. Каублица, что подобное поведеніе Аврелии можетъ повредить ей въ общественномъ мнѣніи, президентъ на всѣ эти замѣчанія отвѣчалъ громкимъ смѣхомъ, и даже предательски передавалъ ихъ женѣ. Оставалось послѣднее средство—перенести войну въ самое сердце Аврелии, и тамъ

произвести раздоръ и смуту. Аббатикъ подошелъ къ хозяйкѣ. И хотя ему очень было при ней неловко, но онъ призвалъ на помощь всю свою дерзость, весь пылъ своей несытой страсти, и со всею граціей того времени сказалъ въ полголоса:

— Я сблалъ сегодня пріятное знакомство....

— Это, я думаю, съ вами рѣдко случается. Вѣроятно, пріѣзжая, потому-что женское народонаселеніе нашего городка вамъ давно извѣстно....

— Пріѣзжіи, хотите вы сказать.... Не правда-ли вы сами объ немъ теперь думали?...

— Я?... Съ какой стати?

— По весьма-обыкновенному любопытству.

— Полноте! Въ этомъ отношеніи я не женщина....

— Однако-жь!...

— Право я его и видѣть не хочу.... Со всѣмъ не интересно!

— Какое удивительное сходство характеровъ! Представьте, я не могъ его уговорить остаться до завтра, посѣтить здѣшній городской балъ, полюбоваться красавицами, подивиться вамъ. «На все одинъ отвѣтъ: Право, не интересно!» И....

— И онъ уѣхалъ?

— Онъ хочетъ уѣхать завтра, во время бала, когда будутъ играть полонезъ. Говорить, что его лошади давно не слыхали музыки. Чудакъ! И выбралъ землю по себѣ. Ѣдетъ въ Англію. Любопытно, говоритъ, кто кого удивить? И я не сомнѣваюсь, что своими странностями онъ превзойдетъ оригинальныхъ островитянь. Не любите женщинъ.... Такихъ чудаковъ и въ Англіи не много!

Разговоръ продолжается довольно-долго, и довольно-живо, до самаго окончанія вечера. Гости разѣхались; даже капитанъ ушелъ и унесъ съ собою взоръ полный любви и нѣжной признательности. Супруги стали звать и ужинать....

— Послушай мой другъ! сказала Аврелія самымъ хладнокровнымъ голосомъ, съ важностью, какая употребляется, когда говорятъ о самыхъ пошлыхъ пустякахъ.

— Чтѣ, моя милая? Вѣрно ты вывѣдала у этихъ шалуновъ какую-нибудь политическую тайну. Смерть люблю политику, а ты на это мастерица. Сдѣлай милость рассказывай! Кого выбираютъ въ короли, Француза или Венгерца? Я хочу во всемъ городѣ знать первый.

— Куда! Это все мелкіе люди, они сами ничего не знаютъ; ихъ свѣдѣнія никакъ не больше свѣдѣній, какія къ намъ носятъ таможенные; мнѣ кажется, пора намъ ихъ оставить въ покоѣ; признаюсь, и я утомилась кокетничать съ этимъ каштаномъ. И такой неотвязный! Цѣлый день торчитъ на глазахъ. Право, пора ихъ бросить!

«Бросить! Помилуй моя милая! Въ три мѣсяца столько издержекъ, вечеровъ, обѣдовъ и ни одной политической тайны....»

— Ахъ, мой другъ, если я въ три мѣсяца не могла выманить у нихъ никакой тайны, такъ, вѣрно, виновата уже не ихъ скромность; а просто у нихъ нѣтъ никакой тайны. Они ушли изъ Франціи, такъ, сами-по-себѣ, живутъ, наслаждаются на нашъ счетъ и морочатъ легковѣрныхъ.... Вотъ пріѣхалъ графъ! Могу поручиться, что у него лакеи гораздо больше знаютъ, нежели вся эти бѣдняки вмѣстѣ....

— А чтѣ ты думаешь? Въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ быть...

— Не только можетъ быть, такъ должно быть и есть. Не даромъ онъ избѣгаетъ женщинъ....

— Избѣгаетъ женщинъ!!

— Не пьетъ вина....

— Не пьетъ вина! О! у него должны быть огромные политическіе секреты.... Завтра-же къ нему ѣду, прошу къ себѣ....

— Нѣтъ, мой другъ, проси на балъ. Тебѣ онъ можетъ отказать, но городу не посмѣетъ. Остальное предоставь мнѣ....

— Бесѣда не долго продолжалась. Супруги условились и разошлись каждый въ свою спальню.

Г. Каублицъ былъ истинный политикъ маленькаго нѣмецкаго городка, и хотя шестой десятокъ лѣтъ уже исходилъ для президента, но онъ ни мало не сомнѣвался,

что политическія свѣдѣнія выведутъ его въ министры, почему и заводилъ самыя близкія знакомства со всѣми проѣзжими дипломатами, генералами и велъ дѣятельную переписку съ двумя секретарями двухъ разныхъ кабинетовъ. Сообщаемыя имъ и ему свѣдѣнія не всегда отличались точностью и вѣрностью, что и замедляло его министерскую карьеру; но съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ женился на красавицѣ, ловкой и бойкой Аврелии, дѣла пошли лучше: свѣдѣнія оказались болѣе-точными и болѣе-важными; связи и знакомства расширились; одинъ молодой членъ Государственной Комиссіи въ Д. дѣятельно хлопоталъ о перемѣщеніи Каублица въ столицу, потому-что во время проѣзда черезъ нашъ городокъ успѣлъ коротко познакомиться съ господами Каублицами.... Надо было поддерживать ходатайство патрона дѣломъ, и Каублицъ изъ-всѣхъ силъ хлопоталъ гдѣ-бы достать, хоть на-прокатъ, какую-нибудь политическую тайну. Неудивительно, послѣ этого, что президентъ пріѣхалъ на балъ почти первый; публика собиралась довольно-поспѣшно; явился и графъ; Каублицъ овладѣлъ его вниманіемъ, но проклятые танцы все испортили: красота и молодость, по магнитической своей силѣ, увлекли графа въ очарованный кругъ; онъ переходилъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и самъ не замѣчая своихъ завоеваній.... Но вотъ пробѣжалъ шопотъ злословія; дамы осѣпали колкими насмѣшками какую-то Анету.... И точно, она заслужила это мнѣніе: она осмѣлилась трижды танцовать съ графомъ сряду, и послѣ танцевъ насильно удерживала его при своемъ стулѣ своими несносными разговорами. Анета, себѣ-на-умѣ, лукаво поглядывала на соперницъ, предвкушала сладость побѣды, отражала завистливые взоры презрительными,—все шло какъ нельзя лучше; но огромный швейцаръ отворилъ обѣ половинки дверей—вошла г-жа Каублицъ, и городскія свѣтила, включительно съ Анетой, померкли. Толпа мужчинъ бросилась на встрѣчу, осѣпала красавицу привѣтствіями; а она кому улыбку, кому взоръ, кому полъ-улыбки, кому полъ-взора; плыветъ себѣ какъ лебедь; всплыла на средину, великолѣпно, торжественно оглянулась, оправилась такъ непри-
нужденно, такъ гордо; веселіе, пляска, разговоры, даже

музыка, все было воздержано, какъ будто, магическою рукою. Каублицъ подвелъ графа къ женѣ, она удостоила его двухъ, трехъ словъ и усѣлась; балъ ожилъ, но эту жизнь вливала во все уже одна Аврелія. Капитанъ бѣсился, и по-дѣломъ: съ нимъ говорили, но каждое слово было взвѣшено на аптекарскихъ вѣсахъ; онъ осмѣливался намекать на любовь,—удивлялись и смотрѣли на него гнѣвно; правда, и комплименты графа принимались сухо, но какая разница въ этихъ сухихъ приемахъ! Графъ ничего не могъ понять, довольны-ли имъ или нѣтъ, а капитанъ очень-легко могъ понять безмолвную рѣчь: она гласила коротко и ясно: «Подавайте въ отставку!» Къ концу бала и капитанъ и графъ стали задумываться, но каждый по своему. Аббатикъ торжествовалъ, бѣгалъ изъ угла въ уголъ, рассказывалъ, что ему удалось подслушать, хотя онъ этого никакъ не могъ сдѣлать. Привычка болтать мѣшала ему слушать. Графъ, не-смотря на всѣ свои любовныя впечатлѣнія, считалъ обязанностію познакомиться съ молодежью. Само-собою разумѣется, французскій капитанъ королевской гвардіи въ этомъ случаѣ заслуживалъ первенство. Довѣрчивая молодость быстро увлекается, и бѣдный капитанъ волей и неволей сдѣлался наперсникомъ бальныхъ чувствъ, ощущеній и маленькихъ секретцовъ графа.... Капитанъ не выдержалъ. Подошелъ къ Авреліи и завелъ дѣльный разговоръ объ измѣнѣ....

— Да, это гнусный порокъ сказала Аврелія сухо: мнѣ страшно объ немъ и подумать. Измѣнить уважаемому мужу.... о, это ужасно!

Капитанъ вытаращилъ глаза и не понималъ, что слышитъ, что чувствуетъ. Г-жа Каублицъ смѣялась, шутила съ графомъ и не обращала на бѣшенство Барзака никакого вниманія.

На другой день капитанъ не былъ принятъ къ туалету, не прошенъ къ обѣду, не званъ на вечеръ; весь день просидѣлъ онъ дома и насвистывалъ какую-то адскую музыку, отъ которой даже самому Жаку стало и больно и страшно.... На другой день таже исторія.... Бѣшенство капитана стало стихать. На третій день онъ вышелъ прогуляться и встрѣтилъ графа съ г-жей Каублицъ: они

ѣхали верхами на графскихъ лошадяхъ. Насмѣшливый взглядъ Авреліи—вотъ все, что принесъ домой оставленный любовникъ... Рене сталъ хохотать во все горло. Вы, можетъ-быть, подумаете, что это былъ смѣхъ романическій или спазматическій (синонимы)? ошиблись: это былъ просто смѣхъ, какимъ смѣются на-единѣ все порядочные люди, когда они вздумаютъ что-нибудь умное. Жакъ такъ обрадовался барскому веселію, что и самъ сталъ хохотать во все горло.

— Чему ты смѣешься, дуракъ? спросилъ капитанъ.

— Тому-же, чему и вы....

— А чему смѣюсь я?

— Мнѣ какое дѣло? Не знаю и знать не хочу. А я радъ еще и тому, что могу съ вами поговорить объ нашихъ дѣлахъ. Читали вы письмо г. Барзака, этого гордаго отца, объ которомъ до-сихъ-поръ я имѣлъ такое хорошее мнѣніе.... Читали?

— Вскользь!

— То-то и есть, вскользь; а онъ тамъ нагородилъ такихъ страховъ, что не приведи Господи. И голландская мельница у него сгорѣла, и скотъ палъ, и будто мы много денегъ мотаемъ, и—баста! Вотъ это проклятое и глупое слово больно мнѣ не понравилось. Баста—не пошло ни су, живите какъ хотите.... Словомъ; г. капитанъ, мы банкроты.»

— Утѣшься мой добрый Жакъ! Я открылъ себѣ банкира и надѣюсь поправиться въ короткое время.

Не успѣлъ Жакъ сдѣлать вопроса; отъ г. Каублица принесли записочку.

— Очень-кстати!» сказалъ капитанъ, прочитавъ писаніе: непременно буду!

Между-тѣмъ стемнѣло. Капитанъ пришелъ къ Каублицамъ еще очень-рано. Хозяинъ отдыхалъ, а хозяйка, окончивъ туалетъ, обходила комнаты и поправляла ошибки панны Маріанны, своей компаньонки, которая въ маленькой гостинной разставила цвѣты не довольно-выгодно для уединенной бесѣды и не довольно-эффектно. Капитанъ, по старой привычкѣ, былъ пропущенъ въ прием-

ныя комнаты безъ доклада и остановился у дверей волшебной комнатки, гдѣ онъ такъ недавно, дерзкими устами, впервые коснулся бархату пушистой ручки, откуда онъ унесъ признаніе въ пламенной любви, гдѣ онъ отдалъ подъ залогъ свое сердце, себя, все, и готовъ былъ на новыя всевозможныя жертвы. Взволнованныя воспоминанія удержали его у открытыхъ дверей; ни хозяйка, ни панна Маріанна не слышали, какъ подошелъ капитанъ и продолжали свой разговоръ, весьма-интересный для дѣйствующихъ лицъ и для слушателя.

— Ужъ какъ хотите говорила Маріанна: если-бы я знала, что вы не питаете любви къ капитану, что все это дѣло расчета....

— Чтожъ бы ты сдѣлала, Маріанна?

— Что? Не ужели вы не догадываетесь... Впрочемъ, я и сама не знаю, что говорю.... Ахъ! я всегда завидовала вамъ; мнѣ было досадно, больно.... но я служила вамъ вѣрно. За эту вѣрную службу подарите мнѣ капитана....

— Сдѣлай дружбу, возьми его себѣ. Но Маріанна, не забудь, что онъ человѣкъ весьма-недостаточный, бѣдный! Удивляюсь, какъ ему вѣрили жиды. Конечно, согласись сама, требованія мои были самыя умѣренныя, но и тѣ исполнялись такъ медленно, такъ неохотно. Вести любовь надо очень осмотрительно.... и признаюсь, эти три мѣсяца я считаю потерянными.... Берегись, Маріанна, для одной любви право не стоитъ.... Ты еще дитя, выйдешь за мужъ, тогда только будешь чувствовать себѣ цѣну... Любезничай, дѣлай глазки, веселись, играй жизнію, люби... но не влюбляйся!.. Мужчина не можетъ быть постояннымъ; умѣй ловко и во-время предупреждать его измѣну....

Капитанъ не выдержалъ такой ужасной философіи, повсемѣстно господствовавшей въ этомъ отдаленномъ вѣкѣ. Но ему было стыдно обнаружить, что онъ подслушалъ тайный разговоръ. Тихо отступилъ онъ по коврамъ къ главной двери и оттуда пошелъ къ цвѣточной комнатѣ ровными слышными шагами.—Дамы, вѣроятно, ожидали графа, и не мало удивились, когда вошелъ гость, вовсе неожиданный. Г-жа Каублицъ, не смотря на все искусство притворяться, поблѣднѣла, Маріанна вспыхнула, но каш-

танъ холодно поклонился дамамъ, произнесъ какое-то несвязное привѣтствіе, сѣлъ возлѣ Авреліи довольно-непринужденно и сказалъ тихо:

— Я пріѣхалъ съ вами проститься....

— Вы уѣзжаете?...

— Чему-же вы обрадовались? Я ѣду мстить женщинѣ. Аврелія поблѣднѣла пуще прежняго, но сказала однакоже, съ примѣтнымъ усиліемъ:

— Нечего сказать! По-рыцарски!

— Э, полноте! это не такая женщина. Я отомщу въ ея родѣ. Вы увидите....

Не успѣлъ онъ досказать своей таинственной рѣчи, въ комнату вошелъ графъ и кое-какіе гости; разговоръ сдѣлался общимъ; между-тѣмъ капитанъ подсѣлъ къ Маріаннѣ и безъ дальнихъ околичностей повелъ такую стремительную атаку, что бѣдная дѣвушка не знала куда дѣваться, что говорить, что дѣлать. Опытный капитанъ не выпустилъ изъ когтей своихъ бѣдной пташки, какъ дымъ разсѣялъ сомнѣнія и опасенія.... И когда всѣ гости поднялись съ мѣста, чтобы встрѣтить президента, который уже кашлялъ въ большой гостиной, капитанъ вырвалъ у Маріанны на-скоро согласіе на тайное свиданіе въ ту-же ночь, въ угловой бесѣдкѣ,—тамъ, гдѣ не разъ свидывался и объяснялся онъ съ опостылой измѣнницей.

— А, и вы здѣсь, мой милый капитанъ! сказалъ хозяинъ съ министерской миной и лукаво улыбаясь.

— И я здѣсь! Меня, признаюсь, весьма удивила ваша записочка!

— Удивила! Помилуйте, капитанъ, а должокъ? Брали вы на три-четыре дни....»

— А отдалъ въ тотъ-же день.

— Послушайте, капитанъ, между нами, конечно, нѣтъ никакихъ письменныхъ условій, но я полагаю на слово честнаго человѣка.

— И не обманулись. Повторяю, я отдалъ вамъ деньги въ тотъ-же день; тѣже самыя, которые получилъ отъ васъ, потому-что счастье мнѣ повезло и я совершенно отыгрался....

— Мнѣ?

— Вамъ, но не лично, это правда. Я отдалъ двѣ тысячи талеровъ вашей супругѣ, развѣ это не все равно? Васъ не было дома.... Я спѣшилъ... Г-жа Каублицъ была такъ добра, заступила ваше мѣсто — и я удивляюсь, что она позабыла отдать вамъ ничтожную эту сумму... Не правда-ли, Madame?

Бѣшенный взглядъ былъ отвѣтомъ на послѣдній вопросъ. Но медлить объясненіемъ не позволяло положеніе и намѣренія Авреліи....

— Да, мой другъ! я забыла... отвѣчала она съ примѣтнымъ смущеніемъ.... Деньги у меня въ коммодѣ. Мы это время были такъ заняты разными увеселеніями, что право не до такихъ бездѣлицъ.

Г. Каублицъ, какъ будущій министръ, ласково пожурилъ жену, поблагодарилъ капитана за аккуратность, извиняясь за жену; все пришло въ порядокъ, Аврелія старалась казаться веселою, выдумывала маленькія игры, затѣяла даже танцы; послѣднее съ намѣреніемъ спасти отъ чудовища бѣдную Маріанну, чего-ради и усадила ее за клавичембалы. Встрѣясь съ капитаномъ въ танцѣ, Аврелія спросила шопотомъ: — Такъ вотъ ваша мечь? — Начало! отвѣчалъ Барзакъ, очень-покойно, и продолжалъ свой танецъ. — Танцы, игры, вечеръ, даже непріятный ужинъ съ непріятнымъ объясненіемъ, все кончилось. Въ спальнѣ Аврелія сдѣлала формальный допросъ Маріаннѣ и очень обрадовалась, что Маріанна выдержала характеръ, отвѣчала насмѣшками на всѣ любезности Капитана и отъ-души его ненавидѣла. Маріанна отпущена въ свою комнату; Аврелія въ дезабилье присѣла къ столу и принялась писать письмо....

— Маріанна! сказала Аврелія громко: Поди сюда! Завтра какъ пойдешь въ церковь, какъ хочешь, доставь это письмо графу; онъ меня выручитъ....

— Если, я позволю, отвѣчалъ Капитанъ, стоя въ дверяхъ спальни. Крикъ и обморокъ Авреліи испугали самого Барзака, но какъ и обморокъ и крикъ не были на этотъ разъ слѣдствіемъ притворства, то Аврелія скоро

очнулась, пришла въ себя и съ ужасомъ спросила: Чего вы отъ меня хотите? — Только своего, отвѣчалъ капитанъ покойно. — Я васъ не понимаю! — Потрудитесь подумать. Наша любовь была чиста, неправда-ли? Мы любили другъ друга безкорыстно, неправда-ли? У насъ все было общимъ; мы помогали другъ-другу всѣми нашими силами и средствами. Вы подарили мнѣ свой локошъ, менточку, платокъ, цвѣточекъ и три шѣ-жнныя письма безъ подписи; я подарилъ вамъ не мало брил-лантовъ, золота и бездѣлушекъ.... Никогда не посмѣю думать, чтобы всѣ эти жертвы вы считали платой за пріятныя бесѣды и за ваши милости.... неправда-ли? Но вы измѣнили.... Я принесъ ваше, пожалуйста мое. Мо-жетъ-быть у васъ не много свободного времени. Совѣ-тую поспѣшить.... Я человѣкъ рѣшительный. Двери за-перты, я не выйду отсюда хоть до утра.

Бѣшенства Аврелія описать невозможно; она бѣгала по комнатѣ, рылась въ комодахъ и ящикахъ, выбрасывала сафьянныя футляры....

— Все! сказалъ капитанъ покойно, осмотрѣвъ каждую коробочку. Извольте получить по списку ваши клейноды. Теперь надѣюсь, повѣрите, что я любилъ васъ безъ ин-тереса; теперь и я вѣрю безкорыстію вашей любви. Квитъ! Прощайте!

Отворяя дверь, Барзакъ кого-то толкнулъ въ корридо-доръ....

- Что вы тутъ дѣлали? сказалъ тихо г. Каублицъ.
- Разсчитывался! также тихо отвѣчалъ Капитанъ....
- И разсчитались?
- До-чиста!
- Но я надѣюсь, что эта тайна....
- Умреть со мною....
- Такъ позвольте васъ проводить....
- Покорнѣйше благодарю; я знаю дорогу....
- Но люди, прислуга....
- Не беспокойтесь, я черезъ садъ....
- Ахъ, въ-самомъ-дѣлѣ! и г. Каублицъ поспѣшно от-ворилъ едва притворенную дверь на террасу.

ПРЕДСМЕРТНЫЯ ПРИЗНАНІЯ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МЕДИКА. *)

Посв. Дру И. А. Яроцкому.

Перечитывая эти воспоминанія о множествѣ происшествій, въ которыхъ я участвовалъ иногда какъ дѣйствующее лицо, а иногда какъ зритель, происшествій, которыя совершались передъ моими глазами, или которыя до вѣрялись мнѣ, въ теченіе моего долгаго поприща, я замѣчаю, что не всегда съ точностію слѣдовалъ хронологическому порядку и пропустилъ много очень-интересныхъ случаевъ. Вотъ, на-примѣръ, одинъ, котораго я былъ свидѣтелемъ, при самомъ первомъ вступленіи на поприще медицины; съ него-то начну я трудъ свой, который будетъ служить дополненіемъ прежде изданныхъ мною записокъ.

* Кто изъ русскихъ читателей не помнитъ «Записокъ Медика» (The Diary of the Late Physician) сочиненія Гаррисона, исполненныхъ занимательности, правды и глубокаго знанія сердца человеческого? Нѣсколько-гдѣть тому они составляютъ лучшую пищу нашихъ журналовъ, были постоянно переводимы, и наконецъ издашы всѣ вмѣстѣ, хотя далеко неполныя, въ «Библиотекѣ Романовъ» г-на Ротгана. Теперь въ «New Monthly Magazine» начинается новый рядъ этихъ «Записокъ» и мы почитаемъ себя очень-счастливыми, что можемъ украсить первую статью книжку нашего изданія. Посмотрите, какая живая, вѣрная, съ природы схваченная драма представляется въ этомъ разказѣ!

Ред. Гевни

Я только-что кончалъ курсъ медицины и получилъ дипломъ; увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ Ескулапа, медикъ, признанный факультетомъ, я заранѣе обѣщаль себѣ богатую практику, какъ будто всѣ больные читали мою диссертацию или присутствовали при моемъ блистательномъ экзаменѣ. Но увы! послѣ испытанія въ школѣ, необходимо еще испытаніе въ свѣтѣ: счастливъ еще молодой врачъ, который послѣ долгихъ исканій и ожиданій найдетъ наконецъ перваго пациента! Я понялъ, что только время можетъ осуществить мои надежды и что мнѣ надобно было еще многому учиться. Я колебался въ выборѣ мѣста для жительства, не зная, гдѣ предстоитъ мнѣ больше выгодъ; какъ вдругъ, благодаря ходатайству друзей, я получилъ мѣсто при больницѣ, въ одномъ маленькомъ ирландскомъ городкѣ.

Одною изъ моихъ обязанностей было—вести журналъ, въ которомъ я записывалъ различные случаи болѣзни, причины ихъ, ходъ и постепенныя перемѣны. Въ началѣ этихъ рапортовъ я долженъ былъ обозначить вкратцѣ имя больного, тѣлесное сложеніе его, его занятія, и обстояательства, предшествовавшія его вступленію въ больницу.

Комнаты, назначенныя для меня, выходили окнами на дворъ. Изъ кабинета я могъ видѣть все пространство до главныхъ воротъ, которыя выходили на одну изъ самыхъ уединенныхъ улицъ въ городѣ.—Однажды вечеромъ, сидя у окна, я услыхалъ ужасный шумъ на этой, всегда тихой, улицѣ. Въ то время какъ отворялись ворота больницы, увидаль я четыре или пять человѣкъ солдатъ, въ красныхъ блестящихъ мундирахъ; они окружали телегу и старались разогнать толпу любопытныхъ.

Медленно вступили они въ ворота, которыя затворились передъ огорченными зрителями. Когда телега нѣсколько приблизилась ко мнѣ, я увидаль какого-то человѣка, лежащаго на матрацѣ и совершенно укрытаго и укутаннаго. Это былъ больной.... Въ какомъ странномъ для его положенія экипажѣ привезли несчастнаго! Я сошелъ внизъ, чтобъ собрать объ немъ какія-нибудь свѣдѣнія.

Капралъ объявилъ мнѣ, что это былъ только-что пойманный въ зловредныхъ дѣйствіяхъ водочный мастеръ, котораго везли изъ довольно-отдаленнаго мѣста въ городскую тюрьму. Такъ-какъ этотъ несчастный, защищая свою свободу, былъ опасно раненъ, то его назначили положить прежде въ больницу, приставивъ однакожь къ нему часоваго, который долженъ былъ смотрѣть за нимъ день и ночь, пока онъ умретъ или будетъ въ состояніи перейти въ тюрьму.

Я тотчасъ-же отдалъ приказъ о его помѣщеніи. Постель ему приготовили въ маленькой комнатѣ, у дверей которой важно помѣстился часовая. Присутствіе его въ этомъ мѣстѣ возбуждало какое-то особое новое чувство.

За мое вниманіе и заботы, больной былъ чрезвычайно благодаренъ, а стаканъ вина, который я приказалъ подать, чтобъ онъ могъ подкрѣпить свои силы, вполне приобрѣлъ мнѣ его дружбу. Онъ сказалъ, что его зовутъ Филиппъ Эррисъ, но я догадался, что это не настоящее его имя. Меня удивилъ его разговоръ, совершенно правильный; въ немъ замѣтно было нѣсколько провинціальное произношеніе, но впрочемъ языкъ его нисколько не походилъ на грубый языкъ черни.

Разсматривая его раны, я увидѣлъ, что рѣшительно все его тѣло было покрыто ими и всѣ члены были переломлены. Никогда не въ состояніи былъ я понять, какъ онъ могъ въ этомъ положеніи прожить столько времени, и перенести безпокойную ѣзду въ телегѣ.

Несчастный не въ силахъ былъ пошевелинуться ни однимъ членомъ, кромѣ шеи и лица. Онъ лежалъ на спинѣ, совершенно неподвиженъ. Изрѣдка только дѣлалъ онъ быстрое движеніе головой, сопровождая его конвульсіями рта, полусмѣшными, полуужасными.

Страданія его были выше всякаго описанія. Онъ самъ говорилъ, что при малѣйшемъ движеніи, чувствуетъ какъ-будто прикосновеніе горячаго желѣза. Лицо его и волосы были все въ поту. Взглядъ его, то умирающій, то дикій и пламенный, служилъ страшнымъ признакомъ его ужасныхъ страданій. Часто онъ хотѣлъ, по-видимо-

му, закричать отъ боли, но вдругъ, сильно стиснувъ зубы, удерживалъ стонъ и вздыхалъ медленно, тихо.... Кости его нижнихъ членовъ были совершенно раздроблены: обѣ ноги были какъ-будто истолчены. Въ нихъ онъ уже не чувствовалъ боли; чувствительность въ этихъ членахъ совершенно пропала и для него ноги какъ-бы вовсе не существовали. Однимъ-словомъ, вся жизнь и всѣ мысли его сосредоточились въ головѣ, какъ въ последнемъ убѣжищѣ. Разрушеніе, которое постигло все его тѣло, угрожало дойти скоро до мозга; никакая операція не была возможна; ни что не могло спасти этого несчастнаго.

Онъ былъ небольшого роста, худощавый, смуглый; черты лица, рѣзкія и выразительныя, означали характеръ энергическій, страсти пылкія. Волосы начинали сѣдѣть; щеки были покрыты густымъ румянцомъ, признакомъ лихорадочнаго жара.

Онъ старался казаться совершенно-спокойнымъ и для того дѣлалъ надъ собою ужасныя усилія; вообще его сильно занимало желаніе — умереть твердо и спокойно.

— Всѣ ваши попеченія напрасны, докторъ, говорилъ онъ мнѣ: мои силы истощились, я это чувствую.... Палачъ много потеряетъ отъ моей смерти.... Прикажете подать мнѣ еще не много вашего послѣдняго лекарства.... знаете?... Кромѣ этого вы ничего больше не можете для меня сдѣлать.

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ я: мнѣ даже кажется, что ты слишкомъ много принялъ его, прежде нежели тебя привезли сюда.

— Это правда.... я пилъ во всѣхъ деревняхъ, черезъ которыя мы проѣзжали.... безъ этого я бы умеръ еще утромъ.... Впрочемъ вино не много облегчаетъ меня; но пока я живъ, для чего-же я буду отказывать себѣ въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя еще въ моей власти? Тамъ, куда я скоро переселюсь, я думаю, не будетъ ни джину, ни водки....

Мнѣ было страшно слышать, съ какимъ принужденнымъ спокойствіемъ человекъ этотъ говорилъ о своемъ близкомъ концѣ; но обращеніе и разговоръ его воз-

будили мое любопытство: я хотѣлъ разспросить его подробно; сначала онъ упорно отказался отвѣчать мнѣ. Чтобы побѣдить его недовѣрчивость ко мнѣ, я объяснилъ ему причину моего любопытства и показалъ нѣсколько другихъ моихъ рапортовъ, съ полными подробностями.

Онъ на минуту задумался.

— Докторъ, спросилъ онъ меня, какъ-будто пораженный какой-то новой мыслью: сколько часовъ мнѣ еще жить? Ну, будьте откровенны: дадите ли вы мнѣ одинъ часъ, или два-три часа жизни?

Я не могъ ни назначить ему времени, ни отвѣчать на этотъ вопросъ его, и удовольствовался только тѣмъ, что покачалъ головой съ такимъ выраженіемъ, которое не могло компрометировать моей науки ни въ какомъ случаѣ.

— Ну, сказалъ мой больной, пусть будетъ, какъ Богу угодно.... въ ожиданіи этого, поговоримъ.... Для чего мнѣ не рассказать вамъ того, что вы желаете знать? и даже нѣсколько случаевъ такихъ, какихъ вы и ожидать не можете? Они составляли мою тайну, докторъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ.... Клянусь, я не смѣлъ вспомнить объ нихъ, не только говорить.... но теперь, я чувствую, что мнѣ будетъ легче, если я кому-нибудь ихъ открою....

Онъ остановился: лицо его, сине-блѣдное, мгновенно изказилось; онъ почувствовалъ страшную боль; зрачки глазъ его дико повернулись и губы посинѣли.

Послѣ этого пароксизма, онъ началъ голосомъ слабымъ, но который постепенно укрѣплялся:

«Подойдите ко мнѣ, докторъ: рапортъ, который вы сделаете изъ того, что я вамъ расскажу, можетъ-быть полезенъ не однимъ докторамъ.... двадцати двухъ лѣтъ, я походилъ на дикаго жеребенка, вырвавшася на волю. Я посѣщалъ преимущественно дурныя общества: любилъ женщинъ, игру, любилъ все, что портитъ молодыхъ людей — лошадинъ бѣгъ, пари, охоту, пѣтушину и собачью драку. Очень-рано началъ я пить.... Нѣтъ, я даже не помню, было-ли время, когда я не пилъ. Не удивляйтесь этому: мой отецъ былъ водочный мастеръ. За-

ведение его было однимъ изъ первыхъ во всей западной Ирландіи.

«Онъ самъ смотрѣлъ за своимъ заводомъ. Мы жили въ своемъ домѣ. У отца моего не было дѣтей, кромѣ меня. Мать моя не жила съ нимъ.... причины этого вамъ знать не нужно.... И такъ за мною не было никакого присмотра. Я проводилъ всѣ дни съ рабочими, очень-рано узналъ, что такое водка, какъ ее перегоняютъ и наконецъ, докторъ, какъ ее пьютъ. Отецъ мой.... я буду справедливъ въ отношеніи къ нему.... отецъ мой былъ очень старъ, упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ, твердъ въ своей волѣ и строго наблюдалъ обряды религіи. Я убѣжденъ, что благочестіе его было искренно; онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ строгихъ протестантскихъ сектъ; расчетливый до скупости, онъ ужасался малѣйшаго расхода; угрюмый, своенравный, строгій къ себѣ и къ другимъ, онъ считалъ самую невинную веселость за преступную вѣтреность.

«Предметъ всѣхъ его земныхъ помышлений и стараній былъ водочный заводъ. Онъ-то довелъ его до того состоянія, въ какомъ заведеніе находилось; это была его гордость и его радость. Онъ чувствовалъ къ нему то, что чувствуетъ отецъ къ сыну, котораго самъ воспиталъ и сдѣлалъ человѣкомъ замѣчательнымъ.

«Что касается до моей матери, я едва зналъ ее. Родные выдали ее за моего отца противъ воли; бракъ этотъ никогда не былъ счастливъ. Я вамъ сказывалъ, каковъ мой отецъ; бѣдная мать моя была легкомысленна, вѣтренна.... могла-ли она свыкнуться съ строгимъ пуританиномъ и понять его? Ее обвиняли еще во многомъ, я не буду повторять этого.... Однажды вечеромъ она ушла отъ своего мужа или онъ ее выгналъ, объ этомъ мнѣ рассказывали различнымъ образомъ. Но вѣрно то, что съ этого времени она жила розно съ своимъ отцемъ. Я былъ уже великъ, когда она умерла, но никогда не зналъ даже, какая была причина ея смерти.

«Впрочемъ отецъ мой старался дать мнѣ такое воспитаніе, какое позволяли ему состояніе его и степень образованности въ нашемъ городѣ. Онъ хотѣлъ также, чтобъ

я серьезно занимался его ремесломъ, то есть, гналъ водку, потому что онъ назначалъ меня, какъ и всегда самъ говорилъ, для распространенія и поддержанія его торговли: это была любимая фраза, любимая мысль его. Кажалось, онъ не для того основалъ эту фабрику, чтобы имѣть средства воспитать сына, а для того только воспитывалъ его, чтобъ распространить свое заведеніе.

«Но я былъ лѣнивъ, развратецъ.... не-смотря на всѣ мои старанія скрыть эту истину, онъ ее узналъ наконецъ. Отъ этого у насъ иногда происходили ужасныя сцены:—отецъ мой былъ чрезвычайно горячъ, а мои буйныя страсти не знали предѣловъ. Мы жили въ совершенномъ уединеніи и никого не принимали. Людей у насъ было трое: старшій больной слуга, въ состояніи, уже близкомъ къ младенчеству, кухарка и дѣвушка для тяжелой работы. Дома я не находилъ рѣшительно никакого удовольствія и убѣгалъ изъ него при первой возможности.

«Вскорѣ однакожъ и нашъ домъ получилъ для меня неизъяснимую прелесть; разсѣянія, которыхъ искалъ я, перестали мнѣ нравиться. Страсть, въ тысячу разъ сильнѣе прежнихъ, овладѣла мною совершенно... (Тутъ Фильмишъ Эррисъ остановился; въ немъ происходила страшная борьба духа съ страданіями тѣла. Нѣсколько капель крѣпительнаго, а особенно твердость воли, которую онъ сохранилъ въ удивительной степени, оживили его. Онъ продолжалъ):

«Причина этой странной переменны во мнѣ была очень-проста. Измученная обращеніемъ моего отца, дѣвушка, которая служила у насъ, рѣшилась отойти.... Другая заступила ея мѣсто.

«Откуда была она? гдѣ взялъ ее мой отецъ? я не зналъ и не старался узнавать; но съ первой минуты, съ перваго взгляда я далъ клятву—что она будетъ моею или я погибну.

«Она была хороша, очень-хороша!... Гдѣ найти мнѣ словъ, чтобъ описать вамъ ее?... Никогда не встрѣчалъ я подобной женщины.... мнѣ кажется, что самый нечувствительный человѣкъ влюбился-бы въ нее.... Че-

ловѣкъ, занятій предпріятіями самыми высокими, самыми благородными, забылъ-бы все, пожертвовалъ-бы всѣмъ за одинъ ея взглядъ, за одну ея улыбку.... Женщина эта, докторъ, имѣла пагубное вліяніе на всю мою жизнь; она была моимъ искусителемъ, моимъ демономъ.... и однакожь, когда я вспомню объ ней, когда я представлю себѣ черты лица ея, звукъ голоса и очаровательное выраженіе глазъ, я трепещу....

«Она была Ирландка: благородство, прелесть въ каждомъ движеніи, отличающія женщинъ Ирландіи, все это было въ ней въ совершенствѣ.... Красота ея не имѣла той дѣвственной прелести, которая удаляетъ преступную мысль и которую чѣмъ-болѣе любятъ, тѣмъ-болѣе уважаютъ... нѣтъ, докторъ, это была въ полномъ смыслѣ дочь Еввы, послѣ ея паденія.... въ ней было что-то демонское, и любовь, которую она внушала, эта пламенная, полная безумія любовь, напоминала вамъ мученія ада.

«Увидѣвъ ее, я поклялся, что она будетъ принадлежать мнѣ.... представьте молодого волка, готовящагося погубить смертоносное боа.... Я еще только изыскивалъ средства для исполненія своего намѣренія, какъ она опутала уже меня своими кольцами: не успѣвъ еще начать свое нападеніе, я былъ уже въ ея власти.

«Съ этого времени я нѣсколько мѣсяцевъ не выходилъ изъ дома. Страсть совершенно овладѣла мною: я потерялъ весь разсудокъ, всю власть надъ собою. Чтобъ объявить отцу переѣзду въ моемъ образѣ жизни, я сказался больнымъ.... и я не лгалъ, докторъ: я былъ точно боленъ и никакая человѣческая власть не могла облегчить меня. Фанни—такъ звали ее—овладѣла мною совершенно: она казалась мнѣ существомъ сверхъ-естественнымъ, которое смягчить могъ я только мольбами и жертвами.

«Послѣ узнавъ я, что значитъ ненависть и мщеніе; но повѣрьте, докторъ, объ эти страсти, въ самомъ сильномъ ихъ разгарѣ, ничто въ сравненіи съ любовью.... Я не завистѣлъ больше отъ себя: у меня не было силы ни думать, ни желать; деньги отцовскія я отдавалъ этой женщинѣ и ея родственникамъ. Такъ-какъ книги, поручен-

ныя мнѣ, вѣлъ я очень-душно, то убѣдилъ отца взять мнѣ въ помощники двоюроднаго брата Фанни; она меня съ жаромъ просила объ немъ, при томъ-же несчастное положеніе его и быстрый умъ говорили въ его пользу.

«Еслибы Фанни требовала отъ меня только однихъ денегъ! но повѣрите-ли вы, докторъ, я ей пожертвовалъ даже моею религіею: чтобъ угодить ей, я принялъ римско-католическую вѣру... Совѣстно сознаться: одна улыбка и поцѣлуй восторжествовали надъ всѣми доказательствами и краснорѣчіемъ Лютера, Кальвина, Кюкса! Что касается до меня, пожертвованіе это мнѣ не дорого стоило и совѣсть нисколько не угрызала меня. Худому протестанту, холодному католику, мнѣ всякая вѣра была равна; цѣль моей жизни была одна: сохранить любовь Фанни.... она была моимъ божествомъ, моимъ счастьемъ. Но отецъ мой! этотъ пылкій фанатикъ! какъ сообщить ему подобную новость? какое дѣйствіе произведетъ она на него? Не смотря на все ослѣпленіе мое, я чувствовалъ, что за это онъ способенъ былъ лишить меня наслѣдства. Я ужаснулся, представивъ себѣ всѣ послѣдствія моего вѣроотступничества, и рѣшился хранить его въ-тайнѣ.

«Докторъ, нѣсколько капель крѣпительнаго.... Воспоминанія эти и пріятны, и ужасны.... Спустя нѣсколько времени Фанни, уступая наконецъ моимъ страстнымъ мольбамъ, согласилась тайно обвѣнчаться со мною... О, докторъ! день брака былъ блаженнѣйшимъ въ моей жизни! Несчастія, которыя отъ него произошли, неисчислимы; я испыталъ всѣ возможныя пытки и душевныя и тѣлесныя; но для того, чтобъ еще разъ насладиться этимъ небеснымъ счастьемъ, я бы охотно снова началъ свою жизнь, полную столькихъ горестей и оканчивающуюся такою смертию!...

«Предавшись вполне своему блаженству, я совершенно бросилъ дѣла по заводу; расходы мои такъ увеличились, что наконецъ отецъ замѣтилъ ихъ и сталъ подозрѣвать меня.

«Фанни оставалась однакоже по прежнему служанкой въ нашемъ домѣ. Рождественникъ ея Ормондъ, занимавшій

должность перваго прикащика, умѣлъ приобрести любовь и уваженіе моего отца. Аккуратный во всѣхъ дѣлахъ своихъ, точный въ исполненія своихъ обязанностей, онъ удивительно сошелся съ нимъ и получилъ полную его довѣренность.

«Жизнь эта продолжалась недолго. Безуміе, въ которое я погруженъ былъ, стало разсѣиваться; я живо понималъ свое положеніе: каждую минуту отецъ мой могъ открыть то, что я съ такимъ стараніемъ скрывалъ отъ него, и—что тогда изъ этого выйдетъ?... я зависѣлъ совершенно отъ него; самъ я не способенъ былъ достать себѣ куска хлѣба. О фабрикаціи водки я имѣлъ только теоретическія познанія; практики у меня не было.... при томъ же я чувствовалъ, что не въ силахъ былъ заниматься постоянной работой.... Отними отецъ мой руку, которая поддерживала меня, и я погрязну въ бѣдности, принужденъ буду вымалывать кусокъ хлѣба... а Фанни, которую я всегда утѣшалъ богатствомъ, ожидающимъ насъ! Фанни, которую-бы я желалъ возвести на тронъ, окружить роскошью и наслажденіями! Что съ нею будетъ? станеть ли она еще любить меня въ бѣдности? Лишиться любви ея.... нѣтъ, легче умереть!

«Все это, докторъ, довело меня до ужасныхъ мыслей... Еслибъ мой отецъ умеръ, думалъ я, имѣніе его досталось-бы мнѣ.... я былъ-бы очень богатъ.... могъ-бы удовлетворять всѣмъ капризамъ Фанни. Что такое человеческое сердце, докторъ, когда его увлекають страсти!... Да, сначала я только надѣялся, потомъ сталъ желать смерти отца.... потомъ эта мысль постоянно овладѣла мной. Я досталъ книги, изъ которыхъ старался узнать, какъ можно, не подавши ни малѣйшаго подозрѣнія, тайно ускорить конецъ челоуѣка.... Вы содрогаетесь, докторъ.... О! вы еще молоды; черезъ нѣсколько лѣтъ, вы хладнокровнѣе будете выслушивать подобныя признанія... вы привыкнете къ нимъ....»

Я точно былъ пораженъ. Несчастный этотъ, которому оставалось жить лишь нѣсколько часовъ, описывалъ съ ужасной энергіей страсти, одушевлявшія его. Онъ, казалось, забылъ и страданія и смерть, которая прибли-

жалась такъ быстро. Глаза его блистали, цвѣтъ лица по-временамъ оживлялся, голосъ былъ выразителенъ. Онъ замѣтилъ мое смущеніе, и горько улыбнулся, какъ-будто сожалѣя о моемъ незнаніи человѣческаго сердца.

«Подождите, сказалъ онъ, быстро взглянувъ на меня: я еще не кончилъ, а моя исповѣдь должна быть полна.... Да, докторъ, я свылся съ мыслию объ ужасномъ преступленіи.... Я хотѣлъ умертвить моего отца, какъ однажды онъ взошелъ ко мнѣ съ искаженными отъ гнѣва чертами, съ бранью и угрозами.... Онъ узналъ наконецъ истину: бѣшенство его не имѣло границъ. Строгая важность его уступила мѣсто неукротимой злобѣ. Руки его дрожали, голосъ прерывался. Онъ клялся, что я не сынъ его, осыпалъ упреками меня, мою мать, семейство моей матери,—проклиналъ мѣсто рожденія моего. Я былъ, по его словамъ, безчестный отступникъ, воръ, котораго онъ предастъ суду законовъ.... Бракъ мой не могъ быть дѣйствителенъ; это была пустая церемонія, совершенная католическимъ священникомъ.... постыдной союзъ съ потерянной женщиной... Никогда имѣніе, имъ нажитое, не будетъ употреблено для прокормленія служанки, которую я осмѣливался называть своей женою.... онъ не оставитъ мнѣ ни пенса, лишитъ меня наслѣдства и объявитъ черезъ газеты, что всѣ связи мои съ нимъ разрушены....

«Вы, можетъ-быть, думаете, что я преклонилъ повинную голову, и въ смущеніи не нашелъ въ отвѣтъ ни одного слова.... Нѣтъ, нѣтъ!... его бѣшенство возбудило и во мнѣ тоже; неукротимый характеръ мой радъ былъ борьбѣ. Я въ свою очередь обвинялъ его въ лицемеріи, въ скупости, укорялъ его за жестокое обращеніе съ моей матерью, говорилъ ему, что онъ заслужилъ свое безчестіе, и что я былъ счастливъ возможностью сомнѣваться, точно-ли я сынъ его.

«Это было сказано ужъ слишкомъ-сильно: онъ не могъ долѣе удерживать свое бѣшенство, — бросился на меня, ударилъ.... Какъ вамъ передать это!... я почувствовалъ какую-то дикую радость; я отвѣчалъ на ударъ ударомъ.... Шумъ борьбы нашей заставилъ сбѣжаться работниковъ съ завода: насъ розняли и—во-

время! преступленіе, о которомъ я столько думалъ... я готовъ былъ совершить его... я замѣтилъ на каминѣ бритву... еще минута, докторъ, — и я бы сдѣлался отцеубійцею!!

(Тутъ Филиппъ Эррисъ остановился, въ изнеможеніи. Глаза его закрылись; губы тихо шептали слова, которыхъ я не могъ разсмѣшать, — надѣюсь по-крайней-мѣрѣ, что это были слова раскаянія. Послѣ довольно-долгого отдыха, онъ продолжалъ:)

«Едва отецъ мой былъ въ состояніи говорить, онъ приказалъ схватить меня; а такъ-какъ я отчаянно сопротивлялся, то онъ помогъ своими руками вытолкать меня изъ дома. Черезъ нѣсколько минутъ и Фанни, жена моя, такъ страстно мною любимая, не смотря на ея раздрающіе крики, была выгнана и за ней выбросили узелъ съ ея имуществомъ... потомъ ворота затворились и мы остались оба посреди улицы, окруженные толпой любопытныхъ, сдѣлавшіеся предметомъ ихъ сожалѣній, насмѣшекъ, распросовъ, разсужденій...

«Мы спѣшили уйти.

«Я повелъ жену въ ближайшій городъ; сыскалъ скромный уголокъ, и на деньги, вырученныя за продажу вещицъ, которыя были на ней, мы прожили нѣсколько времени.

«Угрозы свои мой отецъ исполнилъ на дѣлѣ. Газеты извѣстили публику во-первыхъ о томъ что Патрикъ Эррисъ отказывается отъ платежа долговъ, сдѣланныхъ его сыномъ Филиппомъ; во-вторыхъ, что заводъ управляемый Патрикомъ Эррисомъ отнынѣ будетъ носить фирму Эрриса и Ормонда, потому-что Джонъ Ормондъ естьполовинщикъ предпріятія. Это объявленіе было подписано Патрикомъ Эррисомъ и Джономъ Ормондомъ.

«Послѣ этого, докторъ, я не могъ больше обольщать себя надеждой на прощеніе отца. Я откровенно объяснилъ Фанни положеніе наше: хотѣлъ утѣшить ее ласками и думалъ самъ ободриться... но какъ меня приняли? съ слезами, съ упреками, съ грубыми, оскорбительными словами... Для нея я всего лишился, — и вотъ была

моя награда!... Съ этой минуты Фанни совершенно перемѣнилась. Она сдѣлалась упряма, сердита, капризна;— безконечныя ссоры, ни малѣйшей улыбки, ни одного ласковаго слова! Лишившись наслѣдства, я лишился и ея сердца.... Все это такъ должно было быть, не правда-ли? и мнѣ-бы не должно было обвинять ея?... но я ее любилъ также какъ и въ первые дни нашего брака; вмѣсто того, чтобъ остывать, страсть моя все болѣе усиливалась. Сколько страдалъ я, видя, что она сдѣлалась не только равнодушна ко мнѣ, но стала презирать меня! Чего не дѣлалъ я, чтобъ возвратитъ ея привязанность! Все было бесполезно: она не любила меня больше; и мои просьбы, слезы, мольбы оттолкнули ее еще болѣе отъ меня... Меня мучило ужаснѣйшее сомнѣнiе.... Можетъ-ли быть! Фанни, Фанни любить другаго!... и этотъ другой, кто-бы онъ ни былъ, я заранѣе клялся въ вѣчной ненависти къ нему, я обѣщался отомстить ему въ такой-же мѣрѣ, въ какой страдалъ самъ.

«Докторъ, любилъ-ли вы? испытали-ли вы, что значитъ ревность?... Нѣтъ!... такъ вы не поймете меня.... Ревность!... чтобъ сожалѣть о ней, умѣть извинить ее, надо ее чувствовать.

«Я сообщилъ Фанни мои подозрѣнiя; она отвѣчала мнѣ холоднымъ молчанiемъ и не удостоила даже успокоить меня оправданiемъ своимъ.

«Характеръ мой съ каждымъ днемъ становился раздражительнѣе. Быстрое уменьшенiе денегъ удвоивало мои опасенiя, мои безпокойства. Бѣдность стучалась у порога нашего: скоро долженъ былъ я узнать, что есть ужаснаго въ словѣ *нужда*.

«Богъ свидѣтель, докторъ, что если я боялся этого испытанiя, то не за себя, а за Фанни. Я думалъ, что еслибъ я могъ жить въ роскоши и изобилiи, она-бы снова полюбила меня. Я увѣрялъ себя, что только одна бѣдность охолодила ея сердце.... думая объ этомъ безпрестанно, я рѣшился преодолѣть себя, идти къ отцу, вымаливать его прощенiе, унижаться передъ нимъ....

«Да, докторъ, я составилъ планъ этотъ и—что еще больше—я исполнилъ его. Судите по этому, какъ сильно

любилъ я!... Я побѣдилъ гордость свою, которая жестоко возставала противъ этого... да, я вошелъ опять въ тотъ домъ, изъ котораго былъ такъ постыдно выгнанъ, вошелъ къ отцу моему и съ клятвой увѣрялъ его въ своемъ раскаяннн, просилъ прощенія его....

«Царь небесный! и теперь у меня стынетъ кровь, когда я вспомню объ этомъ.... Отца я засталъ на заводѣ: онъ былъ блѣденъ, худъ, какъ-будто постарѣлъ десятио годами.

«Но только одна его наружность измѣнилась, характеръ остался непреклоненъ по-прежнему.... Видъ мой возбудилъ снова гнѣвъ его: онъ отказался выслушать меня.... Я умолялъ однакожъ его забыть все.... напоминалъ прежнюю любовь его.... Я все это дѣлалъ, докторъ, въ присутствнн работниковъ, людей, которые прежде находились подъ моимъ управленнмъ, и—теперь были свидѣтелями моего позора... Отецъ оставался глухъ къ моимъ просьбамъ.... Я обратился тогда къ Ормонду, который стоялъ подлѣ него... я умолялъ его ходатайствовать за меня.... Ормондъ, обязанный мнѣ всѣмъ, отвѣчалъ презрительнымъ взглядомъ.... По знаку отца, работники схватили меня и вытолкали изъ дома...

«Во второй разъ я былъ выгнанъ!

«Что тогда со мной было, не знаю.... Помню только, что черезъ два часа меня взяли какъ пьянаго, за нѣсколько уже верстъ оттуда, и отвели въ смиренный домъ.

«Я тамъ пробылъ два дня и имѣлъ время обдумать малѣйшня подробности моего свиданія съ отцомъ. Болѣе всего удивляло меня обращенн Ормонда. Онъ, для котораго я столько сдѣлалъ, онъ не могъ сказать ни одного слова въ мою пользу! А! докторъ, я былъ еще молодъ и неопытенъ.... я вѣрилъ еще въ благодарность людей... заблужденн, отъ котораго я излечился со-временемъ! Вѣроятно, думалъ я, Ормондъ будетъ просить за меня; онъ выждетъ удобную минуту.... онъ мнѣ преданъ, я долженъ на него полагаться.... Надо постараться увидать его потихоньку, чтобъ хорошенько съ нимъ посоветываться.

«И потому, какъ только меня выпустили, я, не смотря на жестокой голодь, пошелъ на встрѣчу къ Ормонду, и ждалъ той мнвуты, когда онъ выйдетъ съ завода.

«Дружески подошелъ я къ нему и сталъ откровенно объяснить свое положеніе. Съ первыхъ словъ онъ прервалъ меня и сказалъ тономъ покровительства:

«Послушайте, Филиппъ, я вамъ объявлю одинъ разъ навсегда и прошу не забывать впередъ, что я не желаю имѣть ничего общаго съ вами... пусть вашъ отецъ дѣлаетъ какъ хочетъ, я въ это не вмѣшиваюсь... прощайте; не задерживайте меня пожалуйста... кланяйтесь Фанни, скажите ей—я надѣюсь, что она меня не забыла...

«Вы уже знаете изъ того, что я рассказалъ, докторъ, до какой степени я вспыльчивъ; это новое оскорбленіе было выше силъ моихъ. Насмѣшливый голосъ, съ которымъ онъ произнесъ имя Фанни, отнялъ совершенно у меня разумъ. Получить оскорбленіе отъ этого чловѣка!.. Я схватилъ его за горло, чтобы задушить его...

«Но онъ былъ высокаго роста и необыкновенной силы: онъ вырвался у меня изъ рукъ, повалилъ меня, и хлыстомъ, который былъ у него въ рукахъ, избилъ мнѣ въ кровь лицо и тѣло. Я боролся съ нимъ, сколько было силы, кусалъ, рвалъ его зубами,—все было бесполезно: Ормондъ совершенно овладѣлъ мною и продолжалъ бить меня; наконецъ боль, истощеніе силъ, злоба довели меня до безчувствія. Я лежалъ на землѣ, избитый, въ крови...

«Когда я пришелъ въ себя, я былъ одинъ... Ормондъ ушелъ, оставя меня на произволъ судьбы. Я дотащился кое-какъ до дома; ночь была темная, туманная, я шелъ ощупью. Сколько мыслей боролось во мнѣ, сколько плановъ мщенія составлялъ я!... Ормондъ сильнее меня... нужды нѣтъ! я изберу другой родъ нападенія, я отомщу ему, еслибъ это стоило даже гибели души моей...

«Докторъ, иногда мнѣ кажется, что мои клятвы и угрозы въ эту ночь были услышаны демономъ, и что мы съ нимъ заключили адскій союзъ.

«Я пришелъ къ Фанни; тамъ меня ожидали упреки, жалобы, ссоры и не давали мнѣ покоя ни на минуту. Про-

шли дни, недѣли, положеніе наше становилось все хуже и хуже; мы должны были перейти всѣ степени бѣдности и скрывать нашу нищету отъ людей, также бѣдныхъ, какъ и мы....

«Я—бы однакожь перенесъ эту жизнь, какъ она ни была ужасна, еслибъ Фанни подкрѣпила меня, еслибъ она вознаградила меня своей любовью за то, что я терпѣлъ за нее; одинъ взглядъ, одна ея улыбка оживили-бы меня. Въ бѣдности, но любимый сю, я былъ-бы счастливѣе всѣхъ въ мірѣ.... Но у меня вдругъ все было отнято; Фанни первая оставила меня.... Ну, докторъ, чтобъ утѣшить себя въ этихъ горестяхъ, я прибѣгнулъ къ рому и водкѣ; я весь погрузился въ пьянство, я старался истребить въ себѣ всѣ чувства; я хотѣлъ, чтобъ мой разумокъ, постоянно затемненный виномъ, никогда не прояснялся. Я былъ такъ жалокъ, когда не былъ пьянъ!... Въ такомъ положеніи бродилъ я по улицамъ, презираемый честными людьми и преслѣдуемый криками мальчишекъ.

«Одинъ разъ, сидя въ смиренномъ дому и не имѣя ни капли вина съ собой, я сталъ обдумывать, что если я буду вѣренъ принятому мной правилу—напиваться каждый день, то никогда не приведу въ дѣйствіе своего плана мщенія. Мысль эта поразила меня; я рѣшился быть впередъ воздержнымъ, и, получивъ свободу, сдержалъ свое слово.

«Еще каплю крѣпительнаго, докторъ.... Дайте мнѣ собраться съ духомъ, чтобъ рассказать вамъ то, что я узналъ, пришедши домой.

«Отецъ мой, послѣ того какъ онъ лишилъ меня наслѣдства, былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ. Компаньонъ его, Ормондъ управлялъ заведеніемъ. Всеобщій голосъ обвинялъ меня въ сумасшествіи моего отца; — Ормонда всѣ хвалили за его дѣятельность, за его умъ и внимательность къ дѣламъ. Я узналъ еще, что онъ распускалъ слухъ, будто и я тоже подверженъ сумасшествію.... Если-бы онъ могъ, то и меня съ радостію засадилъ-бы вмѣстѣ съ отцомъ моимъ въ безумный домъ.

«Я узналъ всѣ эти подробности отъ продавца водки,

къ которому зашелъ по дорогѣ. Пробираясь домой, я размышлялъ обо всѣхъ этихъ новостяхъ. Съ каждымъ шагомъ мнѣ становилось грустнѣе и грустнѣе; какія-то предчувствія сжимали мое сердце: я не зналъ, какой встрѣчи ждать мнѣ отъ Фанни, и потомъ страшился, не случилось-ли съ ней чего въ мое отсутствие.

«Вхожу въ нашу комнату... ее нѣтъ тамъ... спрашиваю сосѣдей... она ушла съ своимъ любовникомъ!... Съ любовникомъ!... Изъ всѣхъ моихъ несчастій, это было самое тяжелое; оно поразило меня, какъ-будто подобная развязка любви нашей не была въ порядкѣ вещей, какъ-будто я не долженъ былъ ожидать ея... Но я не способенъ былъ къ тихому отчаянію. Кто этотъ любовникъ?... Внутренній голосъ называлъ мнѣ Ормонда... Да, человѣкъ, который открылъ моему отцу бракъ мой и перемѣну религіи, выгналъ меня изъ отеческаго дома, чтобъ заступить мое мѣсто, онъ долженъ былъ довершить свои подвиги, отнявъ у меня единственное благо, — сердце жены... Можетъ-быть давно уже... О! какое ужасное подозрѣніе!... родственникъ, о которомъ она просила такъ меня... можетъ-быть, это былъ ея любовникъ!...

«Я побѣжалъ какъ безумный; ненависть руководила мной и привела къ дому врага.... Карета ждала его у воротъ... скоро онѣ отворились, и я увидѣлъ мужчину съ женщиной... Это были Ормондъ и Фанни... Фанни богато одѣтая!... Она опиралась на его руку, смотрѣла на него съ тѣмъ неизъяснимымъ выраженіемъ нѣжности, которое прежде часто отнимало у меня разсудокъ.... Ахъ, докторъ! всѣ мои физическія страданія и самая смерть ничто въ сравненіи съ этииъ воспоминаніемъ!

«Они рядомъ съли въ карету. Въ этотъ день открывали театръ въ томъ городкѣ, въ которомъ я жилъ и который былъ очень-близко отъ завода. Фанни и Ормондъ поѣхали теперь туда; колесо кареты ихъ задѣло меня... они меня не замѣтили... Я побѣжалъ за ними, какъ волкъ за добычей.

«Вы, можетъ-быть, удивляетесь, какъ я не убилъ ихъ въ ту же минуту? Терпѣніе, докторъ! Въ самомъ страда-

ни есть такая утонченности, которыми можно наслаждаться съ какой-то дикой радостью... Въ это время от-радно вполне видѣть свое несчастіе, терпѣть оскорбленія, измѣну, для того, чтобъ имѣть больше права роптать на судьбу, ненавидѣть людей и мстить имъ... И потомъ убить ихъ, обоихъ, у меня не было орудія; Ормондъ снова-бы одолѣлъ меня, и при ея глазахъ!... Нѣтъ, нѣтъ, смерть легче этого униженія! Меня мучили и ненависть, и ревность, но я рассчитывалъ свои удары, чтобъ вѣрнѣе нанести ихъ. Я былъ въ одно время съ Фанни у подъезда театра; они вошли въ него посреди веселой толпы; я не могъ за ними слѣдовать... мнѣ не на что было взять и послѣдняго мѣста!...

«Въ эту ночь я рѣшился на первую покражу... Тысячу разъ я подтасовывалъ карты, но никогда не кралъ... нужно было слѣлать первый шагъ и я рѣшился... на вырученныя деньги купилъ я пистолеть, пули, порохъ... и пошелъ бродить около театра. Какъ долги казались мнѣ часы! я раздумывалъ обо-всемъ злѣ, нанесенномъ мнѣ ими... Ормондъ взялъ мою жену къ себѣ въ домъ, прикрываясь щитомъ родственника; онъ умѣлъ соединить свои удовольствія съ приличіями; и въ то время, какъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ, Фанни и онъ... О! съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я той минуты, когда однимъ ударомъ заплачу имъ за все!...

«Эта долго-жданная минута наконецъ настала! Представленіе кончилось, — толпа хлынула изъ театра: Ормондъ вышелъ вмѣстѣ съ своей любовницей, — они сѣли въ карету, — я бросился вслѣдъ за ними.

«Ночь была прелестная, — тихая, спокойная ночь; но что мнѣ было за дѣло до этой тишины природы?... гроза бушевала въ душѣ моей... я различалъ голоса этихъ двухъ измѣнниковъ... они смѣялись, разговаривали... и я былъ тутъ, истомленный усталостью, нуждой, покрытый лохмотьями. Была минута, когда карета приостановилась на одномъ пригоркѣ... Я зарядилъ пистолеть, подошелъ къ дверцѣ... поднялъ руку... но минутное размышленіе остановило меня. Что я хотѣлъ

сдѣлать? убить ихъ въ минуту ихъ веселости, убить такъ, что они не успѣютъ и опомниться, и не узнаютъ, чья рука поразила ихъ?... Такой-ли мести желалъ я!

«Я отложилъ свое намѣреніе; карета ихъ уѣхала. Что касается до нихъ, они такъ были заняты другъ другомъ, что и не замѣтили меня.

«И такъ я остался одинъ въ мирѣ, отринутый отцомъ, брошенный женою, лишенный наслѣдства, безъ всякихъ средствъ къ существованію! Я попробовалъ приняться за работу, вступилъ на фабрику какъ простой работникъ, но черезъ недѣлю меня выгнали за пьянство.

«Тогда я заглушилъ въ себѣ голосъ совѣсти и присоединился къ шайкѣ мошенниковъ, которые перегоняли водку въ самыхъ отдаленныхъ горахъ. Шайка наша состояла изъ двѣнадцати человекъ, болѣе или менѣе погрязшихъ въ пороки и преступленія. Чтобъ сбывать произведенія наши, мы вели контрабанду съ островомъ Мэнномъ и съ Англійей. Познанія мои въ искусствѣ гнать водку доставили мнѣ отличный приѣмъ; я былъ для товарищей моихъ драгоценной находкой и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ главныхъ лицъ въ шайкѣ. Аппаратъ нашъ былъ очень простъ и удобенъ для переноски съ одного мѣста на другое. Мы часто перемѣняли наше жительство: мастерской нашей были, то шалашъ посреди болота, то пещера, вырытая въ горѣ, то утесы на берегу моря но всегда не слишкомъ въ далекомъ разстояніи отъ города.

«Развалины стараго замка, которыя вы, можетъ-быть, знаете, докторъ, потому-что онѣ только двадцать миль отсюда, служили намъ долго убѣжищемъ. Близость къ морю была для насъ большимъ удобствомъ. Все строеніе, исключая одной башни, которая еще стояла, представляло кучу камня и кирпича; подъ башней былъ большой сводъ, въ который не было другаго входа, кромѣ узкой лѣстницы, закрывавшейся западнею. Но только для сообщенія свѣжаго воздуха мы продѣлали въ стѣнѣ довольно-большую дыру, прикрытую снаружи листьями и плющомъ.

«Какъ ни удобно было во многихъ отношеніяхъ убѣжище это, но такъ-какъ оно было очень нездорово, то мы рѣшились оставить его и перемѣститься въ забытыя

развалины старой мельницы. Она была на берегу моря, въ двадцати миляхъ отсюда.

«Нигдѣ не могли-бы мы найти мѣста для насъ удобнѣе. Кругомъ утесы, совершенно-скрывавшіе насъ, ручей, стекающій въ море, а далѣе поля необработанныя и необитаемыя. Водю доставляли мы себѣ все нужное. Маленькія лодки перевозили ночью наши произведенія. Жизнь наша была самая веселая; я забылъ Ормонда, забылъ Фанни, Фанни, которую я такъ любилъ и которая такъ безстыдно измѣнила мнѣ! А когда воспоминаніе объ нихъ начинало тревожить меня, я пилъ.... Водка была всегда готовое средство.....»

«Слишкомъ большое количество вина, перегоняемого нами, возбудило наконецъ подозрѣніе заводчиковъ; составили общество для прекращенія этой вредной торговли и назначили большія награды тѣмъ, кто откроетъ преступниковъ. Секретарь общества, самый дѣятельный членъ его, былъ Ормондъ....»

Но мѣры, предпринимаемыя ими, ни сколько не тревожили насъ. Въ городѣ у насъ былъ агентъ, извѣщавшій обо всемъ; мы были увѣрены въ немъ, какъ-будто человѣкъ въ состояніи устоять противъ денежнаго искушенія! Агентъ нашъ долженъ былъ измѣнить намъ—и измѣнилъ.

«Въ одно прекрасное утро я сидѣлъ съ однимъ изъ моихъ товарищей, Томми, въ развалинахъ мельницы. Томми первый услышалъ глухой шумъ, похожій на шорохъ приближающихся людей. Сначала мы подумали, что это наши товарищи; они рано уѣхали въ маленькой тележкѣ, за нѣкоторыми нужными для насъ вещами. Томми сталъ вслушиваться внимательно и узналъ мѣрные шаги солдатъ.... Мы бросились вонъ изъ развалинъ и увидали во стѣ шагахъ отрядъ подъ предводительствомъ офицера и Ормонда.

«Ормондъ былъ на чудесной лошади и съ трудомъ управлялъ ею. Онъ замѣтилъ насъ между утесами, куда мы скрылись, узналъ меня и подавъ знакъ солдатамъ; самъ онъ тоже бросился за нами.

«Но мѣстоположеніе благоприятствовало нашему бѣгству; мы успѣли достигнуть берега и броситься въ лодку, которая была приготовлена на всякой случай. Не успѣли мы отчалить, какъ Ормондъ былъ уже на берегу; ярость его была выше всякаго сравненія; онъ хотѣлъ броситься съ лошадыю за нами въ воду; но она поднялась на дыбы и сбросила его. Ормондъ, не вышуславшій узды изъ рукъ, всталъ и выместилъ на бѣдномъ животномъ досаду свою.»

Отдалившись на довольно-большое разстояніе отъ нашихъ непріятелей, мы перестали грести и начали слѣдить за всѣми ихъ движеніями. Предводительствующій отрядомъ офицеръ развернулъ какую-то бумагу и прочелъ ее вслухъ, послѣ чего солдаты приступили къ истребленію всѣхъ аппаратовъ нашихъ.

«Все это время, докторъ, я неподвижно смотрѣлъ на того, кто былъ виною всѣхъ несчастій моихъ, и кто въ эту минуту съ такимъ ожесточеніемъ старался погубить меня совершенно. Онъ поощрялъ солдатъ, суетился и, казалось, чувствовалъ живую радость, смотря на истребленіе всего, что принадлежало намъ. Что слѣлалъ я этому человѣку? за что онъ такъ ненавидитъ меня?... За весьма-многое: я былъ его благодѣтелемъ!..»

«Томми посылалъ издали тысячи проклятій и офицеру и солдатамъ.... Я, докторъ, молчалъ; я былъ весь преданъ одной мысли, одному желанію—мести! Въ глубинѣ души моей, я молилъ.... да, я молилъ злаго духа доставить случай и средство отомстить ему.»

«Истребивъ наши аппараты, солдаты зажгли спиртъ, котораго было у насъ довольно много; пламя, пробиваясь изъ разщелинъ стараго строенія, поднялось густыми столбами. Зрѣлище это испугало лошадь Ормонда; тщетно удерживалъ онъ ее: она взбѣсилась и понеслась съ своимъ всадникомъ по окрестнымъ полямъ.»

«Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ отправился по дороге, ведущей въ городъ; Ормонда не было.»

«Когда мы перестали уже бояться за безопасность нашу, то причалили къ берегу. Развалины мельницы были»

въ прежнемъ состояніи, но все, что въ нихъ находилось нашего, было сожжено, изломано до послѣдней бездѣлицы. Тутъ нечего было намъ больше дѣлать; спрятавши лодку въ утесахъ, мы пошли къ башнѣ, о которой я уже говорилъ вамъ; мы въ ней не жили, но она по-прежнему служила намъ магазиномъ. Товарищи наши поѣхали туда еще утромъ.

«Приближаясь къ ней, мы увидали лошадь Ормонда, привязанную къ обломку стѣны и всю въ поту. Изъ башни доходили до насъ крики и угрозы. Двое изъ шайки нашей выбѣжали къ намъ навстрѣчу и въ восторгѣ рассказывали, что въ то время, какъ они готовились уже ѣхать, лошадь Ормонда занесла его къ нимъ. Они схватили его, связали и отнесли въ башню.

«При этой новости, докторъ, вся кровь моя прилила къ головѣ; сердце сильно забилося и я едва могъ устоять на ногахъ.

«Томми разсказалъ между-тѣмъ нашимъ товарищамъ происшествіе на мельницѣ и живое участіе, которое плѣнникъ нашъ принималъ въ немъ. Извѣстіе это было принято съ угрозами и клятвами мщенія. Тутъ было восемь человѣкъ, не знавшихъ другаго закона, кромѣ страстей своихъ, восемь человѣкъ, которыхъ Ормондъ преслѣдовалъ неустомимо и которые горѣли нетерпѣніемъ воздать зломъ за зло; но что значила ихъ жажда мщенія въ сравненіи съ моею?

— Я хочу видѣть его, сказалъ я имъ: приведите его сюда. Черезъ минуту западня поднялась и Ормондъ предсталъ предъ нами.

«При взглядѣ на него, докторъ, неизъяснимая радость наполнила все мое существованіе.

«Ноги его были связаны, и потому онъ спотыкался на каждомъ шагу. Быстрый переходъ отъ совершенной темноты къ свѣту ослѣпилъ его. Томми бросился на него и ударилъ изо-всей силы; несчастный съ пронзительнымъ крикомъ упалъ на землю. Его подняли, стараась между-тѣмъ укротить раздраженнаго Томми.

«Когда Ормондъ увидѣлъ меня передъ собою, лицо его блѣдное отъ страха, позеленѣло; колѣна подогну-

лись, зубы тряслись, всё члены дрожали, — онъ страшился меня... и я наслаждался его страхомъ....

— «О, если — бѣ я не удерживалъ себя, съ какимъ-бы удовольствіемъ высказалъ ему все, чего онъ стоилъ!... Не имѣлъ-ли я на то права? отнятое наслѣдство, изгнаніе изъ дома, обольщенная жена!... Но я побѣдилъ себя; я сохранилъ достоинство судьи и удовольствовался только тѣмъ, что объявилъ ему неизбѣжную смерть.

«Услыша отъ меня приговоръ этотъ, онъ поблѣднѣлъ еще болѣе; простиралъ ко мнѣ умоляющія руки, просилъ пощады, предлагалъ намъ, предлагалъ мнѣ деньги, забвеніе прошлаго, обѣщалъ доставить средства уѣхать изъ Англіи.... Мы не хотѣли слушать его. Снова заперли его подъ сводомъ, и заложили западню каменьями.

«Ормондъ долженъ былъ умереть, но какъ? и кто возьмется за это? Томми предлагалъ бросить жребій, но я предложилъ себя. Въ короткихъ словахъ разсказалъ я имъ свою исторію, описалъ жажду мщенія.... Мщеніе! они поняли это слово, и мое требованіе было исполнено.

«Вотъ планъ, придуманный товарищами моими:

«Они должны были тотчасъ-же устроить все необходимое для отъѣзда; Томми придетъ увѣдомить меня, когда все будетъ кончено. Я соединюсь съ ними въ извѣстномъ мѣстѣ и мы всё разомъ отправимся въ Америку.

«Они уѣхали и я остался одинъ, на цѣлый день. Задавъ лошади Ормонда соломы и овса, я долго любовался ею. Не она-ли предала въ мои руки врага моего?... По-временамъ садился я на камни, которые заграждали входъ въ башню; слушалъ жалкіе стоны моего плѣнника и обдумывалъ родъ его смерти.

«На слѣдующую почъ Томми возвратился, и увѣдомилъ, что товарищи ждутъ только меня. Ужасная минута на-конецъ наступила!.... Мы откинули камни, наваленные на западню, и сошли....

«Представьте, докторъ, каковó было наше удивленіе, когда мы не нашли подъ этимъ сводомъ Ормонда! Вѣровка, которою онъ былъ связанъ, лежала на полу; но что съ нимъ случилось?... Отчаяніе мое не имѣло границъ; я

походилъ на хищнаго звѣря, у котораго отняли добычу, я кричалъ отъ досады. Томми, который былъ равнодушнойе меня и лучше владѣлъ собою, внимательно осмотрѣлъ все и понялъ въ чемъ дѣло.... Я говорилъ вамъ объ отверстіи, которое мы сдѣлали въ стѣнѣ, чтобъ сообщать воздухъ: Ормондъ воспользовался этимъ средствомъ къ спасенію; веревки онъ перетеръ объ камень; я думалъ уже, что онъ успѣлъ спастись, какъ вдругъ слышу шумъ.... бросаюсь туда.... Ормондъ просунулъ голову въ отверстіе и старался вылѣзть совсѣмъ; мускулы его были напряжены; лицо все въ крови и въ поту.

«Мы схватили его прежде, нежели онъ успѣлъ освободить свои руки. Съ трудомъ могли мы одолѣть его; не смотря на истощеніе отъ голода, онъ сильно противился намъ, но насъ было двое противъ одного; послѣ продолжительной борьбы мы повалили его, связали ноги и руки.

«Съ минуту былъ онъ неподвиженъ; потомъ, собравъ послѣднія силы, принялся кричать и звать на помощь; голосъ его былъ необыкновенно пронзителенъ и силенъ... Я всунулъ ему въ ротъ ручку моего ножа и этимъ средствомъ принудилъ его замолчать....

— Не лучше-ли вамъ сей-часъ-же раздѣлаться съ нимъ? спросилъ меня Томми.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: у меня другой планъ... Запряги въ нашу маленькую тележку лошадь этого человѣка.... когда кончишь, приди мнѣ сказать.

«Я остался одинъ подлѣ Ормонда, который съ глухимъ стономъ катался по полу; веревки врѣзывались ему въ тѣло: такъ сильно старался онъ разорвать ихъ.

«Наконецъ Томми пришелъ сказать мнѣ, что тележка готова: мы положили въ нее плѣнника нашего; я сѣлъ на козлы, взявъ поводья и обращаясь къ моему товарищу, я сказалъ ему.

— Теперь, Томми, мнѣ тебя не нужно. Заботься о себѣ, воротись къ нашимъ.... Если съ восходомъ солнца я не присоединюсь къ вамъ, поѣзжайте одни и представьте меня судьбѣ моей.

«Въ то же время, я ударилъ лошадь и мы понеслись.

Томми съ минуту слѣдовалъ за мною... потомъ темнота скрыла насъ другъ отъ друга.

(Тутъ Филиппъ снова остановился и какъ-будто старался что-то припомнить. Вообще рассказъ этотъ очень утомилъ его; я самъ былъ пораженъ имъ и боялся далье слушать, предчувствуя что-то ужасное. Я совѣтовалъ ему перестать говорить и успокоиться, но онъ покачалъ головой, и взглянувъ на меня быстро):

«Нѣтъ, докторъ, сказалъ онъ, минуты мои изотчены... Дайте мнѣ докончить пока есть еще силы.... Мнѣ кажется, что потребность высказать все, что лежитъ на душѣ моей, подкрѣпляетъ меня.... Я вамъ сказалъ уже, что я остался одинъ на тележкѣ съ моимъ плѣнникомъ. Ормондъ употреблялъ неестественныя усилія, чтобъ разорвать веревки; я ему показалъ кинжалъ и сказалъ, что при первой попыткѣ къ освобожденію, я убью его. Испугавшись такой угрозы, онъ усмирился; я снялъ у него и повязку со рта.

«Это подало ему нѣкоторую надежду: мое наружное спокойствіе, время, которое прошло съ той минуты, какъ я объявилъ ему смертній приговоръ его, и, наконецъ, послѣднее доказательство моего желанія обращаться съ нимъ кротко, все это ободрило его. Онъ думалъ, что я тронусь его мольбами, прошу его.... онъ забылъ, какія сильныя были причины моего мщенія!

—Молодой хозяинъ, говорилъ онъ мнѣ умоляющимъ голосомъ,—такъ звали меня всѣ работники на заводѣ, и самъ Ормондъ, въ то время, когда онъ былъ первымъ прикащикомъ, не называлъ меня иначе;—молодой хозяинъ, продолжалъ онъ: ради Бога, что вы хотите со мной дѣлать?

«Я ничего не отвѣчалъ и только погонялъ лошадь; телега скакала быстро; ночь была темная, начиналась буря.

—Что вы хотите со мной дѣлать? спросилъ еще Ормондъ: о, сжальтесь, простите меня! я былъ очень виноватъ передъ вами, да, очень виноватъ, но я раскаиваюсь, и исправлю вину мою.

— Поправишь? насмѣшливо спросилъ я: а сумасшедшій отецъ мой?

— Онъ выздоровѣетъ, онъ опять будетъ любить васъ. Я буду такъ усердно за васъ заступаться.... Но пощадите меня, пощадите!

— А мое потерянное наслѣдство....

— Я вамъ отдамъ половину вашего имѣнія, отдамъ половину доходовъ съ завода, но простите, ради Бога, оставьте мнѣ жизнь!

— А жена моя?! закричалъ я задыхающимся голосомъ, пересчитывая все, что онъ мнѣ сдѣлалъ: эта несчастная, которую ты обольстилъ....

— Простите! простите! я употребилъ во зло довѣренность вашу, я былъ неблагодаренъ, вѣроломъ.... Не убивайте меня; я буду вашимъ рабомъ, я отдамъ вамъ имѣніе ваше, не половину, а все.... О, не убивайте меня. Я уничтожу духовную, которую отецъ вашъ сдѣлалъ въ мою пользу, я ничего не оставлю себѣ.

«Докторъ, голосъ этого человѣка раздиралъ душу... Мнѣ кажется, что я еще слышу его. Между-тѣмъ, тележка продолжала ѣхать; вѣтеръ сливалъ его стоны съ шумомъ моря.

— Боже мой, продолжалъ Ормондъ: какими словами надо умолять васъ, чѣмъ могу я васъ тронуть? Оставьте мнѣ жизнь,—дайте мнѣ хоть день, хоть часъ....

«Онъ не видалъ лица моего, но по голосу онъ могъ судить, что рѣшеніе мое неизмѣнно. Въ эти ужасныя минуты я былъ спокоенъ и непоколебимъ, какъ самъ законъ.

«Мнѣ оставалось узнать еще одно: я удержалъ поводья, привсталъ и, смотря пристально на него:

— Ормондъ, спросилъ я, родственникъ-ли ты Фанни?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: мы васъ обманули; никогда не были мы родными.... Я ничего не скрою отъ васъ; пусть мое признаніе служить вамъ доказательствомъ моего раскаянія.

— Стало быть, прибавилъ я, прежде моего брака....

— Мы уже были съ ней за-одно; деньги, которыхъ вы не щадили для нея, она отдавала мнѣ.... Она была уча-

стницей во всемъ.... Простите еще разъ, вы видите, что я не стою даже гнѣва вашего....

«Я ничего не отвѣчалъ, — я не могъ произнести ни одного слова. Я схватилъ Ормонда и выбросилъ его изъ тележки.

«Тогда, докторъ, этотъ несчастный понималъ, что онъ долженъ былъ умереть, хотя еще и не зналъ, какого рода смерть готовилъ я ему. Онъ привсталъ на колѣни, заклиналъ меня Богомъ, всѣмъ для меня священнымъ.... слезы, рыданія заглушали его голосъ.... нельзя пересказать всѣхъ страданій его.... я смотрѣлъ, какъ онъ вличился у ногъ моихъ—и понималъ наконецъ, что значить мщеніе! Теперь я наслаждался именно мщеніемъ, и мщеніемъ тѣмъ, о которомъ мечталъ.

«Я подошелъ къ Ормонду.

—Вспомни, сказала я ему, ту ночь, когда ты, вмѣстѣ съ Фанни, выходилъ изъ театра: въ ту ночь я былъ подлѣ васъ, съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ; я могъ убить васъ обоихъ.... и ежели не сдѣлалъ этого, такъ потому только, что желалъ большаго и лучшаго мщенія.... Теперь я могу исполнить свое желаніе.

«И въ то же мгновеніе я повалилъ его навзничъ, схватилъ за ноги и крѣпко привязалъ веревкой къ задней части телеги.

«Ормондъ начиналъ понимать!

«Крики его не были похожи на человѣческіе; они наполнили собой воздухъ, и вѣтеръ, дувшій съ моря, относилъ ихъ къ горамъ.... Я вскочилъ на козлы, погналъ лошадь, что было силы, и поскакалъ какъ стрѣла!

«Докторъ!... докторъ! это былъ адской поѣздъ!

«Дорога была камениста, изсѣчена между утесовъ, усѣяна кремнями. Долго удерживаемыя мной страсти взяли наконецъ верхъ; — я былъ какъ безумный.... назадъ я не смѣлъ глядѣть, но слышалъ.... да, докторъ.... не содрагайтесь.... я слышалъ, какъ голова его стучала о камень.

«И я кричалъ, «пошелъ! пошелъ!» и только погонялъ лошадь!

«Да, это точно былъ адской поѣздъ. Буря, давно уже начинавшаяся, разразилась во всей силѣ: молніи блистали; громъ гремѣлъ: стихіи какъ-будто боролись между собою. Три мили скакали мы такъ. Наконецъ одно колесо сломалось; я опрокинулся вмѣстѣ съ тележкой, вполнину сломанной, но подлѣ которой еще висѣлъ трупъ Ормонда! Я всталъ и первымъ движеніемъ моимъ было освободить лошадь, которая запуталась въ вожжахъ, и была вся въ пѣнѣ. Привязавъ ее къ дереву, я посмотрѣлъ, въ какомъ положеніи была жертва моя.

«Ормондъ уже умеръ. . . . Но для чего вы закрываете лицо, для чего отворачиваетесь, какъ-будто вы не въ-силахъ безъ ужаса представить себѣ этой картины? Вамъ жаль *его*? и ужасенъ вамъ? А, докторъ! онъ умеръ одинъ разъ, а я—я терпѣлъ тысячу смертей!»...

Меня точно поразилъ рассказъ этотъ, и я снова просилъ прекратить его; но силы несчастнаго какъ-будто возвратились, онъ продолжалъ;—однако голосъ его ослабѣвалъ постепенно.

«Нѣсколько минутъ я смотрѣлъ на остатки Ормонда и дивился, что чувство ненависти къ нему во мнѣ погасло.... я думалъ, что наслажденіе мщеніемъ продолжалось долѣе! Надо было избавиться отъ трупа его. Я перегнулъ трупъ на двѣ половины, связалъ веревками, и хотѣлъ положить на лошадь.... но лишь только я подошелъ къ ней, она надула ноздри, страшно заржала, какъ будто чувствуя кровь своего господина! Что дѣлать? нести самому? я былъ не въ состояніи и даже.... зачѣмъ скрывать? видъ этого обезглавленнаго тѣла имѣлъ странное вліяніе на мои нервы.... я закрылъ платкомъ глаза лошади, положилъ трупъ ей на спину и черезъ часъ доѣхалъ до берега, гдѣ меня ожидали товарницы.

«Я рассказалъ имъ, какъ умертвилъ ихъ плѣнника; они слушали меня непрерывая, и когда я кончилъ, никто не сказалъ ни слова. Тѣло положили въ нашу барку; лошадь пустили на волю, предоставя ей на свободѣ искать новаго господина. Доплывъ до середины канала Святаго

Георгія, мы бросили трупъ Ормонда въ море, на съѣденіе рыбамъ.

«Исторія моя приближается къ концу, докторъ; силы истощаются... жизнь покидаетъ меня... надо однако-же кончить...

«Мы приплыли къ берегамъ Голландіи и шайка наша разсѣялась; я двадцать лѣтъ велъ скитальческую жизнь по всему свѣту: былъ солдатомъ, морякомъ, негодяномъ, плантаторомъ, однимъ словомъ, я перепробовалъ все, былъ даже морскимъ разбойникомъ... но надо сократить...

«Мѣсяць тому назадъ, я очутился, самъ не помню въ слѣдствіе какихъ обстоятельствъ, въ Ирландіи... Да, докторъ, я не вѣрилъ прежде, но вижу, что невидимая рука управляетъ нами... ни время, ни пространство не укроютъ васъ; вы очутитесь за четыре тысячи миль для того только, чтобъ умереть тамъ, гдѣ вамъ назначено... Впрочемъ, можетъ-быть, это и заблужденіе... я возвратился въ Ирландію для того, чтобъ увидѣть свою родину. Я принадлежалъ тогда къ толпѣ цыганъ; въ Шотландіи мы исправляли ремесло жнецовъ.

«За нѣсколько миль отсюда, вздумалъ я снова приняться за мастерство водочнаго заводчика; меня прельщала не прибыль, а то, что у меня будетъ въ волю рому и водки. Привычка пить обратилась у меня въ необходимость... я пилъ для того, чтобъ забытья!

«Я сообщилъ свое намѣреніе товарищамъ и они единодушно одобрили его. Мы рѣшились расположиться въ томъ мѣстѣ, удобства котораго мнѣ были совершенно извѣстны и я поѣхалъ искупить все нужное. Идя по городу, я встрѣтилъ женщину, видъ которой поразилъ меня. Я посмотрѣлъ на нее внимательнѣе.... это была она, докторъ... это была Фанни!

«Какъ сильна первая любовь! Фанни была еще прекрасна; ни годы, ни бѣдность не лишили ее красоты, которая для меня была такъ пагубна. Но если-бъ она и не была хороша, я бы съ радостію смотрѣлъ на нее. Хоть она и измѣнила мнѣ, но я не могъ ее ненавидѣть. Мщеніе мое было обращено на ея товарища, но не на нее; я находилъ очень

естественнымъ тó, что она бросила меня для другаго; я понималъ, что пылкость моей любви должна была страшить ее.

«И такъ я былъ счастливъ, увидѣвъ ее послѣ двадцатилѣтней разлуки. Она только тогда узнала меня, когда я сказалъ ей свое имя, и послѣ первой минуты удивленія, она общлась со мной очень-ласково. Не стану описывать вамъ сцену объясненій, упрековъ, извиненій; если вы хоть сколько-нибудь опытны, то поймете, какъ она кончилась. Фанни взяла надо мной прежнюю силу.

«Она рассказала мнѣ, что спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ исчезъ Ормондъ, лошадь его была найдена у двухъ странствующихъ купцовъ: они нашли ее на берегу моря. Стали разыскивать, и рѣшили, что несчастный Ормондъ былъ убитъ своей лошадью.

«Я въ свою очередь рассказала Фанни, какой смертью погибъ ее любовникъ. Я торжествовалъ, рассказывая ей всѣ эти ужасныя подробности. Она слушала меня молча, — я жадно смотрѣлъ на нее; лицо ея не выразило никакого волненія. Я-бы желалъ, чтобъ она живѣе почувствовала это: нечувствительность ея оскорбляла меня...

— «Фанни согласилась жить со мною и присоединиться къ нашей шайкѣ. Ея непоколебимая твердость; умѣнье хитрить, обманывать бдительность таможни, оказали намъ большія услуги.

«Мы устроили нашу лабораторію въ тѣхъ развалинахъ, о которыхъ я вамъ уже рассказывалъ, подъ той башней, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ сидѣлъ Ормондъ. Сводъ существовалъ еще: я былъ тамъ почти всегда одинъ, за работою, а товарищи мои ѣздили за всѣми необходимыми припасами, или сбывали мои произведенія.

«Тамъ-то работалъ я въ одно утро, полупьяный; вдругъ слышу смѣшанный шумъ шаговъ и голосовъ; но я успокоился, узнавъ между ними голосъ жены моей и подумалъ, что это были наши товарищи.

— Но, докторъ, шумъ этотъ былъ не обыкновенный; ходили, разговаривали съ осторожностію... потомъ, прежде нежели я успѣлъ опомниться, услыхалъ я на верху лѣстницы, которая вела въ сводъ, стукъ оружія.

«Мнѣ измѣнили.... я погибъ!»

— Тутъ! произнесъ слишкомъ-знакомый мнѣ голосъ: онъ тутъ, спуститесь по лѣстницѣ,—вы найдете убійцу несчастнаго Ормонда.

«О, Фанни, Фанни! ты предала меня! твоя рука нанесла мнѣ и послѣдній ударъ!»

— Пойманный какъ лисица, въ норѣ безъ выхода, я все-таки не отчаявался въ своемъ спасеніи. Я вспомнилъ тотчасъ-же о томъ отверстіи, черезъ которое Ормондъ едва-было не успѣлъ спастись. Я былъ меньше ростомъ, ловче его.... я полѣзъ въ это отверстіе и съ чрезвычайными усиліями достигъ уже до половины стѣны, которая имѣла отъ восьми до девяти футовъ ширины. Непредвидѣнное препятствіе остановило меня: огромный камень, отдѣлившись отъ стѣны, закрывалъ совершенно проходъ: надо было оттащить его,—но какъ? Время было дорого, непріатели мои сходили уже по лѣстницѣ.... Рѣшившись открыть себѣ выходъ, я напрягъ все мускулы, вытянулся,—головой и плечами я дѣлалъ усилія невѣроятныя. При первомъ разѣ камень сталъ уступать, при второмъ препятствіе исчезло, отверстіе освободилось, но въ эту самую минуту, докторъ, въ минуту моего освобожденія, башня обрушилась съ ужаснымъ трескомъ и я былъ раздавленъ ея обломками.

— Чтѣ со мной было послѣ, я не знаю. Помню смутно груду камней, громъ.... потомъ ничего.... Кажется, я долго былъ безъ чувствъ.... Когда я опомнился, то былъ весь заваленъ камнями, которые давили мнѣ грудь; но я уже не чувствовалъ.... страданія мои были невыразимы.

Солдаты вытаскивали меня изъ подъ развалинъ башни; нѣкоторые изъ нихъ погибли подъ сводомъ.... Фанни тоже.

— Итакъ, докторъ, я отмстилъ Ормонду.... Фанни отмстила мнѣ за него и потомъ сама.... да, тутъ чтѣ-нибудь да есть!... Бѣдная Фанни! я-бы не желалъ умереть отъ ея руки.... я-бы радъ былъ.... да, докторъ, этотъ обезображенный трупъ.... да, я-бы желалъ не убивать Ормонда....

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ЭПИГРАММА.

Много есть под небесами
Чуждых странъ, прекрасныхъ странъ;
Но межъ этими странами
Лучшій край намъ Зевсомъ данъ.
Обойди всѣ веси, грады,
Весь обширный этотъ свѣтъ,
Но милѣй родной Эллады
Въ цѣломъ свѣтѣ край нѣтъ!

Здѣсь Зефиръ прохладный вѣетъ,
Дышетъ нѣгой луна,
И прозрачная синѣетъ
Вдоль по берегу волна;
Лавръ раскинулся широко,
Устремился тополь въ высь,
И нагнулся одиноко
Надъ могилой кипарисъ.

Воздухъ нѣгой навѣваетъ,
Съ тихимъ вѣтромъ шепчетъ гдѣсь,
И привѣтливо сіяетъ

---

* Этѣ прекрасныя строфы заимствованы нами изъ Трилогіи «Клитемистра», сочиненія молодого талантливаго поэта В. Р. Зотова. Эта трилогія составляетъ, по нашему мнѣнію, замѣчательное явленіе въ современной русской литературѣ, и мы не преминемъ украсить этимъ произведеніемъ одну изъ ближайшихъ книжекъ нашего изданія. Ред.

Солнце яркое съ небесъ.
 Въ яркихъ краскахъ дугъ пестрѣть,
 Ароматами богатъ,
 И налившись сокомъ зрѣть
 Въ полныхъ гроздахъ виноградъ!

Чудный край, куда сошли
 Боги нѣкогда съ небесъ,
 Гдѣ вожди, герои жили,
 Гдѣ сражался Гераклъ,
 Гдѣ Язонъ въ свой путь собрался,
 Мудро царствовалъ Тезей,
 Въ звучныхъ пѣсняхъ разливался
 Трелью чудною Орфей.

Чудный край, гдѣ смертный новон
 Жизнью дышетъ естества,
 Гдѣ природа подъ покровомъ,
 Подъ влчаньемъ божества,
 Гдѣ Дриада молодая
 Дубъ заветный свой хранитъ,
 Нимфа, слезы проливая,
 Свѣтлой рѣчкою бѣжитъ.

Чудный край, гдѣ въ ночь Диана
 Съ неба, блѣдная, глядитъ,
 Гдѣ свирѣль Сатира — Пана
 О Сириккѣ говоритъ,
 Дафна въ лавръ жизнь кончаетъ,
 Филомелы слышенъ стонъ,
 И головку наклоняетъ
 Съ тихой грустью Анемонъ.

Чудный край, гдѣ кони Феба,
 Разсыпая искръ каскадъ,
 Снопъ лучей, по своду неба,
 Въ колесницѣ бога вьютъ!

Чудный край, гдѣ породился
 Гордый смертный съ божествомъ,
 Гдѣ покорно онъ склонился
 Предъ судьбою въ прахъ меломъ.

КЪ КРАСАВИЦѢ, ВЮЖАЮЩЕЙ ТАБАКЪ.

Лѣтъ пять тому назадъ, вы были такъ прелестны,
Такъ оболстительны, такъ чудно-хороши;
Вашъ вкусъ и прихоти такъ были интересны,
И ваша рѣчь текла изъ глубины души.
Тогда поэзіи вы преданы такъ были,
И все въ васъ чистою поэіей было;
Воображеніе, какъ лилія, цвѣло,
И беззавѣтно вы и дѣвственно любили....

А нынѣ, посмотрю,—вы въ дружбѣ съ табакомъ;
Любовь, поэзію вы замѣнили вистомъ....

Въ проклятомъ порошокѣ, зловонномъ и нечистомъ,
Вы наслажденіе находите тайкомъ!

Бывало—помнители?—восторженный и нѣжной,

Стремительно бѣжала я къ ручкѣ бѣлоснѣжной;

А нынѣ—но прошу за правду извинить—

Я къ ручкѣ съ табакомъ не въ силахъ подходить.

Когда уроните, сидя за партъей виста,

Не кинусь поднимать я вашъ платокъ нечистой.

О бросьте-же табакъ и карты, я молю!

Все это не для васъ,—не ваша эта сфера.

Вы хороши еще, вы милы, какъ Цигера,

Но я васъ за табакъ, ей-Богу, не люблю!

ПРАВДА.

ПРЕЖНІЕ И НЫНѢШНІЕ ХУДОЖНИКИ.

Одинъ знаменитый итальянскій поэтъ, видя, какъ археологическія рѣдкости прошедшихъ вѣковъ исчезаютъ отъ жадныхъ спекуляцій торгашей, восклицаетъ съ благороднымъ негодованіемъ: «Увы! древніе города исчезаютъ!»—Воскликнемъ и мы съ нашей стороны: *«Истинные артисты исчезаютъ, если уже не исчезли.»* Тотъ вѣкъ уже далеко отъ насъ, когда человѣкъ исключительно посвящалъ себя какому-нибудь направленію своихъ идей и склонностей, когда онъ почиталъ себя призваннымъ какимъ-то мановеніемъ свыше и шелъ всю жизнь по этому избранному пути, отвергая всякую другую мысль, другое занятіе и менѣе всего беспокоясь о матеріальныхъ выгодахъ жизни. Онъ тогда имѣлъ полное право сказать: *«Я артистъ!»*—Съ тѣхъ поръ все измѣнилось, теперь мы видимъ совсѣмъ противное. Теперь артистъ, или тотъ, кому дають это названіе, думаетъ только о деньгахъ, о богатствѣ, а занятія и труды на поприщѣ искусства почитаетъ онъ второстепеннымъ дѣломъ.—Прежде искусство было цѣлю жизни, теперь оно сдѣлалось *средствомъ*. Это—великое зло! Мы не хотимъ увѣрять, что въ прежнія времена все дѣлалось лучше, а теперь хуже. Мы знаемъ, что нашъ вѣкъ имѣетъ также право гордиться многими великими произведеніями; мы только утверждаемъ и сожалѣемъ, что нынѣшніе артисты сбросили съ себя поэтическій покровъ, отличавшій ихъ въ

прежнія времена отъ толпы. Приведемъ нѣкоторые примѣры.

Иоганнъ-Себастьянъ Бахъ провелъ сорокъ лѣтъ на службѣ маленькихъ нѣмецкихъ Князей, не думая ни о чемъ больше, какъ о своемъ искусствѣ. Никогда не хлопоталъ онъ о деньгахъ, даже не заботился о средствахъ заставить о себѣ говорить. Только самая небольшая часть его сочиненій была напечатана при немъ, все прочее издано было уже послѣ его смерти, а множество осталось еще и до сихъ-поръ въ рукописи. — Когда онъ, бывало, напишетъ какую-нибудь фантазію или фугу, которыми самъ доволенъ, то проиграетъ ее предъ нѣсколькими друзьями, которые могли цѣнить его трудъ, а потомъ положить въ свой шкафъ, вовсе недумая, что это сочиненіе можетъ прославить его въ Европѣ и даже перейти въ потомство. Когда онъ умеръ, то у него нашли такое множество симфоній, ораторій, фугъ и сонатъ, что они могли-бы составить славу двадцати композиторовъ, а существованіе ихъ извѣстно было до-тѣхъ-поръ только немногимъ короткимъ друзьямъ покойника. Часто случалось, что онъ дарилъ которому-нибудь изъ своихъ учениковъ, новое свое сочиненіе, только - что оконченное, не оставляя для себя и копии, и не надписывая даже своего имени на экземплярѣ, такъ - что теперь, вѣроятно, очень-много изъ его сочиненій навсегда погибло. Въ наше время иной сочинитель нѣсколькихъ французскихъ кадрилией прибрѣлъ себѣ гораздо болѣе выгодъ, нежели Себастьянъ Бахъ со всѣми своими безсмертными твореніями. Очевидно, что этотъ человекъ работалъ по любви къ искусству, по призванію, потому-что столько превосходныхъ твореній недоставили ему ни денегъ, ни чиновъ, ни орденовъ, тогда какъ въ наше время все это составляетъ главную цѣль артистовъ. Но нынѣшніе артисты не похожи на Баха.

Моцартъ былъ также однимъ изъ рѣдкихъ явленій, которое вѣрно не повторится въ наше время. Любовь его къ искусству была какимъ-то религіознымъ фанатизмомъ. — Послѣ нѣсколькихъ блистательныхъ успѣховъ въ Италиі, хотѣлось ему возвратиться въ свое отечество, — и онъ

предложилъ свои услуги баварскому Курфюрсту, прося 500 гульденовъ ежегоднаго жалованья (около 1000 р. асс.), за что обязывался сочинять по четыре оперы въ годъ и играть ежедневно въ придворныхъ концертахъ. Предложеніе его было отвергнуто.—Онъ поѣхалъ въ Парижъ и очень былъ счастливъ, когда нашелъ себѣ ученицу, которая за 12-ть уроковъ заплатила ему *три лудора*. За партитуру его: *Похищеніе изъ серала* было заплачено *пятидесять* червонныхъ, и Императоръ Іосифъ II полагалъ, что онъ достойно наградилъ Моцарта, давъ ему пенсіонъ въ 500 гульденовъ и званіе придворнаго капелмейстера.—Когда-же Фридрихъ II хотѣлъ переманить его къ своему двору и предлагалъ ему 3,000 талеровъ (около 10,000 р. асс.), то Моцартъ отказался и отвѣчалъ, что онъ не можетъ покинуть *добраго своего Императора*.—Знаменитый его *Донъ-Жуанъ* навлекъ ему тысячу критикъ, одна другой злѣе, и только послѣ смерти его оцѣнили всѣ красоты безсмертнаго творенія. Всю жизнь свою провелъ онъ въ нуждѣ, недостаткахъ и принужденъ былъ скитаться изъ города въ городъ, чтобъ концертами и новыми сочиненіями находить средство къ существованію.—Ему было только 35 лѣтъ, когда онъ умеръ,—и однако-же онъ успѣлъ обезсмертить свое имя. Онъ умеръ въ бѣдности,—а идеи его обогащаютъ теперь многихъ. Конечно имена этихъ *многихъ* погибнутъ вмѣстѣ съ ними, а артисты всѣхъ вѣковъ будутъ съ почтеніемъ произносить имя Моцарта.

Мы, впрочемъ, вовсе не думаемъ, чтобъ настоящая слава артиста состояла въ бѣдности и преслѣдованіи его дарованій. Напротивъ, мы сожалѣемъ, что знаменитые люди часто должны бороться съ нуждою, завистью и невѣжествомъ;—но чтобъ артистъ единственно заботился объ однихъ деньгахъ—это тоже чудовищная мысль нашего вѣка.

Теперь композиторъ очень-мало думаетъ о славѣ и о потомствѣ. Онъ пишетъ партитуру—по условію, по заказу, и заранѣе разсчитываетъ, сколько за нее получить и что этими деньгами можетъ себѣ купить. Истинное-ли это направленіе искусства? Что онъ будетъ съ бо-

гатствомъ, если успѣетъ его приобрести въ молодыхъ лѣтахъ? — Наслаждаться праздностію богачей? Но тогда онъ уже перестаетъ быть артистомъ, и, значитъ, онъ никогда имъ не былъ. Кто любитъ искусство по призванію, всей душою, тому всей жизни мало, чтобъ достигнуть цѣли, созданной его воображеніемъ. — Если онъ артистъ до такой степени, то на что ему богатство?

Россини провелъ первые годы своего артистическаго поприща въ этомъ поэтическомъ направленіи, — и тогда талантъ его разливалъ цѣлыя рѣки мелодіи. Обогащая всѣ театры Италіи, онъ продавалъ свои партитуры по 1200 франк. — и авторъ *Севильскаго Цирюльника* былъ тогда во всей силѣ артиста. Къ-сожалѣнію, онъ вскорѣ обогатился, — и измѣнился. Произведенія его сдѣлались рѣже, и самый теніи его не былъ уже такъ свободенъ и роскошенъ. Однажды какая-то новая его опера не понравилась публикѣ; онъ разсердился и сказалъ: «брошу совсѣмъ писать! я теперь богатъ, за что я буду подвергаться свенравію этой толпы.» Еслибъ онъ былъ въ бѣдности, какъ артисты прежняго времени, то, можетъ быть, онъ написалъ-бы еще оперъ двадцать. Деньги погубили все.

Истрачивать большой доходъ не такъ легко, какъ думаютъ; надобно серьезно заняться этимъ дѣломъ; денежные дѣла берутъ всегда много времени, а это несообразно съ жизнью и занятіями артиста. Чтобъ поэтъ, живописецъ, музыкантъ и актеръ добросовѣстно слѣдовали своему призванію и посвящали часы свои вдохновенію, ученію и технической части искусства, — всей жизни ихъ не слишкомъ много для этой цѣли. Предметъ важенъ, поприще обширно.

— Артисты нынѣшняго времени хотятъ жить большимъ бариномъ, хотятъ, чтобъ комнаты его были меблированы великолѣпно, чтобъ у него была щегольская карета и лакей въ передней. Все время, которое онъ употребляетъ для верховой ѣзды, для распоряженій по дому, для заботъ о поущеніи своихъ капиталовъ, — потеряно для занятій въ его искусствѣ. Въ общественномъ кругу онъ старается

быть на такой точкѣ, которая убиваетъ все его время; онъ дѣлаетъ праздники и вечера, и самъ ежедневно ходитъ по гостямъ. Онъ не только хочетъ быть богатымъ, но стремится достигнуть и почестей. Ему нуженъ орденъ, — и онъ безпрестанно ходитъ по переднимъ тѣхъ людей, которые могутъ ему содѣйствовать въ этомъ. Ему хочется засѣдать въ академическихъ креслахъ, — и онъ заранѣе ходитъ задобривать будущихъ своихъ собратіи.

Какъ-же въ это время сочиняются оперы, симфоніи, ораторіи, которые требуютъ такой обдуманности? Онъ дѣлается на-скоро и съ самою посредственною внимательностію. Въ прежнія времена композиторъ былъ такъ добродушенъ, что ожидалъ минуты одушевленія, чтобъ начать писать; онъ работалъ медленно, работалъ безпрестанно, — и изъ подъ его пера выходило множество твореній. Нынѣшніе артисты пишутъ тоже много, но они обязаны писать скоро, на-срокъ. Прежнія медленныя формы искусства не годятся для нихъ, они выбрали себѣ методы легче и проще. Партитуры оперъ поспѣваютъ скоро, потому-что за нихъ платятъ хорошо; дѣлаютъ ихъ въ пять актовъ, потому-что *права авторовъ* приносятъ больше за цифру 5, нежели за 3, хотя-бы геній и былъ на сторонѣ бѣднѣйшей цифры. Симфоній больше не пишутъ, потому-что онѣ мало приносятъ выгодъ; ораторіи еще рѣже, потому-что съ ними надобно довольствоваться одною славою, — а *слава* нынче похожа на обрѣзанный червонецъ, который принимаютъ, покачивая головою. Въмѣсто концертовъ пишутъ аріи съ варіаціями, потому-что это гораздо легче; романсъ замѣнилъ кантату, потому-что для послѣдней требовались изобрѣтательность и обдуманность.

Были и въ наше время артисты, которые по чувствамъ своимъ принадлежали къ прежнимъ временамъ. *Бетговенъ* былъ конечно одинъ изъ великихъ мыслителей своего искусства, но подобные типы ежедневно становятся рѣже, особливо въ центрахъ большихъ народонаселеній. — Чтобы дѣлалъ Бетговенъ въ шумѣ Лондона и Парижа? Всякой знаетъ, какимъ образомъ онъ сочинялъ. Онъ проводилъ большую часть года въ деревнѣ Баденѣ, въ 2-хъ

милыхъ отъ Вѣны. Когда музыкальный демонъ начиналъ его мучить, онъ выходилъ изъ дому и цѣлый день ходилъ по полямъ и лѣсамъ, выбирая самыя живописныя и уединенныя мѣста; въ этихъ-то прогулкахъ составлялись планы его симфоній, прежде чѣмъ онъ принимался за перо. Ходить въ гости, или принимать къ себѣ кого-нибудь — было самымъ несноснымъ дѣломъ для Бетговена; всякій, кто хотѣлъ его видѣть, былъ уже ему не стершимъ. И эта дикая независимость слышна въ его музыкѣ. Въ Парижѣ и Лондонѣ забавно было-бы смотрѣть на него, вынашивающаго себѣ либретто, или представленіе *Фиделіо*.—Нѣтъ! въ Парижѣ онъ никогда-бы не сочинилъ своей симфоніи въ С-мол, героической симфоніи и *Фиделіо*.

Пѣвецъ, въ прежніе времена, готовился къ своему поприщу многолѣтними трудами и ученьемъ; въ случаѣ успѣха, онъ имѣлъ въ виду продолжительное поприще. Учасъ пѣть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ учился и сохранять свой голосъ. Однимъ-словомъ, онъ занимался своимъ искусствомъ. Теперь со-всѣмъ не такъ. Тогда артисту не приходило въ голову искать средствъ, чтобъ обогатиться: онъ только думалъ, чтобъ при концѣ своего поприща имѣть скромный уголъ и кусокъ хлѣба. Теперь пѣвецъ очень-бы обидѣлся, если-бъ принужденъ былъ ходить пѣшкомъ. Прежде, отпускъ пѣвца означалъ, что ему въ самомъ-дѣлѣ надобно отдохнуть; теперь всѣ знаютъ цѣну времени; теперь время такой капиталъ, который нельзя оставлять безъ дѣйствія; надобно, чтобъ этотъ капиталъ былъ въ безпрестанномъ обращеніи и приносилъ проценты на проценты. Теперь, когда артистъ беретъ отпускъ, то летитъ въ провинцію, переѣзжаетъ изъ города въ городъ, поутру ренетируетъ, ввечеру играетъ; никакія усилія его не пугаютъ, такъ-что, когда онъ воротится къ настоящему директору, то такъ усталъ, такъ измученъ, что дѣйствительно имѣеть надобность въ отдыхѣ. Ведя такую жизнь, живутъ конечно не долго, но за то скоро обогащаются, а это главное. Конечно нѣкогда учиться, усовершенствоваться, но какое отношеніе имѣеть искусство къ деньгамъ? Вѣдь дѣлаются артистомъ

для того, чтобъ поскорѣе нажитья. Можно было-бы сдѣлаться и купцомъ, — но тамъ нуженъ капиталъ, и чужія банкротства часто губятъ самыхъ честныхъ людей. На что-же рисковать, когда есть средство и безъ того приобрести состояніе? Едва-ли тотъ и не правъ, кто такъ думаетъ?

Въ прежнія времена, когда артистъ достигалъ извѣстности, играя на какомъ-нибудь инструментѣ, то конечно предпринималъ небольшіе вояжи, чтобъ распространить эту извѣстность; но послѣ того онъ возвращался всегда на родину и продолжалъ свои занятія, преподаваніе своего искусства юношеству. Теперь подобный артистъ полагаетъ, что у него нѣтъ отечества. Ему вездѣ хорошо, гдѣ его облащаютъ. Онъ знаетъ, что остановиться и поселиться гдѣ-нибудь ему только тогда можно, когда у него будетъ достаточный капиталъ, чтобъ роскошно жить процентами. Этотъ примѣръ увлекъ и посредственность; всѣ теперь путешествуютъ, и дороги всей Европы покрыты концертистами, которые во всякомъ городѣ надоѣдаютъ своею хвастливостію и попрошайствомъ. Черезъ это упадаетъ конечно искусство, исчезаетъ довѣренность, упадаетъ званіе артиста, — но кому какое дѣло до этого! Россія и Англія съ радушіемъ принимаютъ всѣхъ странствователей. Рубли и гиней награждаютъ ихъ, и журналы поддерживаютъ. — Конечно, придетъ время, что и эти богатые мѣста истощатся или въ деньгахъ, или въ терпѣніи, но тогда номадныя толпы будутъ ѣздить въ Индію, въ Китай!

Въ Англіи уже придумали новое меркантильное средство для всѣхъ путешествующихъ артистовъ. Тамъ капиталистъ — антрепренеръ ангажируетъ извѣстнаго концертиста, пѣвца, или пѣвицу за извѣстную сумму, на определенное время, — и возитъ его, какъ звѣря въ клеткѣ, за собою, заставляя его пѣть, играть, гдѣ и когда ему угодно. Въ прежнее время артистъ обидѣлся-бы подобною сдѣлкою, нынче находятъ это очень естественнымъ. Лишь-бы получать деньги!

Только тогда, какъ уже концерты рѣшительно ничего не даютъ, артисты принимаются за уроки, — но увьи! те-

Теперь и эта часть совершенно основана на расчетахъ. Въ прежнія времена, учитель, принимал на себя обязанность образовывать юношу въ какомъ-нибудь искусствѣ, находилъ какое-то удовольствіе въ исполненіи своего долга. Честь и самолюбіе подстрѣкали его на каждомъ шагу; онъ непременно хотѣлъ чтобъ ученикъ его наследовалъ его славу и искусство. Теперешніе *Профессоры* музыки—думаютъ иначе. Имъ нужно только большое количество учениковъ и хорошая за нихъ плата. Пробывъ съ ними полчасад, они бѣгутъ къ другимъ, — и выучатся ли чему-нибудь ихъ ученики, это уже не ихъ забота. Въдь они достигли-же профессорскаго званія; достигнетъ кто-нибудь и послѣ нихъ до этого.

Сочиненіе концертовъ также, въ нынѣшнее время, совершенно преобразовано. Прежде артисты искали въ головѣ своей темы и обрабатывали ихъ съ обдуманностію и страхомъ. Теперь дѣло гораздо легче. Возмутъ извѣстный любимый мотивъ изъ какой-нибудь оперы, придѣлаютъ къ нему какую-нибудь интродукцію, заглушатъ громкими вариациями, и продаютъ эту передѣлку за свое сочиненіе. Всѣ хвалятъ и покупаютъ, — значитъ хорошо.

Конечно въ нынѣшнее время гораздо болѣе прежняго говорятъ и печатаютъ о важности званія артиста, о независимости его, о благородной цѣли.... но увы! нашъ вѣкъ можетъ назваться *вполнѣ громикихъ фразъ*. Во всемъ возгласы — а смысла нѣтъ! вездѣ слова выражаютъ одно, а цѣль совсѣмъ другая. Впрочемъ мы не хотимъ видѣть и представлять предметы въ черной краскѣ. Есть-ли есть искусства, которыя упадаютъ, то другія идутъ, за то, впередъ. Но мы боимся, что блистательное состояніе предвѣщаетъ близкое, совершенное паденіе. Матеріальность жизни и расчетовъ, вездѣ и во всемъ, не могутъ вести къ высокой цѣли. И писатели ищутъ нынѣ занятій, которыя *повыгоднѣе*. Кто занимается исторіею, философіею? Онѣ мало приносятъ. Романы, повѣсти, журнальныя статьи гораздо прибыльнѣе.

Во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшій личности. Мы не упрекаемъ никого. Виноваты-ли артисты, что они слѣдуютъ

за идеями и требованіями своего вѣка? Переменить этого никто не въ состояніи. Какой добрый совѣтъ въ состояніи отклонить массы народовъ отъ направленія, однажды принятаго? Человѣческія усилія слабы противъ этого. Но не надобно-же и малодушно молчать, когда видишь что-нибудь дурное. Минуты заблужденія пройдутъ, а хорошія правила останутся.

Артисты не должны оскорбляться этою картиною. Они во все не виноваты въ меркантильномъ духѣ нашего времени. Это направленіе вѣка принадлежитъ къ гораздо важнѣйшимъ задачамъ общественнаго благосостоянія и философіи народовъ. Не намъ ихъ рѣшить.

СМѢСЬ.

ПЕРВООБРАЗЪ ШЕКСПИРОВА «ЦИМБЕЛИНА». Геній

Шекспира умѣлъ находить въ какой-нибудь простой, забытой сказкѣ, повѣсти, въ народномъ преданіи, въ небольшомъ анекдотѣ богатые предметы для своихъ драмъ и комедій. Коментаторы великаго драматурга тщательно изыскивали всѣ источники, откуда онъ черпалъ темы для своихъ высокихъ созданій. Они успѣли добратся, откуда заимствовалъ Шекспиръ сюжеты *Гамлета*, *Макбета*, *Отелло*, *Ромео и Юлии*, *Комедіи ошибокъ*, и пр. и пр. По до сихъ поръ отъ ихъ зоркаго вниманія ускользала «Цимбелинъ»: никто по-сѣверна не зналъ, изъ какого источника Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ этой пьесы, и даже люди наиболѣе свѣдущіе въ драматической литературѣ, лучшіе переводчики и коментаторы Шекспира, Тивъ и Шлегель, ни слова не говорятъ объ этомъ. А потому мы думаемъ, что поклонники Шекспира и всѣ, изучающіе его, съ удовольствіемъ прочтутъ испанскую пьесу такого-же содержанія, но существовавшую гораздо ранѣе Шекспирова «Цимбелина».

Молчаніе коментаторовъ на этотъ счетъ весьма извинительно: еще недавно печатный экземпляръ сочиненій испанскаго поэта, которому принадлежитъ сюжетъ «Цимбелина» почитался величайшею библиографическою рѣдкостью даже и въ самой Испаніи.

Пьеса эта написана непосредственнымъ предшественникомъ Лопе-де-Веги, Лопе-де-Руедою, котораго Сервантесъ, по справедливости называетъ «Великимъ Руедою». Лопе-де-Руеда родился, вѣроятно, около 1500 года, а умеръ между 1558 и 1566, потому что въ 1558-мъ году онъ находился еще на Мадридскомъ театрѣ, гдѣ, по примѣру Шекспира, самъ разыгрывалъ свои пьесы, а въ 1567 году мы находимъ сдѣ-

ланное уже послѣ его смерти, и теперь чрезвычайно-рѣдкое издание его сочиненій. Какъ высоко цѣнили Руеду современники доказывается тѣмъ, что онъ похороненъ въ Кордовскомъ соборѣ, въ главномъ придѣлѣ, между хорами. А такъ какъ извѣстно, что Шекспиръ родился въ 1564-мъ году, то, слѣдовательно, и выходитъ, что Руедо умеръ почти въ то самое время, когда Шекспиръ родился:

Піеса Руеды передѣлана изъ той-же самой повѣсти Бокаччіо (*Decam. II Nov. 9*), изъ которой заимствованъ Шекспиромъ Цимбелинъ и которою воспользовался и нѣмецкій писатель Гансъ-Саксъ для своей піесы «Невинная Генура» (*Die unschuldige Frau Seneca*). Піеса эта называется «Comedia Eufemia» и чрезвычайно интересна какъ pendant Шекспирова Цимбелина.

«Цимбелина» можно назвать одной изъ совершеннѣйшихъ, по отдѣлкѣ, драмъ Шекспира. Съ простымъ безыскусственнымъ рассказомъ повѣсти въ ней такъ тѣсно и остроумно соединенъ сюжетъ героическій, что даже самому навѣчному читателю Шекспира, чрезвычайно трудно слѣдить за потокомъ во всѣхъ тончайшихъ подробностяхъ піесы, гдѣ вымыселъ и исторія взаимно поддерживаютъ и взаимно уничтожаютъ другъ друга. И потому драма эта совершенно особеннаго рода: историческая часть въ ней вся вѣрна истинѣ, а та часть, гдѣ введено царство духовъ, вся бласнословна.

Передѣлка-же Руеды, напротивъ-того, совершенно проста. Безъ эпизодовъ, безъ запутанностей, идетъ онъ прямо къ цѣли; и потому-то Шекспиръ долженъ былъ для развязки всѣхъ этихъ искусственныхъ запутанностей написать цѣлое пятое дѣйствіе, тогда, какъ Руедѣ, для самой удовлетворительной развязки, достаточно было нѣсколькихъ словъ.

Что-бы дать понятіе о піесѣ Руеды, и вмѣстѣ съ тѣмъ новый фактъ для лучшей оцѣнки этихъ двухъ великихъ поэтовъ, мы предлагаемъ здѣсь краткій очеркъ и буквальный переводъ послѣдней сцены этой комедіи.

Въ началѣ комедіи, видимъ мы молодого дворянина Леонардо, рѣшившагося покинуть отечество и сестру Ефимію, и отправиться искать счастья на чужбинѣ. Прелестная, добродѣтельная Ефимія напрасно умоляетъ брата не оставлять ее сиротою и не подвергать себя опасностямъ подобнаго странствованія. Но онъ поручаетъ ее покровительству Божію и уѣзжаетъ. Ефимія остается одна; она чрезвычайно огорчена, такъ что и самыя шутки ея слуги

любимицы не могутъ развеселить ея, не-смотря на то, что эти два лица, дѣйствительно, съ избыткомъ одарены веселостію, но веселостію нисколько не похожую на пошлую болтовню весельчаковъ (Gracioso) въ позднѣйшихъ испанскихъ пьесахъ. Между тѣмъ Леонардо въ путешествіи знакомится съ Вальяно (Valliano), знатнымъ господиномъ изъ Валенціи. Вѣроятно, какъ-нибудь въ откровенномъ разговорѣ, Леонардо много наговорилъ о красотѣ и добродѣтели сестры своей, потому-что едва только путешественники пріѣхали въ Валенцію, какъ Вальяно пригласилъ нашего рыцаря къ себѣ и предложилъ ему почетное мѣсто при дворѣ своемъ, причемъ довольно ясно далъ замѣтить, что со-временемъ намѣренъ еще тѣснѣе соединиться съ нимъ. Любимцу Вальяно, Пауло, это новое соперничество не нравится и заставляетъ его опасаться за его мѣсто при дворѣ. Онъ рѣшается погубить Леонардо и условливается съ слугою Вальехо (Wallejo) очернить славу Ефиміи, что, по-видимому, ему и удается; онъ успѣваетъ, при пособіи Вальехо, достать отъ любимицы Ефиміи волосъ съ родинки, находящейся у Ефиміи на лѣвомъ плечѣ. Съ этимъ доказательствомъ въ рукахъ онъ является къ своему господину и съ дерзостію увѣряетъ, что онъ почти безъ всякаго труда умѣлъ добиться полной благосклонности Ефиміи. Вальяно приходитъ въ ярость, заклинаетъ Леонардо въ темницу и осуждаетъ его на смерть за то, что онъ осмѣлился обмануть подобнымъ образомъ своего господина и завлекая его въ союзъ съ безчестною тварью, хотѣлъ навѣки осрамить его благородное имя. Между-тѣмъ Ефимія живетъ хотя удивленно и печально, но, по-крайней-мѣрѣ, спокойно и въ надеждѣ, что братъ ея счастливъ. Какъ вдругъ узнаетъ она отъ одной цыганки, что одна изъ самыхъ дорогихъ ей особъ находится въ опасности, и получивъ, вскорѣ послѣ того, письмо отъ брата, въ которомъ онъ пишетъ въ чемъ ее обвиняютъ, и что ему остается только двадцать дней жить на свѣтѣ, она тотчасъ-же рѣшается ѣхать въ Валенцію, опровергнуть клевету и спасти любимаго брата. Теперь мы видимъ ее въ Валенціи, гдѣ слѣдующею сценою кончается счастливая развязка пьесы.

(Открытое письмо въ Валенціи. Выходятъ Ефимія и ея любимица Кристина)

КРИСТИНА. Вотъ здѣсь хорошо, сеньора; здѣсь мы можемъ подождать Вальяно и сказать ему все, что вы придумали.

ЕФИМИЯ. Такой знатный господинъ, который все знаетъ и понимаетъ, вѣрно выведетъ, наконецъ, наружу подобную кле-

вету, и тогда милый братъ мой будетъ свободенъ, потому-что мы оба невинны.

КРИСТИНА. Разумѣется, время все объяснить и каждый останется при своей славѣ.

ЕФИМЪ. Тсъ!... я слышу шаги и вижу приближающихся людей. Тотъ, который идетъ по правую сторону, судя по его наружности, долженъ быть Вальяно, властелинъ здѣшней страны.

КРИСТИНА. Ахъ, сеньора! съ нимъ идетъ тотъ самый незнакомецъ, который такъ убѣдительно просилъ у меня извѣстнаго вамъ знака.

ЕФИМЪ. Молчи! они что-то говорятъ.

Входятъ Вальяно, Пауло, Валлехо и свита.

ВАЛЬЯНО. Все-ли приготовлено?

ПАУЛО. Все, сеньоръ, все исполнено съ стараніемъ, чтобы измѣнникъ получилъ должное наказаніе и чтобы ты былъ доволенъ.

ВАЛЬЯНО. Хорошо! что это за женщины?

ПАУЛО. Я не знаю ихъ: должно-быть, иностранки.

ВАЛЬЯНО. Та, которая стоитъ впереди кажется дѣвушка благороднаго происхожденія. Я сей-часъ-же попрошу ее принять пищу изъ одного сосуда съ сыномъ отца моего.

ЕФИМЪ. Достопочтенный господинъ! Я чужестранка и пришла сюда просить у тебя правосудія.

ВАЛЬЯНО. Я чрезвычайно радъ оказать вамъ какую-бы то ни было услугу, потому-что хотя вы и иностранка, но ваша благородная наружность побуждаетъ всякаго служить вамъ. Объявите вашу просьбу и вы не получите отказа въ правосудіи.

ЕФИМЪ. Правосудія, сеньоръ! я безчестно оскорблена!

ВАЛЬЯНО. Оскорблены, и въ моихъ владѣніяхъ? О, это требуетъ наказанія.

ВАЛЛЕХО. О, только дай мнѣ воинствъ, я тотчасъ-же осмотрю и обшарю всѣ норки въ городъ.

ВАЛЬЯНО. Молчи! Скажите мнѣ, сеньора, на кого вы жалуетесь?

ЕФИМЪ. На измѣнника, который стоитъ возлѣ тебя.

ПАУЛО. На меня! Что вы шутите сеньора, или хотите забавлять вотъ этотъ народъ?

ЕФИМЪ. Я не шучу. За то, что я часто осчастливила тебя своею благосклонностію, не ты ли украдъ у меня, въ послѣднюю ночь, драгоценный перстень, лежавшій у меня подъ подушкою.

пауло. Что это значить, сеньора? Вы ошибаетесь. Я не знаю васъ, и не знаю, кто вы.

ефим. Га, измѣнникъ! (Don traitor?) Тебѣ не довольно того, что ты похитилъ мою честь, ты хочешь еще похитить и мое имущество.

вальяно. Отвѣчай, Пауло, правда-ли, что говоритъ эта женщина?

пауло. Я говорю, что это постыдная клевета. Я не знаю и никогда не видалъ ея.

ефим. Онъ лжетъ, потому-что не хочетъ заплатить за мой перстень.

пауло. Если тутъ есть обманъ, то обманщица эта женщина, которую я совѣмъ и не знаю.

ефимія. Какъ! такъ ты не былъ въ моей спальнѣ?

пауло. Я сказалъ уже, что я никогда не видалъ васъ.

ефим. Сеньоръ, заставьте его поклясться, что онъ говоритъ правду.

вальяно. Положи руку на твой мечъ, Пауло.

пауло. Клянусь всѣмъ, чѣмъ можно только клясться, что я не знаю ни ея, ни ея родины, и не знаю ни о чемъ, что она говорить!

ефим. Хорошо! теперь пускай услышатъ твои уши, что говорилъ твой гнусный азыкъ. Ты самъ собственными своими словами осудилъ себя.

пауло. Какъ такъ!

ефим. Говори, несчастный! Какъ-же ты, не зная меня, осмѣлился дерзко оклеветать меня!

пауло. Я оклеветалъ тебя? Эта женщина сошла съ-ума.

ефим. Я сошла съ-ума? Я говорю, что ты называлъ меня своею любовницею.

пауло. Если только я говорилъ это, пусть въ наказаніе голова моя падетъ отъ руки палача.

ефим. Не была я сю, безчестный? Такъ для чего-же ты, къ моему позору, выдаешь меня за такую въ здѣшней странѣ?

пауло. Прочь, дура!

ефим. Говори, нечестивецъ! не сказалъ-ли ты, что сестра Леонардо осчастливила тебя полною своею благосклонностью?

пауло. Это скажу я и теперь, и доставлю знакъ съ ея тѣла.

ефим. А гдѣ ты взялъ этотъ знакъ? Я сестра Леонардо, стою передъ тобою, и ты не знаешь меня!

вальяно. Тутъ, какъ я вижу, есть ужасная измѣна

кристина. Не просишь-ли ты меня, безстыдный, дать тебѣ этотъ знакъ? А! ты видно не узналъ меня въ этой одеждѣ.

вальяно. Ты не можешь опровергнуть истины, измѣнникъ! Твой собственный языкъ говорилъ противъ тебя.

валлехо. Онъ и меня хотѣлъ завлечь въ свои сѣти.

вальяно. Какъ?

валлехо. Дорогою, онъ просилъ меня говорить, что сестра Леонарда совсѣмъ не противилась ему; за это онъ обѣщаль мнѣ новую пару нижняго платья; но мнѣ очень было-бы не пріятно, если-бы вмѣсто этого и послѣднее спустили у меня....

вальяно. Возьмите его и отведите на висѣлицу! Зналъ я, что Леонардо служить мнѣ вѣрно! Освободите его изъ темницы. Да возвратятся ему всѣ прежнія почести. А Пауло казнить тою самою казнію, которая приготовлена была для Леонардо.

валлехо. Сию-минуту!

вальяно. А эта благородная дѣвица, которая такъ мудро поступила для спасенія своего брата, пускай останется въ нашихъ земляхъ нашею и нашихъ владѣній госпожею, хотя этого, конечно, и мало, чтобы награждать за страданія, которыя претерпѣла она и ся братъ.

валлехо. Все in carbone, господинь! И Пауло въ рукахъ алкада, со всѣми хорошими рекомендаціями, которыя ты приказалъ передать ему.

вальяно. Всѣмъ слугамъ моимъ выдать новое платье. Вы, сенбора, пожалуйте мнѣ руку и пойдемте за столъ. Я хочу, къ величайшей моей радости, чтобы вы и Леонардо кушали со мною, и потому я исполню слово, данное мною вашему брату.

ефимия. Твои приказанія будутъ всегда для меня счастьемъ.

валлехо. Мой господинь обнимаетъ дѣвушку и уходитъ. Между-прочимъ я счастливо выпутался изъ этой исторіи, а сотню палокъ надобно было ждать за это ложное свидѣтельство. Теперь, любезные зрители, ступайте пока домой обѣдать, и приходите скорѣй опять, если хотите видѣть, какъ будутъ казнить измѣнника, освобождать вѣрнаго подданнаго и награждать тѣхъ, которые съ усердіемъ стараются выводить на позоръ подобные обманы. Et vale!...

Эта въ высшей степени безыскусственная, наивная обработка драматической басни, поставленная въ паралель съ превосходною обработкою того-же предмета, сдѣланною

Шекспиромъ, безъ сомнѣнiя, послужить къ множеству интереснѣхъ и богатѣхъ послѣдствiями сравненiй, которые мы предоставляемъ уже самимъ читателямъ. Еще интереснѣе будетъ сравненiе, когда мы поставимъ вмѣстѣ другую пиесу Руеды «La comedia de los engañados» (комедiя ошибокъ) съ Шекспировою «As You like it». Оба поэта почерпнули одинъ и тотъ-же предметъ изъ Банделло (Tom II. Nov. 20) и обработали его каждый по-своему. Но все-таки при точнѣйшемъ изслѣдованiи родится въ головѣ мысль, что сочиненiя Руеды не совсѣмъ были незнакомы Шекспиру, особенно когда мы узнаемъ отъ Коллье (Collier) что въ Собранiи старопиталинскихъ драматическихъ сочиненiй «Comedie degl'accademici intronati di Siena» (2 тома 1611) есть одна подъ названiемъ «Gl'ingannati», почти чистый переводъ комедiи Руеды.

А такъ какъ, по мнѣнiю Малоне (Malone), комедiя «As You like it» написана около 1613 года, то легко можетъ быть, что Шекспиръ познакомился съ пиесой Руеды въ италианскомъ переводѣ; предположенiе, тѣмъ болѣе вѣроятное, что Шекспиръ, какъ это ясно доказано, прилежно занимался италианскими поэтами, и при случаѣ умѣлъ ими пользоваться.

Сочиненiя Руеды сдѣлались теперь доступны всякому. Они изданы Бель де-Фаберомъ (Boehl de Faber), подъ заглавiемъ: «Teatro espannol anterior de Lope de Vega» (Hamburgo 1832) и Евгениемъ де Очоа (Eugenio de Ochoa) «Tesoro del teatro espannol», (Tom. I Paris 1838).

СТАТИСТИКА ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1842-МЪ ГОДУ. Прошедшiй 1842-й годъ былъ менѣе плодovitъ на новыя пиесы въ Парижѣ, въ сравненiи съ 1841 годомъ: въ 1841-мъ году даны были 264 новыя пиесы 202-хъ авторовъ, а въ 1842-мъ только 249 пиесъ 201 автора и 8 композиторовъ; и именно:

На театрѣ Académie Royale de Musique, 2 оперы и 1 балетъ-пантомима. — На Théâtre-français 2 драмы и 5 комедiй. — Въ Opera-Comique, 6 оперъ. — Въ Théâtre-italien, 4-ре оперы. — Въ Odéon: 2 трагедiи, 11 драмъ и 15 комедiй. — Въ Théâtre de Vaudeville, 11 водевилей. — Въ Théâtre des Variétés, 28 водевилей и 1 англiйская пантомима. — Въ Gymnase, 18 водевилей. — Въ театрѣ Palais-royal, 24 водевиля и 1 пародiя въ стихахъ. — Въ театрѣ de la Porte-Saint-Martin, 1 монологъ, 1 балетъ, 1 водевилъ и 3 драмы. — Въ театрѣ de la Gaîté, 8 драмъ и 8 водевилей. — Въ Ambigu-Comique, 9 драмъ и 9 водевилей. — Въ Cirque-O'impique, 1 драма. — Въ театрѣ des Folies-

Dramatiques, 13 водевилей.—Въ театрѣ Choiseul, 1 балетъ и 6 водевилей.—Въ театрѣ du Panthéon, 3 драмы и 17 водевилей.—Въ театрѣ Délassements-Comique, 37 водевилей.

И такъ въ числѣ этихъ 249 пьесъ находится 2 трагедіи, 37 драмъ, 22 комедіи, 4 балета-пантомимы и 173 водевиля. Плодотворнѣйшими авторами въ прошедшемъ году были: Клервилль и Дюманюаръ, написавшіе, первый 15, и послѣдній 12 пьесъ. Бывало, столь-плодотворный сотрудникъ этого послѣдняго, Баяръ, въ этомъ году отдалъ на сцену всего только 8 пьесъ; причину этого объясняетъ закрытіе театра, куда онъ обыкновенно отдавалъ свои пьесы. За ними слѣдуютъ г-да Гене (Guéne) д'Эннери, (d'Ennery) и Дюпети (Durety).

Заканчиваемъ обзорніе это драматическимъ некрологомъ за 1842 годъ:

Авторы: Александръ Дюваль, Канье (Cagniez) Бурсо (Boursault), Каммилль, Берней, Шатонейъ, Маркизь Коріонъ де Низасъ и Раймонъ.

Композиторы:—Херубини и Циксисъ.

Служащіе и отставные артисты:—Жюре, называемый Преваль, Бурсо (Boursault), Бопре, Эллевиу, Францискъ старшій, Тибувилль, Ав. Лебертье, Дарбовилль, Бланшаръ, Девинь, Амеде Руссель, Раймонъ, Адриенъ Поте, г-жи Барвилль, Эстиваль, Вестрисъ, Женни Колонъ-де-Плю, Эделлинъ, Флеше, Жоли-Ллойдъ, Бутенъ, вдова Дюшомъ, Данзентъ-Вестриссъ, Лебель.

ДВА ФАЛЬСТАФА. Общество Шекспира, въ Англіи, неутомимо трудится надъ изслѣдованіемъ всего, что только касается до сего великаго поэта. Такъ на-примѣръ не давно вышло г-нъ Галльуэль (Halliwell) издалъ первый очеркъ «Виндзорскихъ Проказницъ» и въ предисловіи разсматриваетъ вопросъ, когда именно была написана эта комедія? Извѣстенъ и почти всѣми принятъ за достовѣрное, анекдотъ, что королева Елизавета, чрезвычайно довольная остроумною ролью Сара-Джонса (Johns), въ первой и второй частяхъ Генриха IV, требовала отъ поэта, чтобы онъ вывелъ это забавное лицо еще разъ, въ роли любовника. Галльуэль старается, и довольно-удачно, доказать ложность этого анекдота, который, въ противномъ случаѣ, конечно рѣшилъ-бы вопросъ о времени появленія комедіи, но Галльуэль рѣшительно утверждаетъ, что «Виндзорскія Проказницы» старѣе «Генриха IV». Вотъ что говоритъ онъ о различіи характеровъ обоихъ Фальстафовъ: «Несходство характеровъ ясно видно изъ са-

мой интриги съ «Проказницами», не потому что-бы Фальстафъ не былъ наклоненъ къ подобной интрижкѣ, но именно по тщестлавію и легковѣрію, допустившимъ его увѣрить себя, что мистриссъ Фордъ или мистриссъ Педъ дѣйствительно влюблены въ него. Этого рода тщестлавія не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ въ толстомъ рыцарѣ Генриха IV-го, для котораго, напротивъ, собственная толщина его была неистощимымъ предметомъ шутки и остроты. Этотъ толстякъ, конечно уже не выставилъ-бы себя на посмѣшище двухъ забавницъ, но сей-часъ-бы замѣтилъ ихъ намѣреніе посмѣяться надъ нимъ и положилъ конецъ шуткѣ, или-бы обратилъ ее на ихъ-же головы».

НОВАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПРЕМІЯ И НОВЫЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬМАНАХЪ. Недавно нѣкто Фридр. Штейнманнъ напечаталъ воззваніе къ нѣмецкимъ драматическимъ писателямъ, въ которомъ объявляетъ о изданіи «Драматическаго Альманаха», и по-примѣру прежняго «Лирическаго Альманаха» вызываетъ теперь нѣмецкихъ драматурговъ принять участіе въ этомъ изданіи, назначая премію за лучшую трагедію и за лучшую комедію. Премію эту составить вся польза, которую доставитъ изданіе альманаха, и которая раздѣлится на двѣ части—одна за трагедію, а другая за комедію. Присужденіе премій поручается тремъ лицамъ, которыхъ общее мнѣніе признало за достойныхъ уваженія судей въ этомъ дѣлѣ. Приговоръ этихъ судей, за подписью ихъ именъ, а также и объ увѣнчанныя піесы будутъ напечатаны въ альманахѣ. Срокъ для присылки піесъ назначается 1-го мая 1843 года. Альманахъ будетъ украшенъ портретами современныхъ нѣмецкихъ драматическихъ писателей и сценами изъ лучшихъ новыхъ нѣмецкихъ піесъ.

КРИТИКЪ И АКТЕРЪ. Лизеръ, остроумный нѣмецкій писатель помѣстилъ въ «Allgemeine Theater Chronik» критическую статью, въ которой оуждалъ комика Редера за страсть его вводить въ каждую ролю свои куплетцы и мѣстныя немистныя шуточки. Редеръ, чрезвычайно обиженный этой выходкой, объявляетъ въ той-же газетѣ, что «по его мнѣнію» комикъ подобныя вещи позволительны и что только актеръ безъ дарованія и вкуса станетъ рабски придерживаться тому, что написано авторомъ піесы (?!). Недовольный еще этимъ замысловатымъ отвѣтомъ, комикъ самъ пишетъ къ Лизеру и требуетъ, чтобы онъ объявилъ ему имя того, кто написалъ на него ложь, какъ онъ самъ выразился. Лизеръ

съ нѣмецкою осторожностью отвѣчаетъ ему, что онъ не предатель, а потому не выдастъ автора статьи, которую, замѣтимъ мимоходомъ, онъ написалъ самъ.

Что-же оставалось дѣлать г. Редеру?

Однажды вечеромъ г. Лизеръ получаетъ по городской почтѣ письмо, адресованное на имя г. Редера. На другой сторонѣ письма написано было: *Не принимается! возвратить г. Лизеру. Густавъ Редеръ.*

Письмо это было подписано подъ руку г. Лизера, даже съ его подписью, хотя подражаніе было не совсѣмъ удачно. Въ письмѣ этомъ г. Лизеръ, какъ будто-бы просилъ у г. Редера займы 10 талеровъ на двѣ недѣли. Эта плутовская поддѣлка взбѣсила г. Лизера, особенно когда онъ узналъ, что письмо было многимъ показано, съ объясненіемъ, что будто-бы г. Лизеръ просить этихъ денегъ не займы, но какъ задатокъ за то, что онъ впредь будетъ *свалить* игру г. Редера. Хитры люди на выдумеи! кому повѣрить? кто правъ и кто виноватъ?

НОВАЯ САНДРИЛІОНА ВЪ НАТУРЪ. Гарчіа-Віардо пѣла Ченерентолу (Сандриліона тожь) Россини. Знаете-ли вы, сказалъ мнѣ сидѣвшій подлѣ меня одинъ изъ остроумнѣйшихъ фельетонистовъ парижскихъ, что эта живая, прелестная женщина, съ большими пламенными глазами и съ полнымъ превосходнымъ голосомъ—Ченерентола, въ натурѣ?—Какъ такъ? спросилъ я.—А вотъ какъ. Была нѣкогда великая пѣвица, обворожавшая собою все и всѣхъ, и называвшаяся прежде Гарчіа, а потомъ Малибранъ; у нея была маленькая сестра: сестра эта занимала въ семейномъ быту роль настоящей Ченерентолы. Всякій разъ, когда старшая сестра, великолѣпно разодѣтая отправлялась на балы, на вечера, въ концерты, а меньшая плакала, что ее не берутъ съ собою, родители говаривали ей: «ты еще молода, сиди дома.» И бѣдная дѣвочка оставалась дома, засыпала въ слезахъ, и плакала опять утромъ, когда сестра рассказывала о великолѣпннй вчерашняго бала, о прекрасныхъ кавалерахъ, о богато-наряженныхъ дамахъ, словомъ о всѣхъ прелестяхъ блистательнаго праздника, которого она была царицею.—И вотъ однажды, когда наша бѣдняжка сидѣла опять такимъ образомъ одна-одинохонька дома и плакала, вдругъ постучалась у дверей старуха-нищая и попросила милостыню. Денегъ у маленькой Полинны не было, но она тотчасъ-же отдала старухѣ пироги, плоды, конфекты, словомъ все сласти,

какія были ей оставлены для утѣшенія въ горѣ. Благодарная старушка съ участіемъ спросила, о чемъ малютка плачетъ, и Полина, въ дѣтской простотѣ сердца, рассказала ей всѣ свои горести. Тогда старушка покачала задумчиво головою и сказала: утѣшься дитя мое! будь добра, послушна и благочестива, и ты будешь такъ-же блистать, какъ и сестра твоя, и сверхъ-того выйдешь за-мужъ за принца. Сказала и исчезла. Вскорѣ послѣ того вошелъ въ комнату крестный отецъ Полины:—крестный отецъ этотъ былъ точно великій человекъ, онъ назывался Пэръ, композиторъ «Ахиллеса» и «Камиллы». Маленькая Полина сидѣла за фортепіано и пробовала проѣсть романсъ, который она такъ-часто слыхала отъ сестры своей. Пэръ остановился въ дверяхъ и сталъ слушать; опытное ухо его тотчасъ-же отгадало прекрасный талантъ юной пѣвицы; онъ подѣлъ къ Полинѣ, заставилъ ее продолжать, училъ ее, и радовался, что его крестница такъ понятлива. И вотъ, чтобы сдѣлать сюрпризъ сестрѣ ея, онъ приходилъ каждый вечеръ тайно учить маленькую Полину. Дѣвочка дѣлала удивительные успѣхи. Пэръ съ каждымъ днемъ занимался съ большимъ жаромъ и прилежаніемъ. Однажды вечеромъ онъ пришелъ къ Полинѣ вмѣстѣ съ прекрасною великолѣпно-одѣтою дамою. Вотъ твоя крестная мать, дитя мое; она давно уже не видала тебя и теперь желаетъ послушать твоего пѣнія. Дама была русская княгиня Г. которая вмѣстѣ съ Пэромъ крестила Полину. Полина проѣбла; княгиня была въ восторгѣ.... По знаку ея вошли парикмахеръ и модистка, Полину причесали, одѣли въ великолѣпное платье, и пятнадцатилѣтняя дѣвочка сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ настоящею маленькою феєю. Великолѣпная четверка дождалась у крыльца, залитые въ золото слуги посадили княгиню, Пэра и Полину въ карету, и послѣ получасовой ѣзды, карета остановилась у одного великолѣпно-освѣщеннаго дома; широкая, уставленная померанцевыми деревьями и цвѣтами лѣстница вела въ бель-этажъ, обѣ половинки дверей отворены, и трепещущая Полина вступаетъ въ великолѣпную залу, наполненную самымъ блестящимъ обществомъ. Еще въ передней княгиня накинула на шей красавицъ на голову драгоценный кружевной вуаль. «Я общаюсь обществу, началъ Пэръ, доставить случай послушать одну изъ моихъ ученицъ; она теперь здѣсь и просить только позволенія не снимать вуаля и остаться неизвѣстною.» Все обратилось въ слухъ, въ зрѣніе. Пэръ садится къ фортепіано и Полина начинаетъ Россіевіу «Une rose rose

фа». Прелестный звонкій голосъ нашей пѣвицы, побѣдивъ первый страхъ и застѣнчивость, развился во всей полнотѣ своей, не оставляя ничего желать въ отношеніи къ методѣ, фіоритурамъ и силѣ; слушатели пришли въ восхищеніе, и даже сама Малибранъ отъ всего сердца аплодировала пѣвицѣ. По неотступнымъ просябамъ цѣлаго общества, Полина должна была пропѣть съ Малибранъ дуэтъ изъ Семирамиды— и всѣ изумились: такого сходства голоса, методы, малѣйшихъ оттѣнковъ въ фіоритурахъ, съ пѣвицею, какова Малибранъ, еще никогда и не слыхивали. Слушателями овладѣлъ въ полномъ смыслѣ слова фанатизмъ.—И во время этихъ шумныхъ изъясненій восторга Пэръ исчезъ съ своею ученицею. Начались толки, распросы кто-бы такая была пѣвица—никто не могъ объяснить этой тайны. Когда Малибранъ пріѣхала домой Полина была уже въ своей постелѣ и, судя по улыбающемуся лицу, вѣроятно, и во снѣ мечтала о торжествѣ своемъ.—Однако, подобно Ченерентолѣ, позабывшей на придворномъ балѣ баншачекъ, и наша Полина забыла въ залѣ гдѣ она пѣла, свою партитуру изъ «Barbiere di Siviglia»; партитуру эту нашли на другой день, никто не зналъ, чья она; хозяинъ праздника посылалъ ко всѣмъ дамамъ, бывшимъ у него въ гостяхъ, спросить не забыла ли котораянибудь изъ нихъ ноты. Всѣ отвѣчали отрицательно. Послѣ, разсматривая попристальнѣе ноты, нашли на одной страничкѣ, написанное женскою рукою имя Гарчіа. Вслѣдствіе этого тотчасъ же послали ноты къ Малибранъ, но и та ничего не знала объ нихъ. Можетъ-быть, сказалъ посланный, указывая на Полину, сидѣвшую у камина, они принадлежатъ вотъ имъ?—Ей! сказала Малибранъ, o, la rovega! чѣмъбы она стала съ ними дѣлать?—Полину задѣло это за живое; она покраснѣла, встала и, принимая ноты, сказала: Да, это мои ноты. Въ это время входитъ Пэръ.—Они точно принадлежатъ ей и я сей-часъ докажу это, сказалъ онъ: поди сюда, Полина... Онъ живо сыгралъ прелюдію.—Полина запѣла вчерашнюю арію... Можно представить себѣ удивленіе присутствовавшихъ!... Отецъ съ матерью и сестра отъ-радости едва не задушили новую пѣвицу въ объятіяхъ а старикъ Пэръ гордо поглядывалъ вокругъ себя. Съ тѣхъ-поръ съ истинно-сестринскою любовію трудилась Малибранъ вмѣстѣ съ Пэромъ надъ усовершенствованіемъ таланта сестры своей, и такимъ образомъ Ченерентола-Полина-Гарчіа сдѣлалась пѣвицею, и оттого-то она такъ хороша въ Ченерентолѣ. Пророчество старухи исполнилось, — конечно за принца она не вы-

шла, но за то вышла за князя въ царствѣ ума, за остроумнѣйшаго изъ писателей Луи Виардо, извѣстнаго своимъ сочиненіемъ объ Испаніи многими другими, достойными уваженія, трудами.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ДЮМА. Недавно въ Парижѣ, на Театрѣ de la Porte Saint-Martin, давали двѣ драмы Александра Дюма: *Антоній и Квинъ, въ бенефицихъ одного артиста* (d'un artiste). На афишахъ не было выставлено имя бенефицианта или лучше сказать бенефициантки.

Фредерикъ-Лемэтръ игралъ роль Квина; сборъ былъ выше 6,000 франковъ. Вся эта сумма не принадлежить однакожъ бенефицианткѣ, (M-me Н***), по многимъ причинамъ и между прочими по той, что она получила уже четверть этой суммы впередъ во Флоренціи. Вотъ по какому случаю:

M-me Н***, отличавшаяся нѣкогда на театрѣ Vaudeville, блеснувъ послѣднимъ блескомъ на сценѣ Théâtre-Français, вздумала вступить въ труппу актеровъ, странствовавшихъ по Италіи. Актеры эти не имѣли успѣха; соперники ихъ были полишинель и арлекинъ. Нечего было дѣлать бѣдному директору этой труппы; онъ распрощался съ актерами своими и вотъ они бродятъ по полямъ и лѣсамъ, бросая прозу и стихи въ добычу птицамъ поднебеснымъ. Но въ Италіи живутъ однимъ солнцемъ только Итальянцы. Французамъ надобно добавить къ солнцу, по-крайней-мѣрѣ, макароны. Однако-же и макароны не дешевы, особенно для людей, у которыхъ ничего нѣтъ. M-me Н*** находилась въ этомъ положеніи. Она написала во Францію.

Въ письмѣ своемъ описывала она жалкое положеніе свое; просила денегъ, не много денегъ, чтобы только воротиться во Францію. У той, къ которой она писала, было болѣе чувствительности, чѣмъ наличныхъ; то была собственная дочь ея. Она горько плакала и рассказала горе свое мужу, который также не богатъ, хотя и пѣвецъ.

Она рѣшилась идти къ г-жѣ М....

— Милостивая государыня, вы знали мать мою?...

— Ахъ, Боже мой! ужъ не умерла-ли она?

— Хуже; она безъ куска хлѣба!

— Гдѣ?

— Въ Италіи; ей бы хотѣлось воротиться во Францію.

— Во Францію!... О, это натурально. Но... стойте!... какая мысль!... Александръ Дюма въ Парижѣ?

— Я думаю.

— Онъ имѣеть знакомыхъ въ Италіи?

— Кажется.

— Обратитесь къ нему и онъ вѣрно найдетъ средство дать матушкѣ вашей способы воротиться во Францію. Поклонитесь отъ меня матушкѣ.

— О, сударыня, какъ вы добры! Какая счастливая идея! Да, точно, Александръ Дюма!... О, благодарю! благодарю! благодарю!

Дочь М-ме Н*** побѣжала къ тому дому, въ которомъ Александръ Дюма живетъ если не какъ принцъ, то, по крайней-мѣрѣ, какъ посланникъ.

Онъ принялъ ее со всею важностію знатнаго человѣка. Но едва она кончила рассказъ свой, Александръ Дюма пошелъ, не прочь, но прямо къ своему бюро.

— Г-жа М.... сказала вамъ правду; я легко могу дать матушкѣ вашей способы воротиться во Францію; но г-жѣ М.... еще легче было найти эти способы: у нея 50,000 ливровъ доходу.... Впрочемъ не въ томъ дѣло.... Надобно послать матушкѣ вашей этотъ вексель....

— Какъ! вы хотите....

— Конечно, сударыня! вы видите сами, что тутъ способы очень простые. Пошлите-же ей этотъ вексель въ тысячу франковъ, на имя банкира моего во Флоренціи, и поблагодарите отъ меня г-жу М.... за то, что она доставила мнѣ *способъ помочь женщинѣ, актрисѣ!*

Изумленіе, радость, благодарность дочери были неописанны.

Вексель посланъ во Флоренцію. М-ме Н*** получила деньги отъ флорентинскаго банкира. Все шло какъ нельзя лучше. М-ме Н*** садится въ дилижансъ, и вотъ она на дорогѣ изъ Флоренціи въ Парижъ. Къ несчастію дилижансъ опрокидывается; М-ме Н*** переломила ногу. Александръ Дюма узнаетъ о томъ, и немедленно посылаетъ еще вексель въ 500 франковъ, на починку сломанной ноги!

Въ добавокъ онъ устроилъ представленіе въ пользу М-ме Н***; этотъ-то бенефисъ и давали недавно на театрѣ de la Porte Saint-Martin.

ТОЛСТЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ГЕНИИ. Викторъ Гюго бѣлокуръ и день-ото-дня становится дороднѣе. Бальзакъ походитъ болѣе на бочку, чѣмъ на человѣка; Жюль-Жанень едва-ли будетъ много легче вѣсомъ; Фр. Сулье въ этомъ отношеніи

тоже на хорошей дорогѣ, также какъ и Ев. Сю: Лаблашъ—настоящій Фальстафъ; Жюль Сандо, Теофиль Готье, Леметръ, Сеиъ-Вевъ и другіе стараются не отставать отъ своихъ сотоварищей.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Въ Лембергѣ поставлено правиломъ, чтобы каждый актеръ, не занимающій роли въ играемой пьесѣ и желающій быть въ театрѣ, платилъ подобно всѣмъ прочимъ зрителямъ за свое мѣсто. Это напоминаетъ Фребеля, управлявшаго лѣтъ сорокъ тому назадъ Ашафенбургскимъ театромъ. Этотъ Фребель, бывало, при постановкѣ какой нибудь новой пьесы, съезжаетъ къ себѣ свою труппу и продаетъ роли съ-торгу. Такъ наприимѣръ однажды, при постановкѣ «Разбойниковъ», онъ сказалъ: «Г-да, вотъ у меня чудесный Карлъ Мооръ! Его навѣрно вызовутъ разъ десять или дватцать. Два гульдена за него не дорого! Амалія тоже не плоха, конечно она довольно плачевна, но все таки къ концу будетъ заколота. За нее одинъ гульденъ и 30 крейцеровъ! Потомъ Францъ Мооръ, негодяй по наружности, но драгоценный по внутреннему достоинству: восемнадцать листовъ, почти не сходитъ со сцены; непременно будетъ вызванъ. Цѣна ему сорокъ пять крейцеровъ. Наконецъ Роллеръ, бѣжавшій съ висѣлицы—шесть грошей, и Швейцеръ, страшный зажигатель, который поджигаетъ все, что только попадетъ ему подъ руку, но который наконецъ и самъ сгоритъ въ ужасномъ огнѣ,—сорокъ пять крейцеровъ!» И это искусное распредѣленіе ролей приносило нашему директору почти мѣсячное жалованье его труппы.

—Гендель содержалъ въ Лондонѣ большую оперную труппу и дирижировалъ иногда самъ оркестромъ, играя на арфѣ. Такой акомпанементъ, разумѣется, былъ часто причиною того, что публика вовсе не обращала вниманія на сцену, а занималась единственно игрою знаменитаго композитора. Одинъ изъ артистовъ Генделевой труппы, чрезвычайно оскромился этимъ и поклялся, что при первомъ подобномъ случаѣ, онъ спрыгнетъ со сцены прямо на Генделеву арфу. —И прекрасно, сказалъ Гендель: только вы пожалуйста, назначьте мнѣ заранѣе тотъ вечеръ, когда намѣрены это сдѣлать; я извѣщу объ этомъ въ аффишахъ, и, вѣроятно, вашъ прыжокъ доставитъ мнѣ больше сбора, чѣмъ ваше пѣніе.»

— Кокетку можно сравнить съ собраніемъ повѣстукъ, въ которомъ введеніе самая хорошенькая статья; оно переходитъ изъ рукъ въ руки и всѣхъ забавляетъ; но маленькая книжка прочтена, большая часть листовъ потеряна и остаются только *опечатки*.—

— Изъ 493 газетъ и журналовъ, появляющихся ежемѣсячно, еженедѣльно и ежедневно въ Парижѣ, 14 посвящены музыкѣ.

— Принцъ Жоанвильскій страстный любитель музыки; единственное развлеченіе его на кораблѣ состоитъ въ устройствѣ концертовъ и собственныхъ музыкальныхъ упражненійхъ. Во вновь предпринятомъ морскомъ путешествіи съ нимъ поѣхали семь музыкантовъ.

— *Лаблаизъ* съ нѣкотораго времени занемогъ. Когда ему принесли жалованье и просили росписаться въ книгѣ, то онъ отказался, объявивъ, что онъ не имѣетъ права на полученіе жалованья, потому-что по открытіи театровъ, онъ игралъ только одинъ разъ.

ХРОНИКА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(ЯНВАРЬ.)

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Le Bonheur sous la main. (Счастіе подъ рукою), водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Дюпора.* (Théâtre de Vaudeville).

У Жюля Диде есть хорошенькая кузина, которая за мужемъ въ Каркасоннѣ и съ которою онъ не видался ровно 18 лѣтъ. Жюль нѣкогда былъ влюбленъ въ кузину свою и страсть эта не только не уменьшилась съ годами, но, какъ бываетъ только въ водевиляхъ, возгорѣлась съ новою силою при извѣстїи, что прелестная Елалія, вдова, свободна и возвратилась въ Парижъ, по двумъ причинамъ: первая та, что она непременно хочетъ выдти за милаго своего Жюля, котораго и она не переставала любить, а вторая—ей надобно кончить процессъ съ какимъ-то *Моннерономъ*, который также овдовѣлъ и не перестаетъ оплакивать свою покойницу. Наконецъ любовники свидѣлись. Какое блаженство для Жюля, котораго постоянство достойно золотого вѣка! Но увы! 18 лѣтъ оставили слѣды свои на лицѣ Елаліи, и роза превратилась въ... увы! увы! увы! Между-тѣмъ какъ бѣдный Жюль бѣгалъ за химерой, онъ и не примѣчалъ, что *счастіе* у него *подъ рукою*, въ образѣ хорошенькой дѣвушки, готовой полюбить его нѣжно. Но къ-счастію все дѣло можно поправить. Молодая дѣвушка свободна. Онъ самъ женится на ней, а Елалію уговариваетъ выдти за Моннерона.

Старая, избитая мысль!

Le Capitaine Charlotte. (Капитанъ Шарлотта) водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Гг. *Баяра* и *Дюмануара.* (Théâtre de Palais Royal).

Баяръ большой охотникъ выводить на сцену королевъ. Недавно еще въ *Les deux couronnes* (Двѣ короны) онъ вывелъ

на сцену Королеву Англійскую, и вотъ въ новой піесѣ его опять Королева—Португальская.

Пора-бы, кажется, оставить королей и королевъ въ покоѣ и не заставлятъ ихъ распѣвать водевильныя куплеты. Развѣ нельзя найти другаго сюжета? Вѣрно нѣтъ, потому-что Баяръ держится обыкновенія своего.

Дѣвица Шарлотта Клаше содержитъ модный магазинъ; слава ея въ Парижѣ велика; она одѣваетъ г-жу Дюбарри. Подобно всѣмъ модисткамъ Шарлотта Клаше очень чувствительна. Сердце ея доступно чести и любви. Въ слѣдствіе сего она влюблена въ молодаго французскаго офицера, г. Леона де Вилларси, который оставивъ полкъ свой въ Пикардіи, пошелъ служить за границей. Сверхъ-того Шарлотта узнала, что г-жа Дюбарри заказала себѣ новое платье у соперницы ея.

— Неблагодарная родина, не хочу знать тебя! восклицаетъ Шарлотта. Но куда идти, куда ѣхать?... Въ Англію... не люблю Англичанъ, не смотря на ихъ тиней.—Въ Россію... тамъ холодно. Пстой!... что мнѣ болѣе всего нравится?... апельсины! ѣду въ Португалію—тамъ ихъ—много! Сказано, сдѣлано.

И вотъ Шарлотта въ Лиссабонѣ. Первое дѣло ея, по приѣздѣ, было сходить въ театръ. Весь дворъ былъ тамъ. Королева, и... Леонъ де Вилларси, бывший поручикъ пикардійскаго полка, котораго Шарлотта нѣкогда обожала. Теперь г. де Вилларси не болѣе, не менѣе какъ суизругъ Королевы, тайно съ нимъ обвѣнчавшейся, какъ то бываетъ обыкновенно въ водевиляхъ. Г-жа Клаше бѣжитъ къ Леону. Леонъ принимаетъ ее холодно, что очень естественно въ новомъ положеніи его.

— Милая Шарлотта, говоритъ онъ ей, ты возвратилась... Какъ я радъ... Я вѣдъ все еще люблю тебя; но сдѣлай милость, убирайся прочь и не приходи болѣе сюда!

— Какъ! я приѣзжаю въ Лиссабонъ... нахожу тебя... обожаю тебя... а ты меня гонишь отъ себя!

— Мы должны разстаться!

— Должны! такъ я-жъ останусь на зло тебѣ!

Наконецъ Леонъ долженъ объяснить ей, что если она не удалится, то ее запрутъ куда-нибудь. Слышится шумъ. Шарлотта прячется въ сосѣдную комнату. Является Королева. Она чрезвычайно ревнива.—Здѣсь спрятана женщина; я хочу ее видѣть, говоритъ она. Леонъ клянется ей, что она ошибается, но все тщетно.—Королева бѣжитъ къ дверямъ

сосѣдней комнаты... и оттуда выходит прелестный молодой пажикъ, красавецъ. Вы уже угадали, что этотъ пажъ никто иной, какъ Шарлотта. Леонъ представляетъ ей имя ея подъ именемъ Жиль де-Санъ-Переса, молодого Бразильца, племянника адмирала. Онъ нравится Королевы и она жаждетъ его въ офицеры. Этимъ оканчивается первое дѣйствіе. Должно однакожъ замѣтить, что *il signor* Танкредо ди-Вамбинелли, дворянинъ Монакскаго княжества, видѣлъ Шарлотту еще въ женскомъ костюмѣ и влюбился въ нее.

Во второмъ дѣйствіи прошло восемь дней и Шарлотта произведена уже въ капитанъ. Между тѣмъ мужской костюмъ начинаетъ надѣдаться ей и она хотѣла-бы воротиться къ себѣ, т. е. сдѣлаться опять женщиной. Но мужская роль ея еще не кончена. Королева выѣзжаетъ верхомъ, капитанъ Жиль де-Санъ-Пересъ сопровождаетъ ее; лошадь Королевы бѣсится и сбрасываетъ ее... подоспѣвшій крестьянинъ переноситъ Королеву въ сосѣдній домъ... Несчастный! восклицаетъ Шарлотта, ты осмѣлился нанести дерзновенную руку на Королеву: тебя ожидаетъ смертная казнь! Испуганный крестьянинъ убѣгаетъ... и Королева благодаритъ Шарлотту, спасающую ей жизнь! Сверхъ-того, она даритъ мнимому капитану 30,000 долларовъ! Шарлоттѣ начинаетъ нравиться новое званіе ея; но похождения ея не кончились еще; *il signor* Танкредо узнаетъ въ капитанѣ женщину, которую онъ обожаетъ.—Слѣдовательно онъ не женщина, онъ насмѣхался надо мной, когда я въ нее влюбился! восклицаетъ онъ, и бросаетъ черчатку Шарлоттѣ, которая не хочетъ съ нимъ драться. Леонъ де Вилларси не знаетъ, какъ-бы заставить Шарлотту выйти на дуэль... если она будетъ отказываться, то все откроется. Онъ нанимаетъ сподассѣна, который долженъ допустить ранить себя. О, тогда Шарлотта закипѣла мужествомъ; она въ присутствіи Танкредо дерется съ подкушленнымъ недоброжелателемъ, и *il signor* ужасно струсилъ, когда увидалъ, что Шарлотта ранила искуснѣйшаго лиссабонскаго дуэлянта.

Но другая бѣда! Въ Лиссабонѣ есть настоящій Жиль де Санъ-Пересъ, и этотъ Жиль влюбился въ Королеву! Онъ находитъ случай передать ей письмо, въ которомъ словами самыми пламенными открываетъ ей любовь свою. Королева гнѣвается и хочетъ отослать его въ Бразилію; но капитанъ Шарлотта самъ очень-хорошо знаетъ женщину: онъ пробрается ночью въ покои Королевы, чтобы просить у нея помилованія; и тамъ, вмѣсто того, чтобы извиняться, капитанъ клянется ей въ любви; онъ говоритъ съ такимъ жаромъ, что

Королева тронута и капитанъ начинаетъ уже опасаться. Но во дворцѣ замѣтили, что мужчина прокрался въ покои Королевы. Леонъ де Вилларси является первый. Тутъ начинается панданъ къ сценѣ ревности въ первомъ дѣйствіи. Леонъ ревнуетъ... онъ обвиняетъ Королеву. Здѣсь скрывается мужчина, говорить онъ и... Шарлотта является *перводѣя* женщиной! Она спасаетъ Королеву также, какъ спасла Леона! Что-же касается до мужа Королевы, то онъ совершенно спокоенъ на-счетъ того, что происходило между Королевой и капитаномъ. Наконецъ Шарлотта отдаетъ руку свою синьору Танкредо, который увозитъ ее въ Монашеское княжество.

Піеса эта имѣла успѣхъ.
— *Linda di Chamouni* (Линда ди Шамуни), опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Донизетти. (Théâtre Royal Italien).

Либретто этой оперы заимствовано изъ прославленной мелодрамы *La Grâce de Dieu*, которая въ передѣлкѣ, явилась на сценѣ Александринскаго театра, подъ названіемъ: «Материнское благословеніе». Піеса эта не могла имѣть у насъ успѣха, не смотря на прекрасную игру г. Самойлова и г-жи Дюръ. Главный интересъ ея составляетъ романсъ г-жи Луизы Пюже, *A la Grâce de Dieu*, который и послужилъ поводомъ къ составленію французской мелодрамы. Слѣдовательно у насъ «Материнское благословеніе» упало, между-тѣмъ какъ въ Парижѣ эта самая піеса имѣла такой удивительный успѣхъ, что подала мысль плодovitому маэстру Донизетти составить изъ нея оперу, въ которой содержаніе—ни что, музыка—все.

— *La part du diable* (Доля дьявола) комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Скриба и Обера.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ царствованіе Фердинанда... котораго? Объ этомъ Скрибъ умалчиваетъ. Да и къ чему намъ это знать? Умъ, острога, сценическое искусство не нуждаются въ числахъ.

Молодой студентъ богословія влюбленъ въ хорошенькую *tanola* (швейку). Вдругъ она исчезаетъ; куда?—неизвѣстно. Студентъ съ отчаянія обращается къ Королевѣ и проситъ, чтобы его слѣдали лейтенантомъ, но получаетъ рѣшительный отказъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто-бы ему покровительствуетъ главный инквизиторъ, котораго Королева терпѣть не можетъ за то, что онъ имѣетъ слишкомъ-большое вліяніе на Короля. Что оставалось дѣлать бѣдному студенту?

Онъ пошелъ въ дѣсь, къ заколдованному дубу, и громкимъ голосомъ, трижды вызвалъ на помощь асмодея. Ночь была темная; вдругъ, изъ стараго дупла раздается голосъ:

— Зачѣмъ зовешь ты меня? и не дожидаясь отвѣта, этотъ же голосъ продолжаетъ: Я готовъ служить тебѣ, однако съ условіемъ, чтобы половина всего, что будетъ тебя радовать и составить счастье твое, принадлежала мнѣ, асмодею!

— Согласенъ! отвѣчаетъ студентъ.

Надѣясь на покровительство асмодея, молодой студентъ Рафаэль де Пунига не боится ничего и никого; онъ становится героемъ и—о чудо! На него сыплются почести, золото; дядя, хотѣвшій лишить его наслѣдства, умираетъ скоропостижно; Королева, отказавшая ему въ чинѣ лейтенанта, дѣлается его покровительницею; въ одной изъ фрейлинъ узнаетъ онъ свою *manola*!... Все это нисколько не удивляетъ его; но онъ, однакожь, не забываетъ, что половина всѣхъ почестей, всего золота, даже половина нѣжной половины его принадлежитъ чорту. По неволѣ скажешь: *чортъ возьми!*

Бѣдный Донъ Рафаэль! Онъ, не смотря на всю силу любви своей, не смѣетъ поцѣловать, не смѣетъ даже пожать ручку возлюбленной своей. Ему все кажется, что невидимый покровитель его въ то-же мгновеніе получитъ свою долю. Но мученія его скоро кончаются; асмодей самъ является во дворцѣ!... Асмодей, не страшный, не съ рогами, не съ козлиными ножками, не съ хвостомъ, но хорошенькій молодой человѣкъ, братъ возлюбленной Рафаэля, Карло Броски, который случайно былъ въ дѣсу, когда студентъ вызывалъ асмодея, и желая пошутить, взялся сыграть роль бѣса. Голосъ Карла Броски произвелъ удивительное впечатлѣніе на меланхолическаго Короля, и Королева, употребившая всѣ средства, чтобы разсѣять его, взяла молодого цѣвца ко двору, и по милости его Донъ Рафаэль былъ осыпанъ почестями и покровительствуемъ Королевой. Ему-же въ угожденіе и сестра его была сдѣлана фрейлиной.

Музыка произвела на слушателей живое впечатлѣніе. Вся оперетка исполнена мелодій; дуэты особенно прелестны.

— *Une femme à la mode* (Модная жена), комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г-жи Ансд.

Героиня этой новой комедіи г-жи Ансд, Анжелина, любила нѣкогда г-на Жоржа де Сень-Клера и была взаимно любима. Все было готово къ свадьбѣ, какъ вдругъ Жоржъ женился на другой, и Анжелина, съ отчаянія, отдала руку

свою другому. Другая умерла и другой умеръ. Жоржъ вдовецъ и министръ. Анжелина вдова: кажется, теперь дѣло могло-бы сладиться... но нѣтъ! Въ-мѣсто-того, чтобы ударить по рукамъ, Жоржъ и Анжелина перестрѣливаются колкостями. Жоржъ сердится, уходитъ домой и приноситъ письмо съ черною печатью, въ которомъ покойная жена его пишетъ къ Анжелинѣ, что она часто раскаявалась въ томъ, что вышла за человѣка, любившаго другую женщину. Тогда Анжелина принимается рассказывать министру, сколько она страдала... Является какой-то г. Ламберъ и объявляетъ Жоржу, что онъ уже болѣе не министръ. — Тѣмъ лучше! отвѣчаетъ онъ, я самъ хотѣлъ подавать въ отставку. *Теперь у меня ничего не осталось!*—У васъ осталась Анжелина! Послѣ этихъ словъ свадьба.

Замѣтимъ еще, что Жоржъ остался министромъ и что извѣстіе объ отставкѣ его было ложное.

Комедія скучная, длинная, не-смотря на то, что въ одномъ дѣйствіи, наполненная пустыми остротами, которыми актеры перебрасываются какъ мячикомъ.

Madeleine (Магдалина), мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ Г. Алберта и Анисе Буржуа.

Дѣйствіе первое. Викторъ де-Франшвилъ очень влюбленъ въ молодую крестьянку Магдалину. Викторъ очень бѣденъ, а потому добрые родственники его надѣются, что онъ не долго проживетъ и что все имѣніе перейдетъ во владѣніе сестры его, на которой хочетъ жениться адвокатъ Жоржъ Ландье. Однако Викторъ такъ любитъ Магдалину, что г-жа де-Франшвилъ и Ландье начинаютъ беспокоиться и рѣшаются выдать ее за молодого крестьянина Андре. Андре согласенъ, но Магдалина нехочетъ. Она лучше останется въ дѣвцахъ и будетъ—матерью. Берегись, Магдалина, говоритъ ей священникъ: Женеваева Салмонъ убила дитя свое и ее повѣсятъ въ Тулузѣ.—Магдалина, увидѣвъ, какъ ведутъ Женеваеву, закрыла глаза обѣими руками.

Дѣйствіе второе. Посреди скалъ, возлѣ водопада, священникъ утѣшаетъ Магдалину, держащую на рукахъ крошечнаго ребенка. Ландье, пользуясь отсутствіемъ Виктора, старается уговорить ее выдти за Андре, обѣщая взять ребенка подъ свое покровительство. Добрый священникъ не хочетъ и слышать этихъ предложеній; между-тѣмъ прибѣгаетъ Андре. Онъ былъ въ Парижѣ, видѣлъ г. Виктора и рассказалъ ему про рожденіе дитяти; Викторъ отвѣчалъ, что онъ

скоро прѣдетъ и женится на Магдалинѣ.—Къ ночи онъ будетъ здѣсь! прибавилъ добрый Андре.—Къ ночи! вскричала Магдалина, я пойду къ нему на встрѣчу!... Но-несчастію Ландье слышалъ все. Ночь. Магдалина пробирается по тропинкѣ, неся ребенка на спинѣ. Ландье слѣдуетъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи. Въ это-же время Андре, влюбленный въ Магдалину безнадежно, прощается съ друзьями; онъ хочетъ удалиться. Магдалина поднимается на-гору; Андре идетъ подь-гору. Вдругъ раздается рѣзкій крикъ. Магдалина съ распущенными волосами, съ отчаяніемъ во взорѣ кричить: Дитя мое! дитя мое! дитя мое! Ландье сбросилъ его со скалы.

Дѣйствіе третье. Всѣ обвиняютъ Магдалину въ дѣтоубійствѣ, а она, бѣдняжка, сошла съ ума. Она все забыла. Отъ этой ночи у нея остался только клочекъ отъ плаща и медальонъ, отнятый ею у Ландье. Но онъ скорѣ овладѣлъ имъ, и не осталось доказательствъ преступленія его. Между тѣмъ крестьяне врываются въ хижину Магдалины, ломаютъ, разбиваютъ и готовы убить ее, но Викторъ, вооруженный ружьемъ, останавливаетъ ихъ. Магдалина спасена.

Дѣйствіе четвертое. Крестьяне больше не сердятся, они даже готовы защищать ее! Магдалина, въ рубищѣ, растрепанная, возвращается въ деревню. Жандармы схватываютъ ее и уводятъ, также, какъ увели Женевьеву Салмонъ. Въ то-же время возвратился домой, послѣ двухлѣтняго странствованія, добрый Андре.

Дѣйствіе пятое. Викторъ де-Франшвилъ оплакиваетъ Магдалину; Ландье начинаетъ мучить совѣсть; г-жа де-Франшвилъ лишилась дочери. Всѣ горюютъ! Но вотъ жандармы приводятъ въ замокъ дѣвушку, обвиненную въ дѣтоубійствѣ. По приказанію перваго президента тулузскаго парламента, Викторъ долженъ осуждать ее, а Ландье защищать.—Магдалина! не могу осуждать ее! вскрикиваетъ Викторъ.—Не могу защищать ее! говоритъ Ландье.—Магдалина сама защищается. Ксатри одинъ изъ преступниковъ, заключенныхъ въ тулузской тюрьмѣ, препровождаетъ къ Виктору нѣкоторыя бумаги, украденныя у Ландье. Бумаги эти объясняютъ и оканчиваютъ все дѣло. Ландье застрѣлился. Викторъ женится на Магдалинѣ. Андре является съ двухлѣтнимъ ребенкомъ, котораго онъ нашелъ висящимъ на сучкѣ боярышника, въ ту самую ночь, когда отправлялся въ путешествіе. Это сынъ Виктора и Магдалины. Добрый священникъ очень доволенъ.

— *Mademoiselle de la Faille* (Дѣвица де-ла-Фалль), драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, Гг. *Анисѣ Буржуа* и *Ж. Лемоана*.

Читатели наши, вѣроятно, знаютъ уже интересную исторію дѣвицы де-ла-Фалль, напечатанную въ недавнихъ номерахъ «Сѣверной Пчелы»; но исторія этой исторіи такъ забавна, такъ интересна, что мы непременно желаемъ познакомить съ нею нашихъ читателей.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ (въ 1833 году) Альфонсъ Ройе издавалъ журналъ *L'Europe littéraire*, въ которомъ Фредерикъ Сулье, знаменитый авторъ *Записокъ дьявола*, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ. Между повѣстями, помѣщенными имъ въ *L'Europe littéraire* особенно отличалась интересная вымышленная исторія о молодой дѣвушкѣ, заживо похороненной, вынутой изъ земли, отвезенной въ Индію, вышедшей тамъ за-мужъ и пр. и пр. и пр.

Вдругъ, въ нынѣшнемъ январѣ мѣсяцѣ, 1843 года, въ *Gazette des Tribunaux* появился рассказъ объ истинномъ происшествіи дѣвицы де-ла-Фалль, заживо похороненной, вынутой изъ земли, отвезенной въ Индію, вышедшей тамъ за-мужъ и пр. и пр. и пр.

Фредерикъ Сулье, читая рассказъ объ этомъ истинномъ происшествіи, остолбенѣлъ. И было отъ чего! Не только вся повѣсть, самыя имена, все, все, были вымышлены имъ!

Онъ не успѣлъ еще опомниться, какъ вдругъ новое изданіе этой исторіи, исправленное, разукрашенное, подновленное, обставленное, появилось на сценѣ! Фредерикъ Сулье еще болѣе остолбенѣлъ. Пришедъ въ себя, онъ такъ разсердился, что, не медля ни минуты, подалъ жалобу на *Gazette des Tribunaux* и на авторовъ драмы, за то, что они украли у него идею, написанную, напечатанную и десять лѣтъ тому назадъ изданную въ журналѣ *L'Europe littéraire*!

Чѣмъ кончится этотъ процессъ неизвѣстно, но вѣрно то, что Фредерикъ Сулье поступаетъ по-христіански. Онъ врагу дѣлаетъ добро, потому-что объ этомъ процессѣ говорить весь Парижъ и вся публика бѣжитъ смотрѣть на «Дѣвицу де-ла-Фалль»; этого-то авторамъ драмы и нужно!

Вотъ, во всей исторической простотѣ, краткій рассказъ о дѣвицѣ де-ла-Фалль:

Г. де-ла-Фалль, бывший президентъ тулузскаго парламента, жилъ въ Парижѣ съ дочерью своею, Серзифиною. Она была прелестна и, слѣдовательно, нѣжно любима двоюроднымъ братомъ своимъ, Жоржемъ де-Гаранъ, лейтенантомъ

на королевских галерах; онъ былъ молодъ, богатъ и знатенъ по роду своему.

Наканунъ свадьбы своей съ дѣвицею де-ла-Фаль, Жоржъ получаетъ приказаніе отправиться въ Пондишери. Надобно повиноваться и отложить свадьбу до удобнѣйшаго времени. Серафина горько плачетъ, но вскорѣ смерть Жоржа успокоиваетъ ее: женщины болѣе плачутъ объ отсутствующихъ, чѣмъ о мертвыхъ женихахъ—это аксіома! И такъ Серафина осушаетъ слезы, выходитъ за г. де Боассье, и дѣлается матерью хорошенькой бѣлокурой дѣвочки. Но Жоржъ не умеръ. Это хорошо и не хорошо, но вотъ что ужъ рѣшительно не хорошо: Серафина, сдѣлавшись матерью, почему-то опять zaczynaеть грустить о Жоржѣ: погрузила да и умерла. Жоржъ узнаетъ въ одно время о женитьбѣ и о смерти Серафины.—Гдѣ она? кричитъ онъ.—Похоронили.—Бѣгу!... Могильщикъ, вотъ тебѣ *злато*; разрой могилу или я тебя самого закопаю!

Могильщикъ беретъ кошелекъ, разрываетъ могилу и убѣгаетъ со всѣхъ ногъ.

Жоржъ обнимаетъ Серафину...—Ромео!—Жюльетта!...

Юлія узнала своего Ромео. Ромео садится въ почтовую коляску и увозитъ свою Юлію въ Пондишери. Прошло пять лѣтъ и они преспокойно воротились во Францію. Похороненной женщинѣ всегда хочется сходить поплакать на своей могилѣ, но и вдовцу иногда хочется сходить на могилку покойной жены... и вотъ г. де Боассье встрѣчаетъ Серафину на пустой могилѣ. О ужась!

Другой, на мѣстѣ г. де Боассье подумалъ-бы, что онъ видѣть привидѣніе; а онъ не таковъ. Это, вѣрно, жена моя, говоритъ онъ, и полиція непременно узнаетъ, почему она на могилѣ, а не *въ* могилѣ.

Между-тѣмъ полиція ничего не узнаетъ. Серафина рѣшительно отрекается отъ своего имени, отъ мужа и даже отъ отца. Судятся. Вдругъ г. де-ла-Фаль приходитъ на умъ представить ей маленькую бѣлокурую дочь ея. Природа взяла свое: та, которая отрекалась отъ отца, не могла не признать дочери; она залилась слезами и вскричала:

— Дочь моя!

— Жена *моя*! вскричалъ г. де Боассье.

— Не торонитесь! сказала Серафина: я сейчасъ отравлюсь.

И точно, она отравилась за-компанію съ Жоржемъ де-Гаранъ, вторымъ мужемъ ея.

Послѣ этого ихъ похоронили въ одной могилѣ...
 Давно уже ни одна драма не имѣла такого блистательнаго и заслуженнаго успѣха.

— *Mademoiselle de Bois-Robert* (Мадмоазель де-Боа-Роберъ), воевавшая въ двухъ дѣйствіяхъ Г. Фурнье.

Дѣйствіе происходитъ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI, когда республика еще не основалась, но монархія французская уже не существовала. Мадмоазель де-Боа-Роберъ сирота, но сирота богатая, знатная, гордящаяся славнымъ именемъ своимъ, хотя не совсѣмъ справедливо, потому что отца ея звали Бернаромъ, мать же была изъ фамиліи Боа-Роберовъ. Между тѣмъ какъ она важничаетъ этимъ именемъ, родственники ея, со стороны матери, затѣвуютъ съ нею процессъ, въ слѣдствіе котораго она должна переимѣнить фамилію и гербъ свой.

Мадмоазель де-Боа-Роберъ такъ горда, что ей и въ голову не приходитъ, чтобы она могла потерять процессъ; она спокойно скачетъ на ретивомъ конѣ по горамъ и... падаетъ съ лошади!... Но не пугайтесь: у нея есть егермейстеръ Жоржъ, бѣдный сирота; онъ подоспѣваетъ во время и останавливаетъ лошадь. На другой день мадмоазель де-Боа-Роберъ скачетъ по мосту и мостъ подламывается... но Жоржъ и тутъ подоспѣлъ. Нѣсколько дней спустя, на знатную барышню нападаетъ разъярившійся кабанъ... однимъ выстрѣломъ Жоржъ положилъ его на мѣстѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: егермейстеръ Жоржъ страстно влюбленъ въ мадмоазель де-Боа-Роберъ.

Между тѣмъ возвращается изъ Парижа повѣренный и управляющій ея г. Хокаръ. Процессъ проигранъ! Впредь мадмоазель де-Боа-Роберъ будетъ называться просто мамзель Бернаръ. Ужасъ и отчаяніе ея невыразимы; она рѣшается продать замокъ свой и уѣхать куда нибудь подальше, но г. Хокаръ удерживаетъ ее. Не угодно-ли, говоритъ онъ, я пожалую васъ сейчасъ въ маркизы де-Рошъ-Ружъ? — Очень угодно, отвѣчаетъ мамзель Бернаръ, но какимъ образомъ? Тутъ объясняется, что егермейстеръ Жоржъ есть законный сынъ маркиза де-Рошъ-Ружъ, умершаго послѣ бѣгства изъ Бастильи, въ которой содержалъ его Людовикъ XV. Въ слѣдствіе всего этого Жоржъ женится на мадмоазель Бернаръ; но это еще не все! Бѣдный егермейстеръ въ такомъ восторгѣ, что не читая подписываетъ контрактъ, въ которомъ сказано, что онъ остается простымъ егермейстеромъ, только жалованье его будетъ состоять изъ 2,000 ливровъ. Маркиза-

же ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ великодушныи именитъ своимъ затмеваетъ славу вѣсхъ Боа-Роберта. Несчастный Жоржъ оставляетъ замокъ вѣроломной.

Но французская революція разбиваетъ короны маркизовъ, графовъ и бароновъ. Въ это же время Жоржъ вступившій въ службу солдатомъ, отличается и, благодаря легкости, съ которою въ комедияхъ раздаются чины, вскорѣ сдѣланъ полковникомъ. Онъ не можетъ забыть обиду, причиненной ему гордой аристократкой; но вдругъ она является къ нему въ палатку, въ костюмѣ простой служанки, и умоляетъ, чтобы онъ спасъ ее отъ эшафота. Имя ея внесено въ списокъ подозрительныхъ. Но, равно наиссенная сердцу Жоржа, слыша о глубока, а потому онъ требуетъ, чтобы маркиза подлинула сперва разводную. Она исполняетъ требованіе его, но вдругъ узнаетъ, что и Жоржъ записанъ въ число подозрительныхъ и что на него подаю донесеніе въ комитетъ общественнаго благосостоянія. Тогда она разрываетъ разводную и объявляетъ всѣмъ, что она жена его! Это извѣстно въ тѣ времена; ведите и меня на эшафотъ! — Этотъ интриголъ. Однакожъ бѣда миновалась. Комитетъ не обратилъ вниманія на донесеніе и пожаловалъ Жоржа въ генералы, въ слѣдствіе чего надмозазель де-Боа-Робертъ-Вертранъ, маркиза де-Рошъ-Ружъ, дѣлается генералшею Жоржъ.

Піеса написана очень мило; интрига ведена искусно. Парижская публика не перестаетъ посѣщать почти ежедневное представленіе этой піесы, заставляющей плакать и смѣяться!

— *Eloi l'innocent*, вошедшій въ одно изъ дѣйствій, г. *Savages*!

Г. Керандаль очень счастливъ: ему пятьдесятъ лѣтъ отъ роду и у него 50,000 ливровъ доходу, великолѣпный замокъ и прелестная 16-ти лѣтняя дочка, которую онъ отдалъ замужъ за молодого человѣка, парижскаго адвоката Перрания; этотъ молодой адвокатъ спасъ г. Керандаль жизнь.

— Все идетъ какъ нельзя лучше, потому что Анна, дочь г. Керандала, вѣжко любитъ жениха своего. Но вотъ бѣда! г. Керандаль обладаетъ негодиемъ, который негодий приходится ему племянникъ. Имя его Керкабекъ. Будучи весь въ долгахъ и любя разгульную жизнь, Керкабекъ ищетъ средствъ помѣшать этому бракосочетанію, которое лишило его части наслѣдства, — и находитъ это средство въ лицѣ полуумнаго, которому достаетъ бумаги, въ которыхъ сказано, что настоящая Анна де Керандаль умерла въ младенческихъ лѣтахъ, въ отсутствіе г. Керандала, жена котораго подмѣнила умер-

шую дочь свою маленькою крестьянскою девочкою, дочерью старухи Мишель и сестрой полуумного Элоа.

— Все потеряно!

Ничуть не бывало гражданские законы позволяют человеку бездѣльному усыновить того, кто спасет ему жизнь. Дядя Керандах усыновилъ Перрину и женилъ того на Адицъ.

Шеска предства желательно-бы видѣть ее на нашей Французской сценѣ. Роль полуумнаго, которая въ этой мѣстѣ все и ничего, прекрасно была-бы сыграная г. Дюмуромъ.

Don Pasquale (Донъ-Паскаль), и опера-буффъ г. Эхъ-дѣйствійхъ г. Доизетта (*Théâtre Royal Italien*) это эа глвнз эно

Содержаніе этой оперы слѣдующее: Донъ-Паскаль, славный и богатый житель Корнето близъ Витербо, не смотря на свои шесть десятковъ лѣтъ, чувствуетъ себя какъ молодой и говоритъ еще смилковъ оильнымъ и проворнымъ и не думаетъ отказатьсь отъ фантазіи жениться, онъ проситъ своего доктора *Малатеста* посватать ему какую-нибудь невѣсту.

У дяди Паскаля (нашего жениха) есть племянникъ, Эрнесто, который тоже, подобно дядюшкѣ, или даже еще и больше, расположенъ жениться, но женится по собственному своему выбору, а не на богатой наследницѣ, которую избралъ для него дядя Эрнесто любить Порино, молодую вдову живаго,

характера, какъ говорить либретто, нетерпѣливую, но чисто сердечную и чрезвычайно нѣжную. Вдовушка съ своей стороны тоже очень неравнодушна къ племяннику донъ-Паскалю.

Докторъ Малатеста, который занимается въ одно и тоже время, и здоровьемъ донъ-Паскаля и страстью молодыхъ любовниковъ, стоваривается съ Пориною, которую и представляетъ Паскалю за родную сестру свою, молоденькую невѣнность, только что выпущенную изъ монастыря. Нашъ старичокъ какъ разъ влюбляется въ Порино и хочетъ безъ отлагательства жениться на ней; въ слѣдствіе этого появляется уже подготовленный нотаріусъ, пишетъ брачный контрактъ и укрѣпляетъ законнымъ образомъ дарственную записъ, которую Паскаль предоставляетъ половину своего состоянія будущей супругѣ.

Овладевъ этимъ актомъ, наша молоденькая монастыря поднимаетъ голову, начинаетъ шогваривать гораздо громче, потомъ уже кричитъ посылать всякаго, повелеваетъ прислугой, распоряжается мебелью и экипажами, и оканчиваетъ тѣмъ, что выплаетъ славную пощечину бѣдному Паскалю.

Слѣдствіа этой хитрости, разумеется, очень понятны: живая и нетерпѣливая (какъ ясно видно изъ самого дѣла) Порино

на, увидевъ дядю въ присутствіи племянника и доктора, по-
звусется ужасомъ, который возбужда въ Донъ Паскаль, едва-
было не состоявшаяся женитьба, и спрашиваетъ его согла-
сіе на бракъ свой съ Эрнестомъ.

Это новое произведение опернаго Кочубу имѣло огромный
успѣхъ въ Парижѣ, такъ-что изъ всѣхъ итальянскихъ оперъ,
писанныхъ собственно для парижскаго опернаго театра, «Донъ
Паскаль», послѣ «Пуританъ», лучше всѣхъ была принята
публикою. Сюжетъ оперы, какъ наша читатели, можетъ быть,
и замѣтили, очень не новъ и имѣетъ большее сходство съ опе-
рою Чимазоры «Matrimonio per susogno», написанной въ 1794-мъ
году и представленной въ Парижѣ въ 1802-мъ году. Около
того-же времени Турнэ (Tourna) сдѣлалъ изъ того-же сюже-
та оперу на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: Point de
bruit ou le contrat simulé. До (Doch) написалъ для нея музыку, и
опера была дана 11-го Брюмера XII года, на театрѣ Porte S.-t.
Martin. Этому послѣднему передѣлку воспользовался теперь
Донизетти и перекрестилъ героя оперы Чимазоры — *Сира
Маркитолло* въ — *Дона-Паскаля*. Ничто не ново подъ луною!...

— *Molière, à Chambord* (Мольеръ въ Шамборѣ), комедія въ четы-
рехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Г. Огюста Депорта.
Сто семдесятъ лѣтъ прошло отъ кончины Мольера (съ 15-го
января 1673 года) и слава его со дня на день возрастаетъ.
Мольеръ принадлежитъ въ вѣкъ и въ ками, онъ никогда не со-
старѣется. Имя его сдѣлалось народнымъ: остроты его вошли
въ пословицы. И вотъ на одной изъ площадей Парижа благо-
дарная Франція воздвигаетъ ему памятникъ. Честь эта до-
сегдѣ принадлежала однимъ королямъ Франціи. Вотъ на-
стоящая слава, утвержденная вѣками!

Въ память Мольеру, 15-го января нынѣшняго года, въ Па-
рижѣ, на Королевскомъ французскомъ театрѣ (aux Français)
давали *Тартюфа* и *Мнимую больную*; на театрѣ *L'Odéon*, *Les
Précieuses*, *Пурсоньяка* и новую комедію Г. Огюста Депорта,
Мольеръ въ Шамборѣ.

10-го октября 1670. Мольеръ находился въ Шамборѣ, гдѣ
былъ весь дворъ. Играли предъ Королемъ *Мъщанина во двя-
рицствѣ* (*le Bourgeois-Gentilhomme*), и Король не улыбулся, а
кто осмѣлится смѣяться, когда Король серьезенъ? Мольеръ
грустенъ, тѣмъ-болѣе что жена его ужасная вѣтренница
и кокетка. Она не понимаетъ, что имя, которое она носитъ,
передать о поведеніи ея потомству и потомство осудить
ее! — Страстными, пламенными словами Мольеръ описываетъ

ей любви и страдания свои; ей стало жалко его и она обещает быть скромной цыганкой. Но является де-Лозень и она забывает все обещания свои. — Счастливы Лозень! Бѣдный Мольеръ!

Все придворные; полагавшие, что Мольеръ впадъ въ немилость, какъ хищные вороны бросились на благороднаго поэта. Особенно герцога де-Примаре не щадить его: — За кого принимаетъ насъ этотъ Мольеръ, когда думаетъ, что такая жалкая шутка могутъ забавлять насъ! Онъ начинаетъ болтать вздоръ; испугался бѣдныи! Пора замѣнить его, а не то мы впадѣмъ въ итальянскіе фарсы. — Однако у Мольера есть истинные друзья, которые стараются защитить его! Но что Мольеру до этой защиты, когда онъ самъ застѣетъ жену свою съ г. де-Лозенемъ? Онъ можетъ самъ отомстить за себя: любовныя записки г. де-Лозеня къ жѣнѣ его у него въ рукахъ, что станется съ знатнымъ и блестящимъ вельможей, если одна изъ этихъ записокъ попадетъ къ г-жѣ де Монпансе? Но Мольеръ всегда благороденъ; онъ разрывая записки и г. де-Лозень признаетъ себя побѣжденнымъ.

Наконѣцъ при второмъ представленіи *Минциана въ дворництвѣ* Людовикъ очень смѣялся. Король смѣялся и всѣ смѣялись отъ души. Герцогъ де-Примаре бѣжить къ Мольеру: О, Мольеръ! восклицаетъ онъ вы превзошли себя; вы стали выше всѣхъ висателей въ мірѣ! Да! господи! Мольеръ неподражаемъ; очень жалко, что Король не выказалъ своего признанія въ первомъ представленіи; многіе изъ этихъ господъ выказали себя плохими знатоками!

Въ заключеніе Король пригласилъ Мольера къ ужину.

Комедія эта написана съ большимъ жаромъ и умомъ; сюжетъ ея очень хорошъ.

Les Dettes cinglées (Мелочныя долги, нетерпиміе отлагательства) водевиль въ 1 дѣйствіи г-дѣ *Алфонса Бро* и *Ивоарита Лостейнъ*. (Ambigu-Comique).

Шарль и Аргуръ, два молодые человека, живутъ совершенно по-людски: очень натурально, что у нихъ у обоихъ есть долги и кредиторы. Впрочемъ у перваго есть только такіе долги, которые обыкновенно называются мелочными, тогда какъ второй задолжалъ суммы гораздо значительнѣе, и что и дастъ ему средство играть роль въ свѣтѣ и сжиться надъ своимъ кузеномъ — эти молодые люди были кузены. Кредиторы гоняются за ними, мучать ихъ, но глѣбе не менѣе это нисколько не мѣшаетъ имъ жить весело.

У артики кузеновъ есть теще кузина, Елиза, молодая, очень богатая вдовушка, которая, жеснучившись многоюкою жизнию въ провинціи, ввудумана переселиться въ Парижъ. Ещѣ до выезда въ Парижъ Шарль былъ влюбленъ въ нею, да, по воле же не была къ нему равнодушна. Встрѣчатъ снова влюбленные, и ихъ любовниковъ; но скоро узнавъ такое состояние финансовъ Шарля, Елиза сначала, какъ будто бы охлаждать къ нему. Артуръ употребляетъ это обстоятельство въ свое пользу, и проситъ руки богатой вдовы; но вдовушка собираетъ свидѣнія о характерѣ и поведеніи обоихъ соперниковъ, и въ свидѣніе этихъ свидѣній рѣшается увѣщивать желанія кузена Шарля, и написать при томъ волю долги кузена Артура, что и доказываетъ, что у нее столько же равнодушій въ душѣ, сколько любви въ сердцѣ. *Второй актъ.*

Маленькая комедія эта замѣчательна своими милыми подробностями и прекрасными комическими сценами; куплеты ея напѣваны на многіе совершенно новые мотивы любви. *Два-е. Kadet & Valet* (Абд-ель-Кадеръ въ Парижѣ), водевилъ обрѣтѣнъ въ одномъ дѣйствіи, гдѣ *Du Marsais* и *Fontena (Variété)*. *Мода* переходчива: Прже, бывало, какъ каждый театръ полагалъ себя за право ежегодно давать свое маленькое *обозрѣніе*, въ которомъ разумеется употреблялись всевозможныя старанія разобрать въсь піесы, игранныя на овсѣхъ прочихъ театрахъ.

И ничѣго нѣтъ легче, какъ написать подобно *обозрѣніе*; это прѣсто азбука въ ремеслѣ водевилнстозьковы беретъ господина, который говоритъ очень-скоро и очень-громко, и который часто повторяетъ какое-нибудь слово; опотомъ вы беретъ книгу проданца, который ругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, литературу; прибавяете къ нимъ женщину, которая ходитъ самымъ самымъ образомъ, поднимаетъ къ верху носъ и носитъ на голоу дядежу. Вы вставяете ее говорить языкомъ рыночной торговли, и назывяете это трагедія гдѣка Рашель. Вы присаиваете все это въ несколькоми сценами — пародіями на пьесы, которыя наиболее въ ходу. Вамъ при нужно ни сюжетъ, ни остроуміе. Разогрѣйте своимъ пиесу самыми истасканными каибурями и двумя ежедневностими, и подавайте на это сто. Вотъ потому рецензу въ время оно соотряпай у насъ пиесу Сувя публики и гдѣ Кулаковъ, и пу банка осудила все по закону, и въ свѣтѣ отъ дѣлѣ у дѣлѣ дѣлѣ.

И нѣтъ въ пьесѣ Сонъ-Шурень, и родъ мастера, занимающійся доставленіемъ въ мѣсть по кучерамъ и помакеямъ, что у зналъ, что будто бы въ Парижъ прѣхалъ Абд-ель-Кадеръ.

Онъ тотчасъ же отправляется встрѣчать его; принимаетъ знаменитаго гостя со всевозможными знаками величайшаго уваженія и почтенія, и поvolvуясь такимъ счастливымъ случаемъ, удерживаетъ его у себя, принявъ на себя обязанность показать ему все любопытнѣйшее въ Парижѣ. И вотъ по этому-то случаю являются на сценѣ всѣ вышеупомянутые персонажи, съ прибавкою еще мастера гипсовыхъ издѣлій и сборщицы подаванія въ пользу бѣдныхъ. Наконецъ открывается, что мнимый Абд-ель-Кадеръ есть просто африканскій солдатъ, съ Спани, прѣѣхавшій въ Парижъ продавать ткани и жениться на Маріи, служанкѣ г-да де С. Шурена, съ которымъ онъ познакомился еще въ Африкѣ. Какъ-бы то ни было, но пьеса заставляла время-отъ-времени смѣяться, да отъ обозрѣнія больше и нечего преобывать. *L'Amateur amoureux* (Влюбленный страпчій), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г-на Бевилья (*Folies dramatiques*).

Любовь усмирять характеры самыя дикіе, неукротимыя, покоряетъ себѣ сердца самыя нечувствительныя, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, если вамъ встрѣтится влюбленный страпчій; но за то встрѣтить танцовщицу, постоянную въ своихъ склонностяхъ, вѣрную своему любовнику и твердо-противоположную всѣмъ окружающимъ ее обольщеніямъ — это большая рѣдкость. И вотъ такую-то рѣдкость представилъ г. Бевиль въ своемъ новомъ водевилѣ.

Мамзель Делія, жрица Терисихоры, говоря стариннымъ слономъ, задолжала по векселю г. Бонищону, старому ростовщику, своему хозяину, 3000 франк. Бонищонъ подастъ вексель по взысканію Страпчій Люшъ, которому поручено это взысканіе; охотно-бы освободилъ хорошенькую должницу отъ платежа, если-бы только она согласилась отвѣчать на него страсть. Подобное-же снисхождение готовъ оказать нашей танцовщицѣ и самъ Бонищонъ, но она поклалась въ вѣрности тенору Анатолю Бидару, котораго любитъ, и чтобы не измѣнить своей клятвѣ, рѣшилась подвергнуться всѣмъ неприяностямъ положенія несостоятельныхъ должниковъ. Самоотверженіе это нисколько не явится ея любезному; онъ съ величайшимъ огорченіемъ видѣлъ, какъ продавалась съ молоточка великолѣпная движимость нашей танцовщицы, и посредствомъ искусной и чрезвычайно забавной хитрости успѣлъ вырвать у жаднаго ростовщика вексель, который распозагался было уже перекупить влюбленный страпчій. И вотъ наши любовники съ кошелькомъ, набитымъ выручкою за продажу движимости и съ разорваннымъ векселемъ, от-

правляются въ Брюссель, вступивъ при томъ на очень выгодныхъ условияхъ въ крупную тамошнюю театралю, влѣтѣтисполн-

—Послѣднія сцены этой пьесы исполнены живости и веселости и доставили ей полный успѣхъ. Влѣдъ стоголѣе являеж

БЪЛЫЙ ТЕАТРЪ.

—(Sin dreife Matt) (Бѣлый листокъ) драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, Карла Луцкова, шнелъ эн явленионі атасой влѣтѣ, ордод піини

У молодого ученаго Густава Гольма есть невѣста, которую онъ не видалъ уже восемь лѣтъ, потому что все это время онъ провелъ на службѣ отечеству, разъѣзжая для ученыхъ изслѣдованій, по разнымъ частямъ свѣта. Образъ этой невѣ-

сты, разумителя, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ ее поставилъ, сопровождаетъ его повсюду, куда ни занесетъ его судь-

ба и должность, и поддерживаетъ страсть его во всей ея живости. Въ Лондонѣ онъ знакомится съ одною дамою, забыв-

хавшею туда съ дочерью своею изъ Германіи, и ему удается оказать имъ какую-то незначительную услугу. Послѣ того онъ провожаетъ ихъ въ отечество и тамъ проживаетъ су-

нхъ нѣсколько времени, не замѣчая, что Эвелина, имъ до- чери, тайнѣ любитъ его. Окончивъ свою ученую миссію, онъ собираетъ

наконецъ, послѣ восьми-лѣтней разлуки, позвратиться къ своей невѣстѣ. Эвелина, сколько можетъ, скрываетъ

свою горестъ, и вручаетъ Гольму въ самую минуту его отъѣзда, бѣлый листокъ изъ своего альбома, просящего

написать на немъ нѣсколько словъ въ память ихъ знакомства. Гольмъ прячетъ листокъ въ карманъ, общиаясь въ первую же

свободную минуту исполнить этотъ долгъ дружбы. Что же касается до него невѣсты Беаты, то, какъ обыкновенно

бываетъ, если восемь лѣтъ произвели въ ней много перемѣнъ, не только наружность ея, но и нѣтъ уже первую, полностью

но и характеръ, но силѣ обстоятельствъ, получить чисто- практическую направленіе, которое, конечно, превосходно со-

блюдается въ житейскихъ обязанностяхъ, но зато ужасно разнорѣчить съ поэтическими мечтами любви романической. Хозяйственные заботы и занятія, а достойныя сами по-себѣ

нескако уваженія, но отчасти слишкомъ не поэтическія въ своихъ формахъ и названіи, овладѣли существованіемъ Беаты и дѣтъ-мѣне могли правиться поэтической фантазіи лю-

бовника, что не имѣли уже защиты со стороны всеукрашающей юности. Возвратясь наконецъ на родину, Гольмъ сначала принимаетъ за свою невѣсту младшую сестру Беаты, Готти, походявшую въ это время на то, чѣмъ Беата была.

назад тому восемь лет, ошибка извинительна для естественного испытателя, док не успеваешь поглубже вникая узнать, что такое восемь лет в жизни девушки, только по тому, что блаженная слепота была и будет неизменным атрибутом амура. Ошибка эта, естественно, тотчас же объясняется, и вот нашему молодому ученому в первый раз не совсем приятно открытие новой истины в естествознании. Домашняя добродетель Беаты произвела не слишком выгодное впечатление на этого романтического сердца, и хотя, конечно, она, как честный человек, верна своему слову и вечно обязана жене, но думать Беате уже только одно прошедшее, а не настоящее. И в этом-то неприятии мы состоим, подается ему на глаза белый листок, данный ему Эвелиной. Теперь он может взглянуть на него со стороны с другой точки зрения, он захотел бы высказаться на нем, но все что надо сделать и возмутить его сердце, но опасаясь, что недостаток будет им места, он слов не выражает, но что внушает ему в душе возродившаяся симпатия к этой переплетенной постигнутой им любви Эвелины, или что слова обвинять его в измене, в нарушении долга, они потому лишиться остается опять былым. Понятно, что от Беаты не укрывается эта перемена жемчужина, и как бы ни было убого деление, что она довольно разсудительна и не так самолюбива, чтобы не понять, что причина этой перемены заключается именно в ней самой. Постигая досель хорошо, что она не должна быть соперницей, она сначала подозревает в этом сестру свою, а в которой Гольмъ как взаимно, думает ей и близкую приязнь, и вожный идеальный характер, который чрезвычайно согласуется с ее характером. Однако Беата скоро усматривает, что она ошиблась в этом предположении, потому что сестра ее как отворачивается от любви к другому брату Эвелины, художника Вильгельма Штойнера. Наконец случай наводит Беату на настоящую мысль, и в то же время молчаливая, отказавшаяся от всякой надежды и требования любви Эвелины, и впрямую и в близкое внимание к ней Гольма, и принимают у нее всякое сомнение в чистоте и святости этой страсти. Оставшийся неисписанным белый листок еще больше успокаивает ее насчет этого открытия. Тогда она решает окончить эту тройную, хотя скрытую, но все-таки гласную борьбу, прекраснейшую победою молодою, для жениха. И вот, в эту самую минуту, когда она должно уже было идти к алтарю, она возвращается Гольму его слово, и снижая с головы своей брачную венок, надб

васть его на Эвелину. Белый листокъ остается эмблемою этой жертвы, принесенной дружбою любви.

Пьеса эта была принята съ величайшимъ одобреніемъ, какъ въ первое, такъ и въ послѣдующія представленія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Парижъ. Въ «*Revue et Gazette des Théâtres*» пишутъ слѣдующее о новой драмѣ Виктора Гюго: «Нѣтъ пуфа, котораго-бы Французская комедія не употребила еще въ дѣло, чтобы заставить говорить о новой пьесѣ Виктора Гюго. Невозможно считать всѣхъ этихъ туманныхъ безсмыслицъ, этихъ недосягаемыхъ комментарій, наполняющихъ теперь парижскіе журналы, по случаю пьесы *Burggraves* (Бургграфовъ)! «*Les Burggraves*»—это *трилогія*! «*Les Burggraves*» составляютъ эпоху въ драматическомъ искусствѣ! Какъ поэтически и съ какимъ высокимъ искусствомъ развита въ нихъ старинная легенда, и пр.»—словомъ, никогда еще журнальное восхваленіе не употребляло слога болѣе изукрашеннаго, болѣе страннаго.

Мы надѣемся, что новая драма г-на Виктора Гюго написана гораздо проще и чище этого напыщеннаго паюса.

Много трудностей предстояло Виктору Гюго при распредѣленіи ролей своей пьесы. Женскую роль, которую авторъ назначалъ г-жѣ Рашель, должно было отдать г-жѣ Максимъ, въ слѣдствіе отказа знаменитой трагической актрисы. Г-жа Рашель не считаетъ нашихъ современныхъ гениевъ достойными своего таланта. Вотъ когда Гюго умереть, тогда она увидитъ, что можетъ для него сдѣлать. Спрашивается, къ чему эта гордость, эта привилегія? Во Французскомъ Театрѣ только и есть, что одна трагическая актриса, достойная этого имени, и новѣйшій репертуаръ лишень ея покровительства. Въ глазахъ дочки *папа Феликса* быть въ добромъ здоровьѣ просто преступленіе и для авторовъ, не пользующихся еще счастьемъ имѣть мѣстопробываніе на кладбищѣ отпа Ланеза, довольно хороши, по ея мнѣнію, и дублиры. Фирмень, Лижье, Бовалле со всѣмъ не такъ горды, и даже г-жа Марсь, которой талантъ былъ, въ своемъ родѣ, безъ всякаго сомнѣнія, выше таланта г-жи Рашель, г-жа Марсь не презирала до такой степени живыми авторами. Зло было-бы еще не такъ велико, если-бы Французскій Театръ былъ богатъ талантливыми актрисами. Но когда недостатокъ его въ этомъ отношеніи очевиденъ, то не долженъ-ли онъ, по-крайней-мѣрѣ, пользо-

ваться единственными оставшимися ему средствами и не предоставлять на произвол случая успѣха такой пьесы, которую мы одолжены перу одного изъ величайшихъ современныхъ писателей».

— Драматическое искусство занимаетъ въ нынѣшнемъ году довольно большое мѣсто въ программѣ Атеней, который скоро откроется. Мольеромъ займется профессоръ Шарль Лубенъ, объявившій свои предположенія въ слѣдующихъ словахъ: «Цѣлю нашего курса будетъ изученіе комедіи Мольера, въ совокупности съ изученіемъ общественной и литературной исторіи его времени. Бросивъ взглядъ на то, что было до него и послѣ него, мы займемся главнымъ изслѣдованіемъ вопроса о томъ, какое мѣсто занималъ Мольеръ въ современномъ ему обществѣ, какое вліяніе имѣлъ онъ на настоящее и на будущее. Оставляя, сколько возможно, въ сторонѣ, вопросъ чисто-литературный, который уже довольно изслѣдованъ, мы постараемся опредѣлить нравственное достоинство произведеній великаго комика, и какихъ похвалъ или порицаній критики заслуживаетъ онъ съ этой точки зрѣнія. Мы постараемся также, не прибѣгая къ слишкомъ уже мелочнымъ подробностямъ, не забыть и того, что называется анекдотическою частію подобнаго изслѣдованія, частію очень-важною и проливающею много свѣта на такого рода предметы».—Преподавателемъ *Исторіи музыки* будетъ г. профессоръ Адриенъ де-Лафажъ, вознамѣрившійся читать *Исторію лирическаго театра во Франціи*. «Изложивъ въ краткихъ словахъ, говоритъ онъ, происхожденіе лирическаго театра и его первые опыты, мы рассмотримъ постепенно всё его измѣненія со времени введенія во Франціи. Послѣ чего займемся слѣдующими предметами: Лирической театръ до Люлли.—Люлли и Кино. (Quinault).—Ихъ послѣдователи.—Рамо.—Война buffовъ.—Общее положеніе музыки въ эту эпоху.—Жанъ-Жакъ Руссо, какъ музыкантъ и писатель о музыкѣ.—Комическая опера и водевиль.—Монсиньи, Дюни, Гретри, Далеиракъ и пр.—Революція въ оперѣ.—Глюкъ, Пиччини, Саккони, и пр.—Духовный концертъ.—Лирическіе театры въ провинціяхъ.—Музыкальное движеніе лирическихъ театровъ во время Республики, Имперіи и Возстановленія.—Обозрѣніе главнѣйшихъ композиторовъ всѣхъ этихъ трехъ эпохъ».—Изъ этихъ краткихъ программъ можно судить о занимательности курсовъ Атеней.

— «Фаринелли», опера въ 3-хъ актахъ, г-дъ Скриба и Обера, дана будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени; а

въ-слѣдъ за нею будетъ ставиться еще новая опера въ двухъ актахъ, либретто которой тоже г-на Скриба, а музыка г-на Ксавье Буассело, увѣчаннаго Институтомъ.

Лондонъ. Миссъ Аделаида Кембль, прекрасный талантъ которой поддерживалъ, въ теченіе нынѣшняго сезона, Ковентгарденскій театръ — Миссъ Кембль не принадлежитъ болѣе сценѣ; она недавно распростилась съ публикою въ любимой своей піесѣ, *Нормѣ*. Никогда пѣвица не была такъ восхитительна, но также никогда и публика, обыкновенно холодная, не была въ такомъ энтузіазмѣ. Рукоплесканія не прерывались; со всѣхъ сторонъ летѣли на сцену цвѣты, вѣнки, стихи. Въ одну минуту, волненіе бенефициантки было такъ сильно, что она едва не лишилась чувствъ, но собравъ всю свою энергію, оживленная новыми знаками участія, изъявляемыми безпрерывными bravo, она возвратилась на сцену, и, поддерживаемая г-мъ Куперомъ, повторила арію: *Al bello à me gitorna*, которую съ нетерпѣніемъ требовала публика. Вызванная по окончаніи піесы, миссъ Кембль, при новомъ дождѣ букетовъ, при громѣ рукоплесканій, распростилась съ этою столько-любящею ее публикою. Въ минуту, когда опускался занавѣсъ, взволнованная миссъ Кембль зарыдала, закрывъ лицо руками. Впечатлѣніе этого прощанія долго останется въ памяти того, кто имѣлъ счастье присутствовать въ семъ спектаклѣ. — Г-жа Евгенія Гарчіа пѣла съ большимъ успѣхомъ на Дрюлиенской сценѣ *Сомнамбулу*, переведенную съ итальянскаго.

— Дирекція Большаго Театра въ Гамбургѣ объявила, что, въ уваженіе чрезвычайно-малой пользы, приобретаемой драматическими авторами и музыкальными композиторами отъ своихъ произведеній, она рѣшилась авторамъ піесъ и партій, писанныхъ для ея сцены и принятыхъ публикою, независимо отъ надлежащей платы, удѣлять еще часть наличнаго сбора съ ихъ піесъ. Часть эта, смотря по суммѣ сбора, будетъ назначаться 10, 20 или 30 процентовъ со ста. Это еще первый примѣръ вниманія къ авторскимъ правамъ въ Германіи. Желательно, чтобы онъ не оставался безъ подражаній; это многихъ-бы поощрило къ занятіямъ драматическою отраслю литературы, отраслю, за которую теперь многіе молодые таланты не рѣшаются приняться именно потому, что опасаются остаться безъ всякаго вознагражденія за труды свои.

— *Le Mercure de Westphalie* выдаетъ за вѣрное, что будто-бы Пруссійскій Король поручилъ одному изъ берлинскихъ архи-

текторовъ построить въ Санъ-Суси греческій театръ, на которомъ, въ хорошую погоду, на чистомъ воздухѣ, будутъ даваться избранныя произведенія древнихъ трагиковъ Греціи.

— По прибытіи Россіи въ Парижъ къ нему явилась депутація, состоящая изъ первыхъ музыкантовъ. Едва онъ успѣлъ войти въ свой домъ, какъ началась увертюра изъ его «Вильгельма Теля»; при столѣ была играна увертюра изъ «Севильскаго Цирюльника». Къ нему собрались всѣ знаменитѣйшіе артисты. На праздникъ было до 400 человекъ; въ немъ участвовала даже и дѣвица Рашель.

— Г-жа Бишопъ и г. Бокса находятся теперь въ Веронѣ и, какъ пишутъ, пользуются тамъ блистательнымъ пріемомъ. Если арфа г. Боксы восхищаетъ любителей музыки, то пѣніе г-жи Бишопъ приводитъ ихъ просто въ энтузіазмъ. Знаменитые артисты уже три раза давали концерты въ театрѣ, и при третьемъ концертѣ, пѣвицѣ набросали на сцену столько цвѣтовъ, вѣнковъ и стиховъ, что полъ сцены превратился въ настоящій цвѣточный коверъ. Особенно очаровала слушателей арія изъ Нормы. Г-жа Бишопъ доставила жителямъ Вероны особенное наслажденіе, которымъ еще ни одинъ изъ посѣщаемыхъ ею городовъ не имѣлъ счастья пользоваться, а именно въ Веронѣ она въ первый разъ явилась дѣйствующимъ лицомъ въ оперѣ «Анна Боленъ» и восхитила зрителей, какъ пѣніемъ, такъ и игрою. Метода ея пѣнія пріятно напомнила слушателямъ незабвенную Малибранъ. Отсюда знаменитые артисты отправляются въ Венецію.

— Изъ Дрездена пишутъ: «Здѣсь носятся слухи, что Эмиль Девриентъ, украшеніе нашей придворной сцены, по какимъ-то семейнымъ отношеніямъ, оставляетъ навсегда нашу сцену и столицу. Слухи-же, что превосходный этотъ артистъ заключилъ контрактъ съ Ганноверомъ, не справедливы.

— Въ Парижской Оперѣ ставится новый балетъ «Пери» музыка г. Бургмиллера.

— Въ Неаполѣ, на театрѣ С. Карло, возбуждаетъ большое вниманіе г-жа Тадолини. Ее считаютъ теперь первую итальянскую пѣвицею, и первымъ музыкальнымъ талантомъ послѣ покойной Малибранъ. Метода ея, говорятъ, превосходна, а голосъ такъ силенъ, что послѣ самыхъ трудныхъ партій не замѣтно въ немъ ни малѣйшаго ослабленія.

— Изъ Мадрита пишутъ: «Рубини скоро ожидаютъ въ нашу столицу, гдѣ онъ ангажированъ на 30 представленій къ театру del Circo. Удовольствіемъ слышать во второй разъ этого

царя итальянских пѣвцовъ, дилетанты наши одолжены герцогу д'Осаньо, который ангажировалъ его, обязавшись заплатить театру del Circo, за спектакли, въ которыхъ будетъ участвовать Рубини, 30,000 франковъ.

— Англійскіе журналы извѣщаютъ, что г-жа Евгенія Гарчіа появилась съ блистательнѣйшимъ успѣхомъ въ Лондонѣ, на Театрѣ Принцессы. Она пѣла Соннамбуллу Беллини, въ англійскомъ переводѣ, и сила ея голоса, красота методы и выразительность пѣнія возбудили величайшій восторгъ въ публикѣ.

— Изъ Берлина пишутъ отъ 27-го декабря: «Въ непродолжительномъ времени на Потсдамскомъ театрѣ дана будетъ Аристофанова комедія «Лягушки», переведенная на нѣмецкій языкъ профессоромъ Франкомъ; музыка для этой комедіи сочинена молодымъ талантливымъ композиторомъ Коммеромъ. На праздникѣ, который члены университета давали недавно въ честь молодаго эллиниста Бека, по случаю дня его рожденія, студенты пѣли два главные хора изъ «Лягушекъ», съ музыкой г-на Коммера, которая заслужила единодушное одобреніе многочисленнаго и блестящаго общества, собравшагося на это празднество.

— Г. Штегеръ, директоръ пражскаго театра, назначилъ три преміи, въ 20, въ 15 и 10 червонцевъ, за оригинальныя богемскія драмы. Къ этимъ преміямъ одинъ любитель чешскаго языка прибавляетъ еще, за право изданія alterum tantum, что и составитъ 40, 30 и 20 червонцевъ. Присужденіе премій приняли на себя г-нъ префектъ Юсіфъ Юнгманнъ, исторіографъ Францъ Палани, профессоръ В. Л. Свобода, проф. И. П. Каубекъ (Kaubek) и Эрасмъ Воцель (Erasmus Wocel).

— Въ Вѣнѣ дана была недавно въ первый разъ новая комедія Раупаха, подъ названіемъ: «Комедія безъ заглавія» (Comédie ohne Titel).

— Немного странный, но все таки замѣчательный французскій композиторъ Берліо проводитъ нынѣшнюю зиму въ Германіи; онъ пишетъ музыку для оперы Виктора Гюго и хочетъ придать своему произведенію надлежащій колоритъ мѣстности, потому что предметъ оперы есть прелестная легенда Pescopin et Pescopette, которую Викторъ Гюго рассказываетъ въ своемъ «le Rhin».

— Въ Лондонѣ, къ святкамъ приготовлена была новая большая пантомима «Царство Духовъ» съ 50-ю новыми декораціями и съ

100 новыми машинами. Декорации и машины стоили 10,000 фунт. стерлинговъ. На сценѣ былъ настоящій пароходъ, — стрѣляли изъ 10-ти настоящихъ пушекъ. Такъ разсказываютъ англійскія газеты, но это что-то походить на сѣвероамериканскія штуки.

— Отецъ Фанни Эльслеръ, жившій какъ частный человекъ въ Вѣнѣ, умеръ 12-го сего января, на 73-мъ году отъ роду. Дети его, а особенно Фанни, нѣжно любившіе отца и доставлявшіе ему, во всѣхъ отношеніяхъ, спокойную старость, великодушно похоронили его 14-го сего мѣсяца, въ церкви Св. Стефана.

— Пианистъ Талбергъ составилъ себѣ своими концертами такое огромное состояніе, что теперь не хочетъ болѣе являться въ публикѣ, а намѣренъ поселиться въ Парижѣ и жить своими доходами.

— Полина *Гарчіа Віардо* ангажирована на три года при Парижскомъ Итальянскомъ театрѣ и была принята съ восторгомъ въ роли Семирамиды.

— *Дюпре*, первый тенористъ Большой Оперы въ Парижѣ, получавшій доселѣ ежегодно 87,000 франковъ, заключилъ новый контрактъ, по которому будетъ получать 90,000 фр. За это онъ долженъ пѣть восемь разъ въ мѣсяцъ и имѣть два мѣсяца отдыха.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

31-го января.

Самая важная и, можно сказать, единственная театральная новость второй половины послѣдняго мѣсяца есть явленіе г-жи Гранъ на нашей сценѣ. Она дебютировала вчера, 30-го января, въ балетѣ Жизель, который, отъ ея превосходнаго таланта, получилъ новую жизнь, новую прелесть на нашей сценѣ. Но кто эта г-жа Гранъ? спросять читатели. Откуда она пришла къ намъ? Гдѣ отличалась прежде того?

Представимъ въ краткомъ очеркѣ ея біографію. Люсиль Гранъ (Lucile Grann) родилась въ Копенгагенѣ, 30 іюня 1821. Стало-быть ей теперь только двадцать-два года. Для танцовщицы это статья не послѣдняя. Ей не было еще четырехъ лѣтъ, когда отецъ ея, старшій офицеръ, любившій театръ, повелъ ее однажды на представленіе како-то балета. Очарованная Люсиль цѣлые два года послѣ-того, день и ночь, бредила этимъ балетомъ. Она непрерывно повторяла видѣнные ею па и позы. Когда родные ея, частію боясь за ея здоровье, а частію и потому, что не думали назначать ея къ балетному поприщу, запрещали ей предаваться ея страсти къ танцамъ, она принималась плакать, такъ-что, наконецъ, удивляясь такъ-рано проявившемуся призванію они стали ободрять маленькую танцовщицу. Люсиль Гранъ помѣщена была въ Королевскую Танцовальную Школу, состоящую подъ управленіемъ знаменитаго профессора Ларше (Larcher). Малютка Люсиль достигла цѣли своихъ дѣт-

скихъ желаній. Ей было тогда тогда шесть лѣтъ: годъ спустя Ларше позволилъ ей дебютировать въ роли Купидона и она снискала одобреніе двора и всѣхъ зрителей. Датскіе поэты писали про нее, что *стрѣлами амура она ранила всѣ сердца*.

Несмотря на этотъ блистательный успѣхъ, Люсиль удалилась со сцены и пять лѣтъ трудилась въ тишинѣ, надъ усовершенствованіемъ своего таланта. Знаете-ли вы, что значитъ учиться балетному искусству? Знаете-ли, какъ легко достаются эти граціозныя позы, эти очаровательныя прыжки, эта ловкость движеній, которые такъ упоительно дѣйствуютъ, на ваше зрѣніе, на ваши чувства? (Съ восьми лѣтъ до четырнадцати Люсиль Гранъ предавалась этому утомительному, тяжелому ученію, этимъ мукамъ, которыя едва-ли не ужаснѣ древней *пытки*, но безъ которыхъ нельзя пріобрѣсти ни эластичности ножки, ни гибкости талии, словомъ ничего, что столько необходимо для царицы балета. Четырнадцать лѣтъ, Люсиль, дѣвушка высокаго роста, превосходно-сложенная, красоты идеальной и фантастической, какъ поэзія сѣвера, дебютировала въ роли *Фенеллы*.) Въ одну недѣлю въ садахъ Копенгагена не осталось ни одной розы: всѣ онѣ, такъ сказать, сами собою попадали къ стопамъ царицы цвѣтовъ, распустившейся на сценѣ Копенгагенскаго театра. Сколько вѣнковъ!... сколько букетовъ!... Никогда и не думали, что-бы въ Даніи было столько розъ!...

Принцы, принцессы, посланники, обожало эту прелестную дѣвушку съ голубыми глазами, съ бѣлокурою головою съ милою скромною улыбкою, съ воздушною ножкою. Копенгагенскіе поэты, соединенными силами, написали въ честь ея балетъ, въ которомъ собраны были всѣ возможные роды танцевъ. Балетъ этотъ названъ былъ «Балетомъ пяти чувствъ». Въ этомъ балетѣ выведена была молоденькая бунтовщица, которая не хотѣла и слышать про Амура. Амуръ отомстилъ за себя—обольстивъ ее, какъ это онъ и всегда дѣлаетъ.—Сладкое впрочемъ мщеніе! Потому Люсиль создала роль Астрида Валдемаръ въ серьезномъ балетѣ, содержаніе котораго заимствовано изъ лѣтописей Норвегіи, Швеціи и Даніи. Превратясь въ мужчину, она выказала совершенно-новую сторону своего таланта. Наконецъ г-жа Гранъ играла иѣжную, меланхолическую Маргариту Гете, эту невинную жертву науки и сомнѣнія, увядающую отъ прикосновенія Фауста, подобно тому, какъ увядаеть цвѣтокъ подъ ру-

кою безжалостнаго ботаника. Еще являлась она въ роли Квиттерии (*Quitteria*) въ балетѣ подъ названіемъ Доанъ-Кихотъ и всякій шагъ Люсилъ Гранъ возвышалъ ея славу. Ничто не можетъ сравниться съ восторгомъ, какой возбуждало каждое появленіе ея на сценѣ.

Въ то время во Франціи производилъ, какъ говорится, фурроре балетъ *Сильфида*, и Датчане имѣвшие свою *Марію Таййони*, съ криками требовали этого новаго балета. Люсилъ Гранъ поспѣшила приѣхать къ юнымъ плечикамъ своимъ граціозныя крылышки этой воздушной обитательницы. Балетъ этотъ былъ поводомъ къ одному важному происшествію, надѣлавшему много шума во всей Даніи. Танцоръ, который долженъ былъ занимать роль Шотландца въ этомъ балетѣ, не понравился Люсилъ; воздушная Сильфида никакъ не хотѣла напечатлѣть на лбу спящаго Шотландца летучій поглыблун, который пробуждаетъ его; она рѣшительно отказалась отъ удовольствія коснуться своими прелестными губками до кожи, которая ни сколько не соблазнила ее (*qui ne la tentait pas*), какъ говоритъ *Дориса* о *Тартюфѣ*. Изъ этого вышла большая исторія. Възбѣшенный (впрочемъ и было отъ чего) Шотландецъ наполнилъ дѣльми Копенгагенъ своими жалобами и если-бы въ это дѣло не вмѣшался дворъ, то Люсилъ, можетъ-быть, посадили-бы подъ арестъ. Вотъ что ожидало ее и чему она скорѣе готова была подвергнуться, чѣмъ поцѣловать отвратительную фигуру Шотландца!

Люсилъ минуло шестнадцать лѣтъ. Соскучившись въ мрачномъ, туманномъ, мертвомъ Копенгагенѣ, она стало-было мечтать о Парижѣ. Парижъ, Эльдorado всѣхъ артистовъ, гдѣ приобрятается самая громкая слава, создается самая скорая репутація! Люсилъ оставляетъ всѣ почести, которыми окружаютъ ее въ Копенгагенѣ, и спѣшитъ, съ своею матерью, въ Парижъ. Едва ступивъ на парижскую мостовую, она бѣжитъ въ *Оперу*; встрѣчаетъ знаменитаго балетмейстера *Барре* (*Barrez*), требуетъ у него уроковъ — и лучше ничего не могла сдѣлать! Барре въ восхищеніи, что съверное небо посылаетъ ему такую восхитительную ученицу! Люсилъ трудится день и ночь. Вдругъ датскій камергеръ Гомитеинъ зоветъ ее занять роль въ балетѣ, приготовленномъ для праздника по случаю рожденія королевы. Королева такъ любима, такъ ласкала ее! И вотъ Люсилъ тотчасъ-же возвращается въ Копенгагенъ, является мимоходомъ въ Ваардеркѣ и опять уѣзжаетъ! Но мы забыли про *Кажуу* Дауэста

идеомудренная красавица, эта скромная Датчанка умѣла похитить у Фанни Эльслеръ ея упоительныя позы и движенія, не оскорбляя при всемъ томъ нисколько врожденной скромности своихъ соотечественниковъ. Словомъ-сказать, Качуча вознесла ее до облаковъ.

Люсиль опять уѣзжаетъ во Францію. Она дебютируетъ въ Королевской Академіи, въ «Венеціанскомъ карнавалѣ» и въ «Соннамбуль», и дебюты эти по сіе время остались въ памяти парижскихъ любителей театра, впрочемъ такъ скоро забывающихъ старое для новаго. Ихъ поражала грація, поражала скромность, благопристойность г-жи Гранъ. Это новая Марія Тальioni, но моложе, но прекраснѣе! За этими дебютами, которые на-перерывъ были превозносимы парижскими журналистами-любезниками, послѣдовалъ контрактъ. Каммергеръ Голштейнъ снова призываетъ Люсиль для другаго какого-то торжества. Покорная этому призыву, г-жа Гранъ, въ ожиданіи минуты своего вступленія на Театръ Оперы, еще разъ возвращается въ Копенгагенъ; на пути она проѣзжаетъ черезъ Гамбургъ, гдѣ встрѣчаютъ ее съ единодушнымъ восторгомъ. Вотъ она опять на сценѣ своей родины, играетъ роль *Царицы Фантазій*, въ балетѣ, нарочно для нея сочиненномъ, потомъ играетъ, въ «Робертѣ», и наконецъ танцуетъ *краковякъ* и особенное па, называемое *el jaleo de jeres*. Качуча просто свела съ ума всѣхъ Датчанъ. Послѣ вторичнаго визита, визита благодарности, Гамбургцамъ, которые цѣлымъ городомъ сопровождаютъ до самыхъ городскихъ воротъ экипажъ ея, Люсиль съ триумфомъ возвращается въ Парижъ, и снова начинается свои очаровательныя па; ей тотчасъ отдаютъ роль Сильфиды и она исполняетъ ее такъ, что изглаживаетъ изъ памяти Парижанъ всѣ прежнія впечатлѣнія. Однако-жъ г-жа Гранъ все-таки должна была выдержать тяжелую борьбу противъ одной скрытой оппозиціи, которая часто играетъ судьбою артистовъ. Мы говоримъ о заговорѣ «львовъ» противъ нея. *Львами* называется въ Парижѣ десятка два двуногихъ животныхъ, въ желтыхъ перчаткахъ, претендующихъ на право владычества надъ всякою молоденькою и хорошенькою артисткою, поступающею въ *Оперу*. Если дебютантка не покарается ни одному изъ нихъ, ее *роплютъ* (*on la chute*), то-есть во всѣхъ углахъ залы поднимается ропотъ, и бѣдное дитя неволью теряется. Такъ то эти львы понимаютъ любезность съ женщинами!... Люсиль, дѣвушка благородная, опираясь на публику и на журналы, не согласилась на приглашеніе выбрать себѣ

покровителя изъ этого вѣрринца, непристойное владычество котораго можетъ быть терпимо развѣ только въ Парижѣ. И такъ Сильфида отказалась покориться вапризамъ парижскихъ львовъ, и все-таки успѣхъ ея былъ не меньше; онъ былъ еще блистательнѣе.

Большое торжество готовилось для Люсилъ Гранъ; она должна была танцовать въ балетѣ «Gypsy», въ бенефисъ г-жи Фальконъ; но злая судьба остановила полетъ нашей артистки: жестокое воспаленіе въ колѣнѣй приковало ее къ постели, гдѣ печальная и грустная долго страдала она, вида такое непреодолимое препятствіе въ самое блестящее время своего поприща. По-счастію она попала на руки знаменитаго доктора Лисфранка, для котораго въ медиции почти не существуетъ трудностей, и искусству котораго Парижъ еще недавно обязанъ былъ излеченіемъ одной изъ прелестнѣйшихъ танцовщицъ, дѣвицы *Полинны Леру*.

Благодаря усердію, познаніямъ и таланту этого врача, г-жа Гранъ встала съ своего болѣзненнаго одра, окрѣпла въ силахъ, и, легкая Сильфида, прилетѣла къ намъ, чтобы утѣшить въ потерѣ другой граціи, которая еще по-сѣ-время въ смутномъ видѣніи носится передъ нашими очарованными взорами....

30-го января, какъ мы сказали, г-жа Гранъ дебютировала на нашей петербургской сценѣ въ роли *Жизель*, въ балетѣ того-же названія. Первый выходъ ея встрѣченъ былъ довольно-холодно: публика еще не забыла очаровательницы Тальйони, которая нѣсколько лѣтъ сряду доставляла ей столько наслажденія; могла-ли-же она вдругъ со всеѣмъ восторгомъ передаться новой Сильфидѣ, еще незнакомой, еще неуспѣвшей плѣнить ее? Но не-смотря на все это, г-жа Гранъ скоро успѣла вѣрвать должную ей дань одобренія и восторга, — и публика проводила ее со сцены съ такими-же рукоплесканіями, съ такими-же вызовами, съ какими провожала Тальйони. И дѣйствительно, г-жа Гранъ заслуживала этихъ восторговъ: высокій ростъ, при стройности тѣла, молодость и свѣжесть — это ея преимущества передъ Тальйони: граціи, легкости, воздушности, такъ-сказать, это ея общая съ нею принадлежность. Г-жа Гранъ — актриса превосходная: мимика доведена у нея до совершенства. Чтобы вѣрнѣе судить о новой нашей артисткѣ, подождемъ *Сильфиды*, подождемъ *Хитаны*, подождемъ тѣхъ балетовъ, въ которыхъ имѣли случай изучать Тальйони. Мы не сомнѣваемся, что балетъ нашъ сдѣлалъ

ЛЕГКОЕ СРЕДСТВО ВЫГЛАЖИВАТЬ СМЯТЫЯ ГРАВЮРЫ И ЛИТОГРАФИИ.

(ПРИМЪЧАНІЕ ДЛЯ Г-ДЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.)

Многіе изъ господъ подписчиковъ на «Репертуаръ и Пантеонъ», особенно иногородныхъ, изъявили редакціи свои опасенія на-счетъ того, что литографіи, прилагаемыя къ книжкамъ «Репертуара и Пантеона», будучи форматомъ своимъ больше формата книжки, черезъ пересылку по почтѣ, будутъ мяться и портиться; почему редакція долгомъ считаетъ сообщить легкое средство ихъ выглаживать: возьмите губку или чистое полотенце, намоченныя водою, и по сгибамъ или складкамъ картины проведите слегка, разумѣется, съ-изнанки, такъ, чтобы придать бумагѣ небольшую сырость; потомъ возьмите нѣсколько дестей чистой писчей бумаги, положите ровно картину между этой бумагою на столѣ, сверху наложите доску во всю величину картины, и на нее какую нибудь тяжесть — утюгъ, и т. п. Дайте такимъ-образомъ полежать картинѣ нѣсколько времени, пока она высохнетъ, и вы получите совершенно ровную, гладкую литографію или гравюру.

